

ISSN 2587-7844

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Красноярского государственного
педагогического университета
им. В.П. Астафьева

2025. № 4 (33)

Учредитель

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (КГПУ им. В.П. Астафьева)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации в Роскомнадзоре Эл № ФС 77-70429 от 20 июля 2017 г.

Языки: русский, английский

Доменное имя сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (для сетевого издания): SIBFIL.RU

История журнала

В 2016 г. на базе университета был проведен Сибирский филологический форум, собравший филологов России и зарубежья и ставший местом дискуссий и обмена идеями, наработками, проектами. Данное событие послужило поводом для создания журнала, на страницах которого не одновременно, а регулярно можно было бы проводить подобные обсуждения, делать обзоры, сообщать о значимых событиях в области филологии

Задачи и тематика журнала

Публикация оригинальных научных исследований по филологии: 5.9.1, 5.9.3, 5.9.5, 5.9.8

Дискуссии и обзоры по актуальным проблемам филологии

Рецензии на статьи и монографии российских и зарубежных филологов

Освещение научных филологических событий (конференций, круглых столов, семинаров, научных школ)

Хроники региональных исследований
Все статьи проходят трехступенчатое рецензирование

Издательство

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева.
Россия, 660049, Красноярск,
ул. А. Лебедевой, 89, каб. 3-20а

Индексирование

С 1 марта 2021 г. журнал включен ВАК в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал размещен в системе научной электронной библиотеки «КиберЛенинка»

Журнал размещен на платформе публикаций SciUp

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ SIBERIAN PHILOLOGICAL FORUM

Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev 2025. № 4 (33)

Редакционная коллегия (editorial board)

Васильева С.П., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (главный редактор)
Vasilieva S.P., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State pedagogical University named after V.P. Astafyev (Editor-in-Chief)

Ковтун Н.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (зам. главного редактора)
Kovtun N.V., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Deputy Editor-in-Chief)

Васильев А.Д., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Vasiliev A.D., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia)

Войводиц Ясмينا, доктор филологических наук, профессор, Университет Загреб (Хорватия)
Voynovich Y., DSc (Philology), Professor, University of Zagreb (Croatia)

Гиздатов Газинур Габдуллаевич, доктор филологических наук, профессор, Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана (Алматы, Республика Казахстан)
Gizdatov G.G., DSc (Philology), Professor, Abylai Khan Kazakh University of International Relations and World Languages (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Демидов Д.Г., доктор филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет
Demidov D.G., DSc (Philology), Associate Professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

Доценко Е.Г., доктор филологических наук, профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург)
Dotsenko E.G., DSc (Philology), Professor, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia)

Казыдуб Н.Н., доктор филологических наук, профессор, Сибирский федеральный университет (Красноярск)
Kazydub N.N., DSc (Philology), Professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)

Козлов А.Е., доктор филологических наук, доцент, Новосибирский государственный педагогический университет; научный сотрудник СО РАН (Новосибирск)
Kozlov A.E., DSc (Philology), Associate Professor, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia); Researcher, Siberian Branch of the Russian Academy of Science (Novosibirsk, Russia)

Ларина М.В., кандидат филологических наук, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского (Санкт-Петербург)
Larina M.V., PhD (Philology), Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy (Saint Petersburg, Russia)

Нурғали Қадша Рүстембекқызы, доктор филологических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан)
Nurgali K.R., DSc (Philology), Professor, Head of the Department of Russian Philology, L.N. Gumilev Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan)

Осетрова Е.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Osetrova E.V., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia)

Пикколо Лаура, профессор, Университет Рома Тре (Италия)
Piccolo L., Professor, Roma Tre University (Italy)

Проскурина Е.Н., доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск)
Proskurina E.N., DSc (Philology), Chief Researcher, Institute of Philology, SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Сейбель Н.Э., доктор филологических наук, профессор, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск)
Seibel N.E., DSc (Philology), Professor, South Ural State University of Humanities and Education (Chelyabinsk, Russia)

Софронова Т.М., кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Sofronova T.M., PhD (Philology), Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia)

Цветова Н.С., доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
Tsvetova N.S., DSc (Philology), Professor, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

Черняк М.А., доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
Chernyak M.A., DSc (Philology), Professor, Department of Russian Literature, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University (Saint Petersburg, Russia)

Чугункова А.Н., доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (Абакан)
Chugunekova A.N., DSc (Philology), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Humanitarian Studies and Sayano-Altai Turkology, N.F. Katanov Khakass State University (Abakan, Russia).

Шалимова Н.С., доктор филологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет
Shalimova N.S., DSc (Philology), Associate Professor, Moscow City Pedagogical University (Moscow, Russia)

Шмелева Т.В., доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
Shmeleva T.V., DSc (Philology), Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ TABLE OF CONTENTS

*Памяти
Александра Дмитриевича Васильева*

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

*Актуальные проблемы
изучения русского языка*

А.Д. Васильев

О НОВОМ ДОКУМЕНТЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ
«ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ОСНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

A.D. Vasiliev

ABOUT NEW DOCUMENT
REGARDING STATE LANGUAGE POLICY
“ON THE APPROVAL OF THE FUNDAMENTALS
OF THE STATE LANGUAGE POLICY
OF THE RUSSIAN FEDERATION”

[6]

А.В. Михайлов, Т.В. Михайлова

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СВЯТОМ МЕСТЕ
В ВОСПРИЯТИИ И ТОЛКОВАНИЯХ
МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ В КРАСНОЯРСКЕ

A.V. Mikhaylov, T.V. Mikhaylova

IDEAS ABOUT HOLY PLACES AND HOLINESS
IN THE PERCEPTION AND INTERPRETATION
OF YOUNG PEOPLE IN KRASNOYARSK

[14]

С.П. Васильева, Мэн Юань

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «СЕМЬЯ»
И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

S.P. Vasilyeva, Meng Yuan

LEXICAL-SEMANTIC FIELD ‘FAMILY’
AND ITS REPRESENTATION
IN PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

[26]

К.Н. Гафиуллина

КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО
В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ
(В СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ)

K.N. Gafiullina

NOUN CASE CATEGORY
IN THE ENGLISH, RUSSIAN AND TATAR LANGUAGES
(COMPARATIVE AND TYPOLOGICAL ASPECT)

[39]

Е.Н. Елина, Т.М. Софронова

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА
ПЕРЕВОДЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
НАЦИОНАЛЬНО И РЕГИОНАЛЬНО КУЛЬТУРНО-
МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ ДЛЯ ФРЕЙМОВОГО СЛОВАРЯ

E.N. Elina, T.M. Sofronova

LINGUOCOGNITIVE FOUNDATIONS FOR ANALYSIS
OF TRANSLATION TECHNIQUES APPLIED
TO NATIONAL AND REGIONAL CULTURE-SPECIFIC
VOCABULARY IN THE FRAME DICTIONARY

[50]

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

*Актуальные проблемы
литературоведения*

А.В. Александрова

АНТРОПОНИМЫ В РОМАНЕ И.В. ОДОЕВЦЕВОЙ
«АНГЕЛ СМЕРТИ»

A.V. Aleksandrova

ANTHROPONYMS IN I.V. ODOYEVTSOVA'S NOVEL
THE ANGEL OF DEATH

[73]

Н.В. Константинова

«ЗИМНИЕ ЗАМЕТКИ О ЛЕТНИХ ВПЕЧАТЛЕНИЯХ»

Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

КАК «ПАРАДОКСАЛЬНЫЙ» ТРАВЕЛОГ

N.V. Konstantinova

WINTER NOTES ON SUMMER IMPRESSIONS

BY F.M. DOSTOEVSKY AS A ‘PARADOXICAL’ TRAVELOGUE

[85]

О.А. Скрипова

ОТЦОВСКАЯ ПАМЯТЬ

О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

В РОМАНЕ В. СОТНИКОВА «УЛЫБКА ЭММЫ»

O.A. Skripova

FATHER'S MEMORY ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR
OF 1941–1945 IN V. SOTNIKOV'S NOVEL *EMMA'S SMILE*

[99]

СЛОВО МОЛОДЫМ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМ

Д.О. Виноградов

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ЛЕКСЕМЫ *СТАРЫЙ*

D.O. Vinogradov

LEXICAL-SEMANTIC FIELD OF THE LEXEME ‘OLD’

[112]

Е.А. Гаврилкова

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ

«СЕМЬЯ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ

КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ

E.A. Gavrilkova

A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ASSOCIATIVE FIELD

‘FAMILY’ IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS

OF YOUNG PEOPLE IN THE KRASNOYARSK REGION

AND EUROPEAN RUSSIA

[124]

Лан Жуй

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ

ФЕНОМЕНОВ В РЕКЛАМЕ И ВЫВЕСКАХ

ГОРОДА НОВОСИБИРСКА

Lan Rui

PRAGMATIC FUNCTIONS OF PRECEDENT PHENOMENA
IN ADVERTISING AND SIGNAGE IN NOVOSIBIRSK

[135]

Ф.Е. Платонов

ИНСОМНИЧЕСКАЯ АНТИУТОПИЯ

В РОМАНЕ В.С. ИВАНОВА И В.Б. ШКЛОВСКОГО «ИПРИТ»

И РАССКАЗЕ А.Р. БЕЛЯЕВА «ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ СПИТ»

F.E. Platonov

INSOMNIC ANTI-UTOPIA IN THE NOVEL *YPERITE*

BY V.S. IVANOV AND V.B. SHKLOVSKY AND THE STORY

THE MAN WHO DOESN'T SLEEP BY A.R. BELYAEV

[143]

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

[152]

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ДМИТРИЕВИЧА ВАСИЛЬЕВА

31 октября 2025 г. ушел из жизни известный ученый, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, член редколлегии журналов «Сибирский филологический форум», «Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева».

От нас ушел крупный специалист в области лингвистики. Вся его жизнь – бесконечная преданность науке и системе образования. В этом году его педагогический стаж составил 50 лет. На его счету 6 подготовленных кандидатов филологических наук, 410 публикаций, из них 10 монографий и 13 учебных пособий, не считая переизданий.

Широкая эрудиция, увлеченность, глубокое чувство ответственности за порученное дело были определяющими чертами А.Д. Васильева. Его научные наблюдения отличались остротой и злободневностью. На рабочем столе осталась открытой рукопись только что завершенной монографии.

Коллектив филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева выражает глубокое соболезнование родным и близким Александра Дмитриевича.

Коллеги филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

О профессоре А.Д. Васильеве

Уход из жизни профессора Александра Дмитриевича Васильева стал для нас, красноярских филологов, внезапной и серьезнейшей потерей. Символично, что узнали мы об этом буквально на открытии конференции, которую он вместе с коллегами по педагогическому университету и создал много лет назад. Ушел буквально на бегу, в ходе исследовательской работы, как на сцене актер...

Вспоминаем, как в первый раз увидели Александра Дмитриевича в 1989 (кажется) году на кафедре русского языка Санкт-Петербургского университета в разговоре с профессором В.В. Колесовым. Обращаясь к находящимся на кафедре, Владимир Викторович сказал: «Знакомьтесь, коллега из Сибири, из Красноярска». Через два-три года, уже в Красноярске, в государственном университете, нужно было найти солидного председателя государственной экзаменационной комиссии для выпускающих филологов-русистов и журналистов. Не помню уже кто, наверное, Т.В. Шмелева посоветовала обратиться к А.Д. Васильеву. Через долгие годы, уже седые сами, эти филологи вспоминали, насколько внимательно

заслушивались их доклады, читались их дипломные работы. И так во всем – дотошность, серьезная вдумчивость, заинтересованное обсуждение и вопросы – профессор Васильев умел быть и собеседником, и критиком, умел и подбодрить молодого коллегу, и встряхнуть засыпающую после трудов праведных аудиторию научной секции иронической фразой, уместной цитатой из классиков.

А как широк был круг его научных связей... Он переписывался с множеством коллег со всех концов страны – из Екатеринбурга, Перми, Владивостока, Москвы, Санкт-Петербурга, Владимира... В 2013 г. на научной конференции по профессиональным языкам в издательстве «Златоуст» можно было видеть воочию, как сердечно приветствовали профессора-красноярца Васильева участники заседаний.

Сколько книг, статей, проблем, учеников!.. Профессор Васильев останется в нашей памяти примером служения отечественной русистике, примером ученого, ответственного за состояние науки о русском языке, любви и бережного отношения к русской речи.

*А.В. Михайлов, доцент, заведующий кафедрой общественных связей,
Сибирский государственный университет науки и технологий
им. академика М.Ф. Решетнёва,*

*Т.В. Михайлова, доцент кафедры общественных связей,
Сибирский государственный университет науки и технологий
им. академика М.Ф. Решетнёва*

Уход из жизни Александра Дмитриевича – большая утрата для семьи, коллег, друзей, его студентов и всех, кто его знал. Врачи делали все возможное, но болезнь победила жизнь. Пусть земля ему будет пухом! А тем, кто его знал, кто работал, дружил с Александром Дмитриевичем, останется добрая память. Низко склоняю голову перед его именем за многие годы дружбы, 51 год.

*Н.И. Дроздов, ректор КГПУ им. В.П. Астафьева 1997–2012 гг., профессор,
Сибирский федеральный университет*

Александр Дмитриевич – большой друг томичей и талантливый ученый.
Выражаю глубочайшие соболезнования Вам, всем близким и коллегам!
Светлая память Александру Дмитриевичу!

*О.Г. Щитова, профессор,
Томский государственный исследовательский университет*

Узнала о кончине Александра Дмитриевича.

Недели две назад читала его книгу по политической лингвистике. Восхищалась слогом, логикой, доступностью изложения.

Печально, когда уходят Ученые, Учителя. Александр Дмитриевич увековечил себя в книгах, он будет жить в диалогах с читателями-лингвистами. Светлая память!

Примите мои глубочайшие соболезнования.
Да поможет Вам Господь!

*И.В. Евсеева, профессор,
Сибирский федеральный университет*

В память об ученом публикуется его последняя статья.

УДК 81-114

О НОВОМ ДОКУМЕНТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ «ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ОСНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

А.Д. Васильев (Красноярск, Россия)

Аннотация

Любой стране в той или иной мере свойственно официально выражаемое внимание к языку (языкам), являющемуся основным средством общения для его граждан. Сложная и многогранная совокупность мероприятий, обычно обозначаемая термином «языковая политика», включает в себя и разработку руководящих документов, призванных регламентировать ее основные направления.

Суверенное государство, конституционно установив в важнейшем статусе государственного национальный язык конституционно государствообразующего народа, обоснованно считает своим долгом проведение такой языковой политики, которая направлена на поддержку, защиту и укрепление позиций этого языка. Разумеется, эти шаги власти затрагивают области весьма широкого диапазона, поскольку никакая деятельность граждан практически неосуществима без речевого общения.

Поэтому официальные документы, манифестирующие намерения государства в сфере языковой политики, чрезвычайно важны для всего общества и должны получать публичную известность.

Новейшим свидетельством внимания государства к проблемам функционирования русского языка стали Основы государственной языковой политики Российской Федерации.

Необходимость в принятии подобного документа назревала в течение последних примерно двух-трех десятилетий, и наконец он появился в июле 2025 г.

Не подлежит сомнению высокая значимость этого документа и его особая ценность для коренных носителей русского языка. Вместе с тем некоторые формулировки данного текста могут представляться не вполне совершенными. Они и служат предметом рассмотрения в статье.

Ключевые слова: *языковая политика, русский язык, государственный язык, развитие и поддержка государственного языка, система мероприятий для повышения речевой культуры.*

Государственный язык, будучи конституционно установленным, принадлежит к числу важнейших символов этого государства. Когда же этот язык является и родным для большинства населения страны (конституционно – государствообразующего народа), то понятно, что официальная языковая политика затрагивает повседневные жизненные интересы множества граждан и потому выступает одним из основополагающих направлений политической деятельности.

Государство выражает свои намерения в этой сфере в разных формах, в том числе в виде программных документов, представляющих векторы его языковой политики. Однако на протяжении довольно длительного времени некоторым проблемам в сфере речевой коммуникации уделялось недостаточно внимания. Наконец недавно был опубликован официальный документ, содержащий ряд важных установок.

Некоторые общетеоретические положения, касающиеся языковой политики, были ранее изложены автором в ряде публикаций, в том числе в статье «Вопросы культуры русской речи и аспекты российской языковой политики» [Васильев, 2025]. Поэтому здесь излагаются лишь отдельные суждения по поводу Основ государственной языковой политики Российской Федерации [Указ Президента № 474 от 11.07.2025].

В числе «основных понятий» (п. 4) – «а) государственный язык Российской Федерации – о б щ е у п о т р е б и т е л ь н а я форма русского языка, соответствующая нормам современного русского литературного языка <...> и подлежащая обязательному использованию в определенных законодательством <...> сферах» – довольно очевидно, что в данном случае имеется в виду «язык государства», то есть та форма русского языка, прежде всего на уровне лексико-фразеологическом, которая присуща официально-деловому стилю, наиболее податливому для регулирования [Васильев, 2021].

В п. 8 сказано, в частности: «именно русский язык в значительной мере определяет *общероссийскую гражданскую идентичность*» – не вполне понятно выделенное курсивом словосочетание. Нечеткость его семантики вызвана прежде всего использованием слова *идентичность*, довольно частотного в официозных текстах¹ и выступающего в функции мифогена².

Отрадно знать, что «Россия у с п е ш н о противостоит попыткам <...> навязывания идеологических установок, противоречащих традиционным российским духовно-нравственным ценностям» (п. 13); впрочем, понятно, что задачей данного документа не является конкретизация «успехов». Кроме того, несколько парадоксально, что враждебные России «идеологические установки» безусловно есть, а с в о е й идеологии у суверенной страны конституционно нет.

Среди «рисков, угроз и проблем» в п. 16а названо «отсутствие федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере <...> языков» – по существу, предлагается к имеющимся министерствам просвещения, образования, культуры добавить еще одну бюрократическую инстанцию.

¹ Васильев А.Д. Очерки политической лингвистики. М., 2018. С. 25–26.

² Васильев А.Д. О мифотворчестве средствами массовой информации // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы. СПб., 1995. С. 49.

Справедливо замечание о «необоснованном использовании в сферах официального общения иностранных слов» и т.д. (п. 16в). Но ведь и сами высокие руководители нередко щеголяют красным иноязычным словцом³.

В п. 16в упомянуто «сокращение численности носителей языков народов Российской Федерации» – непонятно, включены ли наконец сами русские в число носителей.

В п. 17 говорится о необходимости «предпринять скоординированные, комплексные и широкомасштабные усилия» (если они замышляются таковыми, то для их согласования и принятия разными ведомствами потребуется немало времени), в том числе по «формированию *общероссийской гражданской идентичности*». Но, судя по формулировке п. 8, этот гомункул у же существует; его осталось лишь «укреплять» (п. 18в).

Наверное, в п. 19ж следовало бы говорить об исследованиях не в «языковой сфере», а именно в лингвистической.

Не вполне понятно, как конкретно будут решаться хотя бы некоторые из задач государственной языковой политики, приведенные в п. 20. Например: каким образом предполагается достичь «утверждения в обществе представлений о высокой социальной ценности речевой культуры» и проч. (б), «повышение доступности для граждан <...> информации о нормах современного русского литературного языка» (е) – их преподают еще в школе; «обеспечение соблюдения» этих же норм при трансляции **не** на «общероссийских обязательных [!] общедоступных теле- и радиоканалах», а на местных, региональных, «независимых» и проч.; каким будет «с о в е р ш е н с т в о в а н и е системы образования и подготовки специалистов по изучению и преподаванию русского языка» (з) и что представляет собой «с о в р е м е н н а я система подготовки научных кадров» (к). Вероятно, под научными исследованиями «в области п е д а г о г и к и » (л) подразумеваются изыскания в сфере м е т о д и к и преподавания.

В п. 20б справедливо говорится о «недопустимости использования нецензурной лексики». Однако «не допускать» ее можно по-разному. С одной стороны, продолжает действовать ст. 20.1 Кодекса об административных правонарушениях, предусматривающая ответственность за мелкое хулиганство, в том числе за «нецензурную брань в общественных местах». С другой стороны, известно, что ст. 29 действующей конституции («гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается») трактуется зачастую весьма широко. В этом выражается радикальная смена векторов культурной политики по сравнению с советскими⁴. И многочисленные тексты, литературно-художественные и иные, реплики персонажей фильмов и *ток-шоу* дают соответствующие примеры своеобразно понимаемой свободы слова: употребление мата обычно оправдывается (если вообще

³ Васильев А.Д. Вариативные выражения универсальных оппозиций: в 2 т. Красноярск, 2020. Т. 1. С. 126 и др.

⁴ Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления. М., 2003. С. 169–172.

Васильев А.Д. Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ. СПб., 2013. С. 107–111.

оправдывается) некоей «творческой потребностью» и необходимостью самовыражения личности. Для реального преодоления этого порока насущно необходимо введение жесткого редактирования текстов.

Кроме того, знакомство носителей русского языка с «объектами культурного наследия» (и), как то: с квартирами и усадьбами мастеров слова, может быть полезно при изучении биографии писателя и его личности, но вряд ли представляет ценность с точки зрения «изучения, преподавания и популяризации русского языка и литературы» (там же). Для успешного достижения целей в последних перечисленных областях необходимо все же прежде всего ч т е н и е литературных произведений.

В п. 22а предполагается «обеспечение условий для продвижения русского языка как языка межнационального общения на постсоветском пространстве»; возможно, среди этих условий – и возведение в бывших «братских республиках» дорогостоящих культурных объектов (школ, театров и т.п.) за счет российского бюджета, что чрезвычайно расходно и вряд ли дальновидно.

Здесь в п. 22в упомянуто «расширение <...> связей <...> с иностранными гражданами, <...> разделяющими традиционные российские духовно-нравственные ценности». Вероятно, будет разработана какая-то наукообразная система оценок степени преданности упомянутым *ценностям*.

В п. 23а говорится о «расширении возможностей использования федеральной государственной информационной системы Национальный словарный фонд». Однако работы над этой системой пока что лишь продолжаются, и об их результатах говорить весьма преждевременно.

В этом же разделе излагается грандиозная образовательная задача: «разработка и внедрение программ в н е у р о ч н о й деятельности и специализированных д о п о л н и т е л ь н ы х образовательных программ, направленных на ф о р м и р о в а н и е грамотной письменной речи, развитие читательской и информационной культуры подрастающего поколения» (23е).

Что касается собственно «разработки программ», то, несомненно, это вполне осуществимо силами многочисленных околообразовательных псевдонаучных заведений. Совсем иное дело – «внедрение» этих программ. Крайне сомнительно, что их с большим энтузиазмом встретят школьные словесники, и так уже, как правило, трудящиеся не на одну ставку. Теперь же их собираются нагрузить еще и дополнительной **внеурочной** деятельностью (в придачу к уже имеющейся). Кроме того, школьная программа по русскому языку и так предполагает формирование грамотной письменной речи учащихся. Если же основного учебного времени для этого недостаточно, то, может быть, следует увеличить количество уроков русского языка. Надо предвидеть также, что увеличение количества учебных часов, перемещенных во внеурочную форму, вряд ли вызовет приступ энтузиазма у очень многих школьников. Среди них есть и те, кто, мягко говоря, не очень любит уроки русского языка. Если же эту важнейшую дисциплину станут насаждать принудительно, «как картофель при Екатерине» (Б. Пастернак), то такое благое начинание способно спровоцировать лишь эффект отторжения.

Подрастающему поколению постоянно навязывают то, что, видимо, именуется «информационной культурой», посредством разнообразных *гаджетов*. Однако большой вопрос, насколько такое «развитие» сопрягается с развитием культуры читательской: молодежь вывели на путь бездумного потребления (выращен «квалифицированный потребитель», по А. Фурсенко) информационных продуктов. А чтение литературы подразумевает размышление над прочитанным, то есть сложный процесс активного сотворчества читателя и автора (М.М. Бахтин). По существу, «информационная культура» не дополняет, но исключает культуру читательскую.

«Поддержка развития русского жестового языка» (п. 23к) вряд ли может считаться входящей непременно в круг задач для сохранения и развития русского языка. Если здесь учтены нужды инвалидов по слуху, то, наверное, было бы логичным принять во внимание и запросы инвалидов по зрению. Строго говоря, «языки» этих граждан, то есть искусственные знаковые системы, не являются языками в полном смысле слова. Для поддержания их функционирования необходима особая программа.

Многоступенчатые словесные конструкции п. 23л и 23м предназначены, вероятно, для косвенного выражения нехитрой якобы аксиомы: российской экономике чрезвычайно необходимы в качестве трудового ресурса иностранные граждане. По существу, здесь констатируется будто бы неизбежность их пребывания на территории РФ. И дело теперь за малым: наладить учет и контроль их познаний в сфере русского языка. Иначе говоря, как и во многих других случаях, телега поставлена впереди лошади: с н а ч а л а власти решили массово заселять необъятные просторы родины «ценными специалистами», а уж п о т о м озаботились их обучением русскому языку.

Но, оказывается, и это не главное. Главное – это «внедрение комплексной системы оценки уровня языковой адаптации иностранных граждан» (п. 23л), которые как-то уж очень быстро получают российское гражданство. Конечно, такую «комплексную систему» изобретут в каком-то околonaучном заведении, как и «систему тестирования несовершеннолетних иностранных граждан на знание русского языка» (п. 23м). Правда, если иностранные граждане безусловно объявляются «ценными специалистами», то вряд ли таковыми являются их несовершеннолетние отпрыски. Пребывание последних в классах среди русскоязычных детей заметно затрудняет процесс обучения и делает его заведомо малоэффективным – ведь совершенно непонятно и то, какой объем знания русского языка достаточен для приема на обучение в российские образовательные организации (Там же). При этом даже информация из открытых источников (которые, возможно, скоро станут закрытыми) свидетельствует об абсолютном нежелании мигрантов и их детей адаптироваться к условиям жизни в России и их, нередко, неприятию традиций коренного населения. Сказанное относится также к содержанию п. 25в и 25г.

Раздел VII «Инструменты и механизмы реализации государственной языковой политики» также небезынтересен.

В частности, здесь в п. 32 перечислены организационные возможности (по-новорусски, видимо, *компетенции*) Совета при Президенте Российской Федерации по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языков народов Российской Федерации⁵. Совет «координирует деятельность субъектов государственной языковой политики по реализации этой политики» (п. 32а) – по-видимому, это означает наращивание объемов служебной переписки. Совет же «осуществляет анализ и оценку эффективности реализации программ и проектов в языковой сфере» – значит, вероятно, прежде всего будет разработана система показателей эффективности, на основе применения которой станут составлять отчеты⁶. Это вероятно тем более, что уже известно о разработке методики измерения *традиционных духовно-нравственных ценностей* у российского студенчества.

Согласно п. 33б, параллельно вышеприведенному, правительство, со своей стороны, «разрабатывает и утверждает основные характеристики (*индикаторы*), позволяющие оценивать эффективность деятельности» органов власти по реализации «Основ». То есть будет производиться дублирование статистической отчетности, построенной на не вполне понятных *индикаторах* (об этом же – и п. 39).

Правительство же (п. 33г) «определяет ф е д е р а л ь н ы й орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики <...> в сфере сохранения <...> языков народов Российской Федерации». По-видимому, такой орган будет незамедлительно учрежден. Он, кроме того, будет ответственным «за обеспечение координации <...> федеральных органов <...> власти» – но «координация» у ж е возложена на Совет (п. 32а).

Может быть, п. 38в (о том, что «реализация государственной языковой политики будет способствовать <...> повышению гражданами России уровня владения русским языком») следовало бы сформулировать несколько иначе: «повышению уровня владения русским языком гражданами России» – то есть более внятно.

Выводы. Безусловно, документ, подобный Основам государственной языковой политики Российской Федерации, насущно необходим. Понятно, что он должен был стать заменой/дополнением малоизвестного паллиативного закона о государственном языке 2005 г.⁷. В тексте Основ содержится немало важных положений. Наряду с ними встречаются и не вполне удовлетворительные формулировки.

⁵ Вновь обратим внимание на многозначительность этого названия: русский фактически обособлен от всех других языков страны.

⁶ Ср.: «Поднято ярости масс – 3» // Ильф И., Петров Е. Для полноты счастья // Ильф И., Петров Е. Собр. соч.: в 5 т. М., 1961. Т. 3. С. 265–270. Это касается и «укрепления общероссийской гражданской идентичности» (п. 38б): непонятно, как будут измеряться достижения в такой маловнятно обозначенной сфере.

⁷ Васильев А.Д. Российская языковая политика 1991–2005 гг. Красноярск, 2008 С. 72–116.

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 11 июля 2025 г. № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412219970/>
2. Васильев А.Д. Вопросы культуры русской речи и аспекты российской языковой политики // Сибирский филологический форум. 2025. № 3 (32). С. 4–13. DOI: 10.24412/2587-7844-2025-3-4-13
3. Васильев А.Д. Терминологические аспекты современной российской языковой политики // Сибирский филологический форум. 2021. № 2. С. 37–46.

Сведения об авторе

Васильев Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

ABOUT NEW DOCUMENT REGARDING STATE LANGUAGE POLICY “ON THE APPROVAL OF THE FUNDAMENTALS OF THE STATE LANGUAGE POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION”

A.D. Vasiliev (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Any country, to one degree or another, is characterized by officially expressed attention to the language(s), which is the main means of communication for its citizens. A complex and multifaceted set of activities, usually referred to by the term ‘language policy’, includes the development of guidance documents designed to regulate its main areas.

A sovereign state, having constitutionally established the national language of a constitutionally state-forming people in the most important status, justifiably considers it its duty to pursue a language policy aimed at supporting, protecting and strengthening the position of this language. Of course, these steps by the authorities affect areas of a very wide range, since activity of citizens is practically impossible without verbal communication.

Therefore, official documents that manifest the intentions of the state in the field of language policy are extremely important for the whole society and should be publicly known.

The latest evidence of the state’s attention to the problems of the functioning of the Russian language is the Foundations of the state language policy of the Russian Federation.

The need to adopt such a document has been brewing for the past two or three decades, and finally it appeared in July 2025.

There is no doubt about the high significance of this document and its special value for native speakers of the Russian language. However, some formulations of this text may not seem quite perfect. They serve as the subject for consideration in the article.

Keywords: *language policy, Russian language, state language, development and support of the state language, a system of measures to enhance speech culture.*

About the author

Vasiliev, Aleksandr D. – DSc (Philology), Professor, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: vasileva@kspu.ru

УДК 801 + 930.85 + 27.522

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СВЯТОМ МЕСТЕ В ВОСПРИЯТИИ И ТОЛКОВАНИЯХ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ В КРАСНОЯРСКЕ

А.В. Михайлов (Красноярск, Россия)

Т.В. Михайлова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье авторы выявляют контуры предстоящего несколько более масштабного изучения ментальности сибиряков в аспекте соотношения показаний возрастных страт через вербальные реакции на стимулы от «родного (дома)» к «святому (месту)». В качестве начальных этапов рассматриваются способы выявления отношения к понятиям «родной», «дом», дополнительных характеристик названных понятий. Здесь представлены результаты исследования, проведенного в сентябре-октябре 2025 г., в среде студенчества города Красноярска. Предметом исследования стала специфика ценностного отношения студентов красноярских вузов к «святому» месту и понятиям «святое» и «святость». Опрос построен на приеме продолжения высказывания, дополненном приемом толкования лексем, стимулирующих вербальную активность. Выясняется ряд особенностей понимания молодых людей в отношении названных понятий.

Цель статьи состоит в презентации получаемого актуального аутентичного материала для суждений о состоянии представлений о ценностях в молодежной среде и об их динамике.

В обзоре литературы произведены отсылки к ряду исследований, связанных с пониманием динамики представлений о святости, святых местах.

Авторами применяются методики опроса, анкетирования, дальнейшего анализа в сравнении с некоторыми предшествующими данными о понимании святости и святых мест.

Авторы пришли к *выводам* о необходимости продолжения исследований, в том числе сопоставительных: в возрастных стратах, в локальных вариантах сознания, в аспекте выявления региональных различий и сходств. *Авторский вклад* в изучение трансформации представлений о святом месте, о святости состоит в предложении корректировок понимания связи родного, святого в миропредставлениях молодых людей.

Ключевые слова: ментальность, понятия святого и святости, современные студенты-сибиряки, методики опроса, представления о святом месте, связь родного и святого.

Посвящается светлой памяти профессора А.Д. Васильева

Постановка проблемы. Авторы пытаются выявлять контуры предстоящего более масштабного изучения ментальности сибиряков в аспекте соотношения показаний возрастных страт через вербальные реакции на стимулы от «родного (дома)» к «святому (месту)». Шире можно рассматривать эти параметры как аксиологические характеристики сообщества, проецируемые на миропредставление персоны.

На протяжении ряда лет авторами в сотрудничестве с коллегами проводятся работы по изучению связи между локальным сознанием, то есть сознанием общественной группы, обусловленным локусом ее проживания, и факторами ее укрепления, такими как смыслы «своего», «родного», «дома», «святого», в итоге – «святости». Материалом для изучения названного комплекса смыслов становятся экспедиционные наблюдения в Восточной Сибири, по рекам Енисей, Хатанга, Ангара, записи включенного наблюдения в населенных пунктах Красноярского края, данные анкетных опросов, фрагменты провоцируемых собирателями нарративов.

В качестве этапов исследования рассматривается выявление отношения представителей различных групп к понятиям «родной», «дом», дополнительных характеристик названных понятий. Здесь представлены результаты исследования, проведенного в сентябре-октябре 2025 г., в среде студенчества города Красноярска.

Предметом исследования стала специфика ценностного отношения студентов красноярских вузов к «святому» месту и понятиям «святое» и «святость». Опрос построен на приеме продолжения высказывания, дополненном приемом толкования лексем, стимулирующих вербальную активность. Выясняется ряд особенностей понимания молодых людей в отношении названных понятий.

В целом с ранней истории православной Руси (т.е. не менее чем с X в.) возникает дилемма становления и возрастания в русском человеке и обществе православного сознания, проблема рефлексии по поводу призвания русской государственности [Федотов¹, 2015, с. 366]. Как считают некоторые ученые, конфессиональную жизнь России характеризует противостояние традиционных и относительно новых форм религиозности.

Обзор литературы. Констатируется умножение верующих за счет тех, кто рос и воспитывался в атеистической или нерелигиозной среде и не склонен к канонической воцерковленной жизненной практике, за счет приобщения к вариантам разных вер из-за секуляризации сознания в постмодернистскую эру, что обусловлено и характерным «сопротивлением» давлению глобального атеизма, агностицизма, вплоть до сатанизма [Дутчак и др., 2013, с. 80]. Что интересно, подобное явление характеризуется и на материале иных, в частности тюркских, этносов, ср. [Ташбаева, 2017].

Исследования отношений человека и религии показывают, что святость является сложным понятием, ассоциативно связанным с понятиями «Бог», «человек», «вера», «церковь» и под.

По мнению Е.Г. Синякиной, сформированные на глубинном уровне народная религиозность и сознание находятся в связи с врожденной народной верой, набожностью, благочестием, упованием на Творца, навыком к молитве [Синякина, 2020, с. 226].

¹ Федотов Г.П. Русская религиозность // Федотов Г.П. Собрание сочинений: в 12 т. Ч. I: Христианство Киевской Руси. X–XIII вв. М.: Sam & Sam, 2015. Т. 10: Русская религиозность. С. 366.

Представляется логически обоснованным, кроме того, обоснованным также на анализе православной жизненной практики понимание святости как комплекса представлений, базирующегося на модели развития отношений «человек – Бог», «общество – Церковь» через переплетенные понятия «смирение», «покаяние», «родство», «происхождение (рода, человека, народа)».

Отдельные исследования посвящены пониманию динамики концептуального наполнения святости², как, например, в работе Е.И. Колосовой, А.И. Мацкевич [Колосова, Мацкевич, 2016]. В таком же направлении построены и работы Н.М. Дмитриевой, О.А. Пороль [Дмитриева, Пороль, 2016], С.Н. Селезневой, но с акцентом на семантическом комплексе с общим значением 'святой' [Селезнева, 2010].

Методология и методы. Авторами применяются методики опроса, анкетирования, дальнейшего анализа в сравнении с некоторыми предшествующими данными о понимании святости и святых мест.

Собеседниками исследователей становятся жители различных возрастов, обоих полов, постоянно или временно живущие или находящиеся в пространстве коммуникации.

Респонденты предстают как ищущие собственного пространства, места, траектории своего развития, в связи с чем охотно идут на диалог, обсуждение темы «пребывание на месте». Семантика «места» включает в себя подтемы – «осуществление собственной судьбы», «взаимодействие с людьми», «ценное в человеке», «значимые события» и т.д.

С категорией молодых респондентов от 17 до 23 лет (студенты красноярских вузов) на протяжении нескольких лет собирается материал о понимании «своего места», ассоциаций с ним, понимании «родного» и понятии «дом» (что включают молодые люди сегодня в «свой дом»). Через систематическое повторение в ассоциациях и сюжетах семантики особенно поклоняемого и почитаемого авторы получили толчок к выявлению современного понимания «святой», «святость», «святые места (Сибири)».

Такие данные, как полагают авторы данного текста, могут коррелировать с исследованиями базовых ценностей Енисейской Сибири, проводящимися в течение многих лет специалистами Регионального лингвистического центра Приенисейской Сибири Красноярского государственного педагогического университета имени В.П. Астафьева [Васильев, Бариловская, 2008; Васильев и др., 2017; Васильев, Селезнева, 2014; Селезнева, 2010; 2014].

В кругу базовых ценностей исследователи находят иерархию ценностных представлений, характерных для носителей русского сознания Сибири.

² Завальников В.П. Языковой образ святого в древнерусской агиографии (проблематика взаимной обусловленности лингвистического и экстралингвистического содержания языкового образа человека в определенной социокультурной ситуации): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Омск, 2003. 162 с.

Развитие персоналистического понимания воплощения святости в Древней Руси с самого начала ее православного пути очевидно связано с историей святых отцов, подвижников церкви, монашества, иночества, мученичества³. Об этом подробно сказано в масштабных работах [Топоров, 1995; Флоренский, 2001; Федотов, 2015].

Архангельская исследовательница С.А. Смирнова рассматривает пространство осуществления святости в пределах всей русской культуры⁴, а в сопоставлении с французской традицией католического осуществления святости русская святость приобретает специфические черты, не всегда опознаваемые при нахождении в одной национальной традиции⁵. В ее же работе 'святость' проанализирована в агиографических текстах [Смирнова, 2009].

На художественном материале строит свое исследование, выявляя концептуализацию значений отдельных лексических единиц и усиление ценностной составляющей в их семантике в художественном тексте И.А. Бунина, нижегородская исследовательница М.И. Кузьмина [Кузьмина, 2021].

Технологии обсуждения с респондентами Сибири ценностных семантических зон «своего», «родного», «родных мест» и «своих событий», особо почитаемого и важного («святого») позволяют получить актуальные картины мировосприятия.

Ниже представлены наиболее показательные ответы из полученных в ходе работы с респондентами и их толкования (к сожалению, вовсе еще не анализ в полном смысле слова).

Святость

Лексема *святость* толкуется носителями молодежного сибирского сознания по-разному. В аспекте стремления к обретению этого свойства – *то, чего нельзя достигнуть*.

В аспекте характеристики отдельных сем в сложной семантике понятия: *добродетель; добрые действия, святые люди; святые люди или ощущение просвещения (вера); открытое и доброе сердце; чистота мышления и честные поступки; чистота; чистота духа; чистота души; искренность, чистота сердца, милосердие; сохранение традиций; чистота, душевность; что-то очень чистое и искреннее; что-то дорогостоящее, непорочное, чистое; стремление быть чистым духом; возвышенное состояние души, покой, спокойствие, умиротворение; вера во Всевышнего; традиционность, духовная чистота*.

³ Семенов-Басин И.В. Персонализация святости в русской православной культуре XX века: дис. ... д-ра ист. наук: 24.00.01. М., 2011. 370 с. EDN: QFKIZP. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19256873> (дата обращения: 13.10.2025).

⁴ Смирнова С.А. Святость как феномен русской культуры (семантическое и лингвокультурологическое описание): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Архангельск, 2005. 24 с.

⁵ Мироненко-Маренкова И.К. Концепт святости в культурной традиции России и Франции XIX столетия: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М.: РГГУ, 2009.

Респонденты используют апофатический метод определения (отсечение ненужного, отрицание противоположного по смыслу): *отсутствие* злых, коварных мыслей; *что-то чистое, в плане духовности; то, что важно и особенно лишено недостатков; те вещи, которые имеют огромное значение для человека; то, о чем нельзя отзываться плохо; неприкосновенность, необходимость оберегать; неприкосновенность и непорочность; это приравнивание чего-либо к чему-то настолько ценному, что уничтожить это незаконно для души; безгрешность; неприкосновенное, высшее, идеал; неприкосновенное для плохих мыслей; святость – это, что нельзя тревожить.*

В аспекте обладания данным свойством любым человеком (?) – *это моральная часть жизни, которая сохраняет в жизни человека человечность. Это может быть качество человека, который верит в Бога и не нарушает завет (sic!).*

Респонденты признаются в сложности задачи толкования святости – *мне очень сложно написать на бумаге про это [святость].*

Респонденты связывают святость со сверхъестественным – *это что-то очень сакральное. Святость также имеет связь с религией; святость – величие чего-либо; высшая степень уважаемого, самого ценного и нравственно чистого; ценность; верховность (sic!) и чистота; особая черта, что-то чистое и светлое.*

Констатируется связь святости с другими свойствами человека – *следствие добродетельности; святость присуща только добрым и отзывчивым людям.*

Святость я понимаю как что-то родное, так и что-то связанное с религией. Что-то святое (родное).

Святое место

Практически общим местом становится признание: *святое – очень дорогое, важное; что-то светлое.*

Относительно частотно упоминание в качестве святого места церквей (церкви, храма) – *святым местом я могу назвать Храм; место рядом с Богом; святое место – недостижимое спокойное место; очень значимое для многих людей; место, где раскрываются моральные качества человека: счастье, любовь; это церкви, место, где работают богослужители; святое место – храм, дом, церковь, церкви; дом; храм, дом, то, где уютно и хорошо; алтарь, церковь и т.п. (все зависит от веры человека).*

Отрицание негативных черт также применяется при описании святого места – *это место, в котором нет греха.*

Называются и конкретные места – *Мекка; Иерусалим; святое место – место моей силы, коим является мой город.* Можно полагать, что место может определять качество проживаемого в данный момент фрагмента жизни.

Более часто встречаются толкования, связанные с личными ощущениями, – *место, пропитанное светлой энергией, доброй; место, в котором легко дышать, в котором ты забываешь про все бытовые проблемы; место, в котором можно пополнить энергию на свершения, достижения и исправить эмоциональный*

упадок; место, где можно уединиться с мыслями; территория, на которой все становится проще; на мой взгляд, это там, где ты чувствуешь тепло в душе и тебе становится спокойно; неоскверненное и основанное на добре место, где можно найти поддержку.

Святость места требует особенного отношения к себе и в ответ может дать человеку силы и спокойствие – место, где царит уважение, которое ни в коем случае нельзя осквернять, оно особенное, и в нем есть только добро и нравственная чистота; место, где есть чувство освобождения от всех проблем, где нет плохих воспоминаний; место, вызывающее чувство легкости, очищения и спокойствия; место уединения с «чистым» и светлым.

Святое место – то, где можно почувствовать себя более осознанным и вдумчивым, почувствовать то, о чем ты раньше не задумывался; то место, которое имеет для человека наивысшую ценность; место, которое придает тебе духовную силу.

Важен аспект необходимости оберегания святого места от посягательств извне – то место, которое нуждается в защите, имеет ценность (духовную) для общества; место, которым следует дорожить,

Святое место – родное место, к которому человек будет подпускать только родных себе людей, или что-то связанное с религией. Для всех разное, обычно это место, которое дает силы, вдохновение, для меня это дом. Родной дом.

Место может быть связано только с одной-единственной персоной – место, связанное с воспоминаниями, историей, которое нужно стараться сохранить; то, которое дает людям силу, очищает; в котором ты чувствуешь себя лучше, наполняешься силой, где у тебя поднимается настроение, где ты отдыхаешь душой; то, что находится в глубинных слоях человека, его души, мозга; то, чем больше всего дорожишь; место, где нельзя вести аморальный образ жизни; памятное место или место, куда приходишь для душевного спокойствия; место, которое является источником воспоминаний и приятных эмоций, место, где спокойно; самое важное место в мире; это особенное место, где легко быть собой; место, которое имеет наивысшую духовную ценность [прежде всего для отдельного человека].

В одном случае сталкиваемся с констатацией невозможности святого места – нет такого места, но не его отрицанием как таковым. Из проанализированных 75 работ обучающихся 18–19 лет в четверти нет ответа на эти стимулы, что может быть проинтерпретировано как нежелание излишне открывать свой внутренний мир, как пояснили несколько респондентов. Еще часть студентов высказались о сложности толкования явления, значительной ответственности за результат таких непродуманных словесных действий с важными и ценными вещами.

Становится очевидным, что понимание святости, святого места обладает для большинства респондентов семантикой чистоты, безгрешности, успокоения, связи со святыми людьми.

Святое же место во многих случаях связано с обретением душевного (личного) покоя, с родным домом, с углублением в личное пространство, которое нуждается в защите, обережении. Святое место становится и тем, что внутри человека, тем, что он носит и возвращает внутри себя.

Результатом исследования становится в связи с целью статьи понимание необходимости углубленного анализа внутренней связи важных ментальных понятий – своего, родного, святого, важного и т.п. – индивидуального и коллективного сибирского сознания. Можно констатировать также самодостаточную ценность добытого аутентичного материала в свете многочисленных рассуждений о необходимости понимания молодежи, ее устремлений, ценностей, способностей. Разумеется, необходимо также при этом не переоценивать декларируемые респондентами взгляды, использовать различные способы верификации получаемых сведений.

Важно также при анализе принять за данное в вербальных реакциях респондентов вовлеченность в обсуждение проблем святости и святого места – вовсе не отторжения, не отрицания, а относительно развитую рефлексивность студентов по поводу глубоко внутренних предметов.

В настоящее время накоплены данные, позволяющие судить о специфике внутреннего восприятия и презентации вовне «сокровенных», ценностных зон молодой персоной в Восточной Сибири. Они заключаются в провозглашении более значимой роли семьи, кровно родных людей, дома, нежели это принято полагать по результатам социологических исследований.

Авторский вклад. Состоит в построении методически оправданной модели исследования внутреннего мира молодых людей: данные анкетирования сопоставляются с наблюдениями, вербальными проявлениями молодых (в частности, в социальных сетях), социально значимыми действиями. Важным параметром становится выявление связей и даже зависимости понимания семантики дома, родного, своего с толкованием святого и святости не только как внеположенного молодому человеку, но входящего в круг его постепенного осмысления и рефлексии.

Заключение. Представленные в записях от информантов толкования лексемы «святость», словосочетания «святое место» показывают, на взгляд авторов, существенные черты в современном мировоззрении студенчества Красноярска: респонденты вполне свободно рассуждают о своем понимании феномена святости, демонстрируют широкий спектр восприятия ценности феномена святости.

Авторы пришли к *выводам* о необходимости продолжения исследований, в том числе сопоставительных: в возрастных стратах, в локальных вариантах сознания, в аспекте выявления региональных различий и сходств. *Авторский вклад* в изучение трансформации представлений о святом месте, святости состоит в предложении корректировок понимания связи родного, святого в миропредставлениях молодых людей.

Библиографический список

1. Васильев А.Д., Васильева С.П., Мамаева Т.В., Устьянцева Е.В. Базовые ценности регионального языкового сознания русских Приенисейской Сибири / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2017. 180 с.
2. Васильев А.Д., Барилловская А.А. Вербализация концепта «терпение» в истории и современном состоянии русского языка. Красноярск: СибЮИ МВД РФ, 2008. 140 с.
3. Васильев А.Д., Селезнева С.Н. Динамика группы слов с гиперсемой *святой* (по данным русской лексикографии) / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2014. 184 с.
4. Дмитриева Н.М., Поролю О.А. Особенности вербализации концепта «святость» в церковнославянском и древнерусском языках: этический аспект // Вестник Оренбургского государственного университета. 2016. № 1 (189). С. 53–58. URL: http://vestnik.osu.ru/2016_1/11.pdf (дата обращения: 12.10.2025).
5. Дутчак Е.Е., Васильев А.В., Ким Е.А., Полежаева Т.В. Православный ландшафт таежной Сибири: концепция исследования // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1. С. 79–90. EDN: SMHABV. URL: https://journals.tsu.ru/uploads/import/1036/files/1_79.pdf (дата обращения: 20.10.2025).
6. Колосова Е., Мацкевич А. Семантические преобразования концепта ‘святой’ в русском языке (Semantic transformations of the concept ‘святой’ in the Russian language) // Folia Linguistica Rossica. 2016. Вып. 13: Językoznawstwo porównawcze. Konceptologia. Kwestie przekładowe. Aspekt synchroniczny i diachroniczny. Pod redakcją Krystyny Ratajczyk. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego. S. 37–43.
7. Кузьмина М.И. Концептосфера рассказа И.А. Бунина «Святые» The conceptual framework of I.A. Bunin’s short story «The Saints» // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2021. № 4–5 (163). С. 138–153. URL: <https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=1006613> (дата обращения: 13.10.2025).
8. Селезнева С.Н. Динамика группы слов с гиперсемой *святой* (по данным русской лексикографии) / Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2014. 181 с.
9. Селезнева С.Н. Динамика «сакрального» и «мирского» в истории слова *праведник* // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2010. № 1. С. 176–183. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15107160> (дата обращения: 17.10.2025). EDN: MSPISD.
10. Синякина Е.Г. Религиозное сознание русского народа. Ч. 2: Духовно-нравственные установки и мировоззренческие конструкты русского народа второй половины XIX – середины XX века // Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 7, № 4 (28). С. 188–232. DOI: 10.38098/ipran.sep_2022_28_4_09. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document1089.pdf> (дата обращения: 20.10.2025).

11. Смирнова С.А. Семантическое пространство ‘святость’ в агиографических текстах // Русский язык и проблемы современного образования: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., 26 октября – 30 ноября 2009 г. Архангельск: САФУ, 2009. С. 21–30. URL: <https://narfu.ru/sf/sevgi/departments/rus/science/conf/smirnova.pdf> (дата обращения: 21.10.2025).
12. Ташбаева Н.К. Значение и история святых мест в общественности [на киргизском языке] // Известия вузов Кыргызстана. 2017. № 4. С. 82–85. URL: <http://science-journal.kg/media/Papers/ivk/2017/4/82-85.pdf> (дата обращения: 12.10.2025).
13. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре: в 2 т. М.: Гнозис. Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. 1: Первый век христианства на Руси. 875 с.
14. Флоренский П.А. Христианство и культура. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. 663 с.

Сведения об авторах

Михайлова Татьяна Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных связей, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва (Красноярск); e-mail: ta.rada@mail.ru

Михайлов Алексей Валерианович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общественных связей, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва (Красноярск); e-mail: avm_2006_64@mail.ru

IDEAS ABOUT HOLY PLACES AND HOLINESS IN THE PERCEPTION AND INTERPRETATION OF YOUNG PEOPLE IN KRASNOYARSK

A.V. Mikhaylov (Krasnoyarsk, Russia)

T.V. Mikhaylova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. In this article, the authors identify the contours of a forthcoming, somewhat larger-scale study of the mentality of Siberians in terms of the correlation of age strata through verbal responses to stimuli. As initial stages, methods were considered to identify attitudes towards the concept of 'native', 'home', and additional characteristics of these concepts. Here are the results of a study conducted in September-October 2025 among students in the city of Krasnoyarsk. The subject of the study is the specifics of the value attitude of students of Krasnoyarsk universities to the 'holy' place and the concepts of 'holy' and 'holiness'. The survey is based on the technique of finishing a statement, supplemented by the technique of interpreting lexemes that stimulate verbal activity. The study reveals a number of features in young people's understanding of these concepts.

The purpose of the article is to present the current authentic material for judging the state of values in the youth environment and their dynamics.

The literature review contains references to a number of studies related to understanding the dynamics of ideas about holiness and holy places.

The authors use survey *methods*, questionnaires, and further analysis in comparison with some previous data on the understanding of holiness and holy places.

The authors *conclude* that further research is necessary, including comparative research in terms of age strata, local variants of consciousness, and identification of regional differences and similarities. The authors' contribution to the study of the transformation of ideas about a holy place and holiness consists in proposing adjustments to the understanding of the connection between the native and the holy in the worldviews of young people.

Keywords: *mentality, concepts of the holy and holiness, modern Siberian students, questionnaire techniques, ideas about a holy place, and the connection between the native and the holy.*

References

1. Vasilyev A.D., Vasilyeva S.P., Mamaeva T.V., Ustyantseva E.V. *Bazovy'e cennosti regional'nogo yazy'kovogo soznaniya russkix Prienisejskoj Sibiri* [Basic Values of the Regional Linguistic Consciousness of the Russians of the Yenisei Siberia]. Krasnoyarsk, 2017. 180 p.
2. Vasilyev A.D., Barilovskaya A.A. *Verbalizaciya koncepta "terpenie" v istorii i sovremennom sostoyanii russkogo yazy'ka* [Verbalization of the Concept "Patience" in the History and Current State of the Russian Language]. Krasnoyarsk, 2008. 140 p.
3. Vasilyev A.D., Selezneva S.N. *Dinamika gruppy` slov s giperseмой svyatoj (po danny`m russkoj leksikografii)* [Dynamics of a Group of Words with the Hyperseme Holy (Based on Russian Lexicography)]. Krasnoyarsk, 2014. 184 p.

4. Dmitrieva N.M., Porol O.A. *Osobennosti verbalizacii koncepta "svyatost'" v cerkovnoslavyanskom i drevnerusskom yazy'kax: e'ticheskiy aspekt* [Features of the Concept "Holiness" Verbalization in Church Slavonic and Old Russian Languages: Ethical Aspect]. In: *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State University], 2016, 1 (189). 53–58. URL: http://vestnik.osu.ru/2016_1/11.pdf (accessed: 12.10.2025).
5. Dutchak E.E., Vasilyev A.V., Kim E.A., Polezhaeva T.V. *Pravoslav-ny'j landshaft taezhnoj Sibiri: koncepciya issledovaniya* [Orthodox Landscape of Taiga Siberia: Research Concept]. In: *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research]. 2013. 1. 79–90. EDN: SMHABB. URL: https://journals.tsu.ru/uploads/import/1036/files/1_79.pdf (accessed: on 20.10.2025).
6. Kolosova E., Matskevich A. *Semanticheskie preobrazovaniya koncepta svyatoj v russkom yazy'ke* [Semantic transformations of the concept 'holy' in the Russian language]. In: *Folia Linguistica Rossica* [Folia Linguistica Rossica]. 13. *Językoznawstwo porównawcze. Konceptologia. Kwestie przekładowe. Aspekt synchroniczny i diachroniczny*. 2016. 37–43.
7. Kuzmina M.I. *Konceptosfera rasskaza I.A. Bunina "Svyaty'e"* [The Conceptual Framework of I. A. Bunin's Short Story "The Saints"]. In: *[Scientific Notes of Kazan University. Series Humanities]*, 163/2021, 4–5, 138–153. URL: <https://www.cceol.com/search/article-detail?id=1006613> (accessed: 13.10.2025).
8. Selezneva S.N. *Dinamika gruppy' slov s gipersemej svyatoj (po dan-ny'm russkoj leksikografii)* [Dynamics of a Group of Words with the Hyperseme Holy (Based on Russian Lexicography)]. Krasnoyarsk, 2014. 181 p.
9. Selezneva S.N. *Dinamika "sakral'nogo" i "mirskogo" v istorii slova pravednik* [Dynamics of the "Sacred" and "Secular" in the History of the Word "Righteous"]. In: *Vestnik KGPU* [Bulletin of KSPU], 2010, 1, 176–183. EDN: MSPISD. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15107160> (accessed: 17.10.2025).
10. Sinyakina E.G. *Religioznoe soznanie russkogo naroda. Chast' 2. Duxovno-nravstvenny'e ustanovki i mirovozzrencheskie konstrukty' russkogo naroda vtoroj poloviny' XIX – sere diny' XX veka* [Religious Consciousness of the Russian People. Part 2. Spiritual and Moral Attitudes and Worldview Constructs of the Russian People in the Second Half of the 19th and the Mid-20th Centuries]. In: *Social'naya i e'konomicheskaya psixologiya* [Social and Economic Psychology], 2020, 7, 4 (28), 188–232. DOI: 10.38098/ipran.sep_2022_28_4_09 URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document1089.pdf>
11. Smirnova S.A. *Semanticheskoe prostranstvo 'svyatost' v agiograficheskix tekstax* [Semantic space of 'sanctity' in hagiographic texts]. In: *Russkij yazy'k i problemy' sovremennogo obrazovaniya: materialy' II mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 26 okt. – 30 noyabrya 2009 g.* [Arkhangelsk Russian language and problems of modern education: proceedings of the II International Scientific and Practical Conference, October 26 – November 30], 2009. 21–30. URL: <https://narfu.ru/sf/sevgi/departments/rus/science/conf/smirnova.pdf>

12. Tashbaeva N.K. *Znachenie i istoriya svyaty`x mest v obshhestvennosti* [The meaning and history of holy places in the public] [in Kyrgyz]. In: *Izvestiya Vuzov Kyrgyzstana [Izvestia of universities of Kyrgyzstan]*, 2017, 4, 82–85. URL: <http://science-journal.kg/media/Papers/ivk/2017/4/82-85.pdf>
13. Toporov V.N. *Svyatost` i svyaty`e v russkoj duxovnoj kul`ture* [Sanctity and Saints in Russian spiritual culture]: in 2 volumes. 1. *Pervy`j vek xristianstva na Rusi [The First Century of Christianity in Russia]*. Moscow, 1995. 875 p.
14. Florensky P.A. *Christianstvo i kultura* [Christianity and Culture]. Moscow, Kharkiv, 2001. 663 p.

About the authors

Mikhaylov, Alexey V. – PhD (Philology), Associate Professor, Head of Public Relations Department, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: avm_2006_64@mail.ru

Mikhaylova, Tatiana V. – PhD (Philology), Associate Professor, Public Relations Department, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: ta.rada@mail.ru

УДК 81-11

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «СЕМЬЯ» И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

С.П. Васильева (Красноярск, Россия)

Мэн Юань (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом современной лингвистики к изучению языковой картины мира и способов репрезентации культурно значимых концептов в языке. Лексико-семантическое поле (ЛСП) «Семья» представляет особый интерес, поскольку, являясь одним из ключевых концептов любой культуры, оно в значительной степени формирует ценностные ориентиры и поведенческие модели в обществе.

Цель исследования – выявить и описать специфику репрезентации лексико-семантического поля «Семья» во фразеологических единицах русского языка.

Материалом статьи стали фразеологизмы тематической группы «семья» в русском языке.

Методы исследования: структурно-грамматический, лингвокультурологический, сопоставительный анализ.

Результаты анализа. Авторами статьи проведен анализ около 50 ФЕ. Проведена структурно-грамматическая и тематическая классификация собранных фразеологизмов. Проанализирована культурно-национальная специфика репрезентации концепта «семья», отраженная в русской фразеологии.

Выводы. Фразеологизмы не дублируют значения ЛСП, а выступают его культурно-оценочным фильтром – лакмусовой бумажкой. Они демонстрируют, что в русской языковой картине мира семья ценится не просто как факт родства или совместного быта, а как сложный иерархический организм; духовное единство, которое важнее материального комфорта; социальный институт, требующий труда и укоренения, институт передачи традиций и опыта.

Ключевые слова: семья, лексико-семантическое поле, фразеология, языковая картина мира, концепт, лингвокультурология.

Постановка проблемы. Ключевым для нашего исследования является понятие лексико-семантического поля (далее – ЛСП), разработанное в трудах представителей структурной лингвистики, таких как Й. Трир, Г. Ипсен, а в дальнейшем развитое отечественными учеными – Г.С. Щуром, Л.А. Новиковым, А.А. Уфимцевой и другими. Согласно теории семантических полей, лексика языка представляет собой не простую совокупность слов, а систему взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. Как отмечал Й. Трир, каждое слово занимает определенное место в структуре поля: «Исследовать членение поля – значит исследовать в определенных границах фрагмент внутренней формы языка

и тем самым раскрыть ее сущность в конкретный исторический период» [Трир, 1931, с. 20]. Таким образом, ЛСП понимается как иерархическая структура, совокупность лексических единиц, объединенных общим инвариантным смыслом – архилексемой – и связанных парадигматическими отношениями (синонимия, антонимия, гипонимия и др.).

Для поля «Семья» такой архилексемой, по нашему мнению, является понятие «кровное или юридическое родство, совместное проживание и ведение хозяйства». Ядро этого поля составляют лексемы, непосредственно обозначающие ближайших родственников (отец, мать, муж, жена, дети), а на периферии находятся наименования дальних родственников, абстрактные понятия (любовь, верность, брак), а также, что особенно важно для нашего исследования, фразеологизмы. Л.А. Новиков подчеркивал, что поля обладают национально-культурной спецификой, так как «членение действительности языком носит глубоко самобытный характер» [Новиков, 1982, с. 67].

Обзор научной литературы. В области русской фразеологии фундаментальный вклад внесли В.В. Виноградов, предложивший классическую классификацию фразеологизмов по степени семантической слитности (фразеологические сращения, единства и сочетания) [Виноградов, 1977, с. 45–69], А.И. Молотков, составивший первый фундаментальный «Фразеологический словарь русского языка» [Молотков, 1967], и В.Н. Телия, чьи работы заложили основы лингвокультурологического подхода к фразеологии. Именно В.Н. Телия последовательно разрабатывала идею о том, что фразеологизмы являются «зеркалом культуры», так как они «аккумулируют культурно-национальные стереотипы поведения, миропонимания и мироощущения» [Телия, 1996, с. 15]. Она рассматривала фразеологизм как микромодель мира, в которой закодированы культурные установки и ценности народа.

По мнению В. Масловой, фразеологизмы представляют собой гораздо больше, чем просто устойчивые выражения. Они «ценнейший источник сведений о культуре и менталитете народа, в них как бы законсервированы мифы, легенды, обычаи» [Маслова, 2001, с. 4]. Поскольку человек творит культуру посредством языка, фразеологизмы сохраняют ключевую информацию об установках, ценностях и предпочтениях этого культурного пространства. Отображая типичные для народа ситуации и представления, эти языковые единицы со временем превращаются в культурные символы, эталоны поведения и мировоззренческие стереотипы. Таким образом, фразеологический фонд языка – это не просто часть лексики, а ценнейший историко-культурный архив.

Ключевые характеристики фразеологизмов в лингвокультурологическом аспекте:

– целостность и переосмысленность значения – их смысл нельзя вывести из простой суммы значений составляющих слов; он является целостным и часто полностью или частично переосмысленным [Кунин, 2005, с. 15];

– образность и оценочность – фразеологизмы обладают высокой степенью экспрессии и оценочности. «Фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурологическая общность идентифицирует свое национальное самосознание» [Телия, 1996, с. 45]. Их внутренняя форма и сопутствующие коннотации напрямую связаны с культурным багажом этноса – отсылают к историческим событиям, элементам материальной культуры или мифологическим сюжетам;

– богатство источников происхождения – источниками для фразеологизмов служили все сферы жизни народа: мифологические представления и поверья, народные обычаи и обряды, фольклор (сказки, песни), традиционный быт и ремесла, а также конкретные исторические факты.

Н.Ф. Алефиренко, рассуждая о современных проблемах изучения фразеологии, отмечает интеграцию проблем фразеологии и когнитивной семантики, лингвистики дискурса, психолингвистики, семиотики: «Рассмотрение природы смыслового пространства фразем, в котором фокусируются и проецируются в языковом сознании коммуникантов различные дифференциальные смыслы высказываний, определяют общие принципы порождения “гармоничного дискурса”, которые не могут не привести к расширению методологической базы теоретической фразеологии. Создаваемая методология изначально по сути своей ориентирована на изучение взаимодействия фраземики и культуры» [Алефиренко, 2010, с. 60]. Исследователь считает, что многие когнитивные процессы остаются скрытыми во время анализа смысла и происхождения фразем, выход из создавшейся ситуации он видит в обращении к когнитивно-коммуникативной деятельности человека и анализе всех преобразований фраземы в речевой практике при условии сохранения инварианта.

В русистике известна целая серия работ, посвященных лингвокультурологическим исследованиям фразеологии: И.В. Зыкова «Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков»¹, С.В. Максимец «Ценности лингвокультурного сообщества в зеркале фразеологии»², С.П. Васильева «Лингвокультурологический аспект семантики глагольных фразеологизмов (на материале фразеологии говоров Приенисейской Сибири)» [Васильева, 2012; 2021], фразеологизмов в сопоставительном аспекте языков и культур: Кхонг Тху Хиен «Русские и вьетнамские фразеологизмы с названиями растений в лингвокультурологическом аспекте»³. Фразеологической вербализации концептов и семантических полей в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом аспектах посвящены, в частности, труды: А.В. Свиридова «Вербализация

¹ Зыкова И.В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 510 с.

² Максимец С.В. Ценности лингвокультурного сообщества в зеркале фразеологии: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2015. 166 с.

³ Кхонг Тху Хиен. Русские и вьетнамские фразеологизмы с названиями растений в лингвокультурологическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2009. 18 с.

концепта *знание/познание* средствами русской фразеологии в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом аспектах»⁴, Ю.В. Железнова «Лингвокогнитивное и лингвокультурное исследование концепта “семья”»⁵, А.В. Гриценко «Фразеосемантическое поле *введение в заблуждение*: когнитивный аспект»⁶, А.А. Дариков «Перцептивное и когнитивное моделирование плана содержания фразеологизмов (на примере фразеосемантического поля “Волевое усилие”)»⁷ и другие работы.

Результаты исследования. Для анализа материала использовалась классификация фразеологических единиц (далее – ФЕ), разработанная акад. В.В. Виноградовым. Основные критерии, по которым мы определяли принадлежность оборота к ФЕ в нашем исследовании: 1) устойчивость и воспроизводимость; 2) семантическая целостность (общее значение оборота не выводится из суммы значений его компонентов). Это ключевой критерий, отделяющий ФЕ от свободных словосочетаний. Для системного анализа собранного фразеологического материала в данном исследовании применяется двухуровневый принцип классификации. Этот подход позволяет рассмотреть фразеологические единицы как с формально-грамматической, так и с содержательно-семантической стороны, что обеспечивает полноту описания.

Первый уровень – общелингвистическая классификация – основан на структурно-грамматических признаках. Он позволяет выявить формальные модели, по которым строятся ФЕ в языке. Второй уровень – тематическая классификация – сфокусирован на смысловом наполнении ФЕ и специфичен для исследуемого концептуального поля «Семья». На этом уровне сгруппированы фразеологизмы на основании ключевых смыслов и концептов, связанных с семейными отношениями.

Применение двухуровневой классификации к собранному материалу выявило следующие структурно-грамматические группы.

А) Фразеологизмы с главным словом глаголом: *свить, обзавестись, пустить, соединить, впитать, поставить, вылетать, держаться, родить, годиться.*

Данная группа объединяет ФЕ, обозначающие действие или состояние, связанное с семейной жизнью.

1. Тематическая группа «Создание семьи».

– *Глагол + прил. + сущ. в вин. п.*

⁴ Свиридова А.В. Вербализация концепта *знание/познание* средствами русской фразеологии в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом аспектах: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2008. 44 с.

⁵ Железнова Ю.В. Лингвокогнитивное и лингвокультурное исследование концепта «семья»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2009. 27 с.

⁶ Гриценко А.В. Фразеосемантическое поле *введение в заблуждение*: когнитивный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2009. 20 с.

⁷ Дариков А.А. Перцептивное и когнитивное моделирование плана содержания фразеологизмов (на примере фразеосемантического поля «Волевое усилие»). Екатеринбург, 2022. 24 с.

ФЕ *свить семейное гнездо* – создать семью, обустроить домашний очаг; синонимичные значения несут ФЕ.

– Глагол + сущ. в тв. п.

ФЕ *обзавестись семьей* – создать семью, жениться/выйти замуж, завести детей.

– Глагол + сущ. в вин. п.

ФЕ *пустить корни* – обосноваться где-либо, прочно осесть (часто в контексте создания семьи).

– Глагол + сущ. в тв. п.

ФЕ *соединить души* (идиоматическое выражение) – поженить, объединить в браке (относится к ФЕ, так как значение переносное и устойчивое).

2. Тематическая группа «Дети» (воспитание, передача традиций, связь поколений).

– Глагол + с + сущ. в тв. п. + сущ. в род. п.

ФЕ *впитать с молоком матери* – с рождения усвоить нечто важное, фундаментальное (часто – черты характера, традиции, язык).

– Глагол + из + сущ. в род. п.

ФЕ *вылетать из гнезда* – о детях: повзрослев, начать жить самостоятельно, отдельно от родителей.

– Глагол + на + сущ. в вин. п.

ФЕ *поставить на ноги* – 1) вырастить, воспитать детей; 2) вылечить.

– Глагол + за + сущ. в вин. п.

ФЕ *держаться за мамину юбку* – быть несамостоятельным, чрезмерно привязанным к матери.

– Предлог + местоим. + сущ. + глагол (в роли сказуемого).

ФЕ *в чем мать родила* – совсем без одежды, голый.

– Предлог + сущ. в вин. п. + глагол.

ФЕ *в отцы годиться* – быть значительно старше кого-либо (настолько, что мог бы быть отцом).

Все рассмотренные ФЕ данной группы характеризуются образной семантикой, часто выходящей за пределы семантического поля «Семья», например: *впитать с молоком матери, держаться за мамину юбку, пустить корни, поставить на ноги*.

Б) Фразеологизмы с главным словом именем существительным.

Это наиболее многочисленная группа, представляющая собой номинацию лиц, статусов, понятий и признаков семейной сферы.

1. Тематическая группа «Семейные роли и статусы».

– Сущ. + сущ. в род. п.

ФЕ *отец семейства* – о главе семьи.

– Прил. + сущ. в им. п.

ФЕ *бедный родственник* – о члене семьи с низким социальным статусом, *крепкая семья* – положительная характеристика семьи (дружная семья, члены которой заботятся друг о друге и помогают в трудных ситуациях);

ФЕ *маменькин сынок* – используется в отрицательной коннотации при характеристике мужчины, находящемся в нездоровой материальной и духовной зависимости от своей матери.

ФЕ *бабушкины сказки* – о небылицах, выдумках.

ФЕ *отцовская рука* – символ отцовской власти, признак строгого воспитания.

ФЕ *соломенная вдова* – о женщине, чей муж временно отсутствует (находится в отъезде, командировке).

ФЕ *духовный отец* – наставник в духовной сфере.

– *Сущ. + прил.*

ФЕ *мать честная* – имеет употребление в роли междометия при ситуациях, связанных с резким удивлением, испугом.

– *Числит. + предлог + сущ.*

ФЕ *семеро по лавкам* – о многодетной семье.

2. Тематическая группа «Родство»:

– *Сущ. + от + сущ.*

ФЕ *плоть от плоти* – очень близкая кровная связь.

ФЕ *голубая кровь* – о члене аристократической семьи, имеющем высокое положение в обществе.

ФЕ *отрезанный ломоть* – о человеке, который отделился от семьи, стал самостоятельным.

ФЕ *образцовая семья* – семья, считающаяся примером для подражания;

ФЕ *семейные узы* – о сильном кровном или юридическом родстве; *семейная сцена* – ссора, выяснение отношений внутри семьи на виду у всех.

– *Предлог + прил. + сущ.*

ФЕ *до седьмого колена* – про очень дальнее родство, глубокие исторические корни.

– *Прил. + сущ. + предлог + сущ.*

ФЕ *седьмая вода на киселе* (ср.: *ни сват ни брат*) – про очень дальнее, почти фиктивное родство.

– *Ни + сущ. + ни + сущ.*

ФЕ *ни сват ни брат* – используется с отрицательной коннотацией при характеристике человека, не имеющего родственных или близких отношений.

3. Тематическая группа «Семья как объединение, дом»:

– *Предлог + прил. + сущ.*

ФЕ: *под одной крышей* – о совместном проживании (жить в одном доме, квартире с кем-либо).

– *Сущ. + сущ. в род. п.*

ФЕ *семья народов* – метафора единства, используемая в политическом ракурсе СССР.

– *Прил. + сущ. в им. п.*

ФЕ *родимое гнездо* – положительная характеристика семьи и дома.

ФЕ *семейный очаг* – о спокойствии и уюте в семье.

Проведенная структурно-грамматическая классификация наглядно демонстрирует, что концепт «Семья» в русской языковой картине мира реализуется через разнообразные и продуктивные структурные модели. Наибольшей частотностью обладают модели «Прилагательное + Существительное» и «Существительное + Существительное», что позволяет давать сложные и образные характеристики членам семьи (*маменькин сынок, отец семейства*), описывать ее состояние (*крепкая семья, отрезанный ломоть*) и ключевые концепты (*семейный очаг, семейные узы*).

На основе анализа внутренней формы и значения фразеологизмов были выделены устойчивые тематические группы, отражающие основные аспекты семейных отношений: от кровного родства и создания домашнего очага до воспитания детей и внутрисемейных конфликтов. Сводная таблица наглядно демонстрирует, как языковые единицы распределяются по этим смысловым зонам, раскрывая культурные установки и ценностные ориентиры, связанные с институтом семьи (табл.).

**Сводная таблица тематических групп
фразеологизмов концептуального поля «Семья»
Summary table of thematic groups
of phraseological units of the conceptual field “Family”**

№	Тематическая группа	Фразеологизм
1	Родство и происхождение	<i>Плоть от плоти, голубая кровь, седьмая вода на киселе, до седьмого колена</i>
2	Отсутствие родства	<i>Ни сват ни брат, седьмая вода на киселе</i>
3	Создание семьи и дома	<i>Свить семейное гнездо, пустить корни, обзавестись семьей, под одной крышей, соединить души</i>
	Брак	<i>Семейные узы</i>
4	Семейный очаг и единство	<i>Семейный очаг, родимое гнездо, семейное гнездо, крепкая семья, образцовая семья, в тесноте, да не в обиде</i>
5	Семейные роли и статусы	Глава семьи: <i>отец семейства</i> . Мать: <i>мать честная</i> . Супруги: <i>соломенная вдова</i> . Дети: <i>маменькин сынок, семеро по лавкам</i> . Старшее поколение: <i>бабушкины сказки, бабушка надвое сказала</i> . Родственники: <i>бедный родственник, отрезанный ломоть</i> . Наставник: <i>духовный отец</i>
6	Воспитание и становление	<i>Поставить на ноги, впитать с молоком матери, вылететь из гнезда, отцовская рука, отрезанный ломоть</i>
7	Наследственность и сходство	<i>Яблоко от яблони недалеко падает, вылитый отец</i>
8	Внутрисемейные конфликты	<i>Семейная сцена, в семье не без урода</i>
9	Несамостоятельность и нерешительность (инфантильность)	<i>Держаться за мамину юбку, маменькин сынок</i>
10	Возрастная характеристика	<i>В отцы годится</i>

Таким образом, выявлено 10 тематических групп. Всего в ходе анализа рассмотрено около 50 фразеологических единиц, которые позволили выявить ключевые смысловые доминанты, формирующие концептуальное поле «Семья» в русской языковой картине мира. Проведенная тематическая классификация выявила четкую иерархию значимости различных аспектов семейной жизни.

Наиболее частотными и наполненными оказались четыре ключевые группы.

1. Внутренняя структура семьи (7 ФЕ). Эта группа оказалась самой обширной, что указывает на важность четкого понимания семейных ролей (*отец семейства, соломенная вдова*) и социальных статусов внутри семьи (*бедный родственник, маменькин сынок, в семье не без урода*). Данное наблюдение является прямым отражением исторически сложившегося патриархального и коллективистского уклада русской жизни. Традиционная русская семья вплоть до XX в. была построена на строгой иерархии, где каждый член имел четко определенные права и обязанности: «Мужчина-добытчик, женщина-домохозяйка» [Роткирх, 2009, с. 170]. Фразеологизмы *отец семейства* и *отцовская рука* закрепляют эту модель, где отец – не просто родитель, а глава, кормилец и главный распорядитель семейным бюджетом. Наличие таких устойчивых выражений подчеркивает, что эта роль была культурной нормой.

2. Семейный очаг и единство (6 ФЕ). Данная группа содержит положительную характеристику семьи, описывающую ее как единое и безопасное сакральное пространство, основанное на эмоциональной близости и взаимной поддержке. Фразеологизмы *семейный очаг, родимое гнездо* и *крепкая семья* актуализируют два ключевых аспекта: физическое единство и духовную связь. Таким образом, в русской языковой картине мира идеальная семья – не просто группа родственников, а целостный организм, объединенный общим пространством, эмоциональным теплом и высокой нравственностью, где духовная близость ценится выше материального комфорта.

3. Создание семьи и дома (5 ФЕ). Значительное количество фразеологизмов, описывающих основание семейного очага (*свить семейное гнездо, пустить корни, соединить души*), подчеркивает важность создания семьи как осознанного, целенаправленного действия. Особенностью является использование природных метафор для подчеркивания естественности, органичности и жизненной необходимости данного процесса в жизни каждого человека.

4. Воспитание и становление (5 ФЕ). Акцент на процессе воспитания (*поставить на ноги, вылететь из гнезда*) отражает культурную установку на ответственность старших поколений за младших и важность передачи опыта и поэтапный характер этого процесса. Фразеологизм *Поставить на ноги* метафорически описывает воспитание как сложный, многозадачный труд, направленный на достижение двух ключевых целей: материальной самостоятельности и нравственной состоятельности человека. С другой стороны, *вылететь из гнезда* обозначает естественный и конечный результат успешного воспитания – обретение

независимости и отделение от родительской семьи. Эта метафора, несмотря на позитивный исход, может нести и оттенок легкой грусти, что отражает эмоциональную сложность данного этапа для семьи. Таким образом, в русской языковой картине мира воспитание концептуализируется как прямая ответственность старшего поколения, конечной целью которой является не просто взросление, а полноценное «вхождение в жизнь» младшего поколения, что знаменует собой исполнение родительского долга.

К более узким, но содержательно важным темам относятся:

- родство и происхождение (4 ФЕ);
- наследственность и сходство (2 ФЕ);
- инфантилизм (2 ФЕ);
- отсутствие родства (2 ФЕ).

Наименее наполненными (по 1-2 ФЕ) оказались группы, описывающие:

- возрастные характеристики (*в отцы годится*).

Предложенная структура позволяет не только логично классифицировать материал, но и выявить культурные приоритеты. Ядро концепта «Семья» в русском языковом сознании образуют три фундаментальных компонента: *общий дом* как физическое и духовное пространство, *четкая внутренняя структура* (роли и статусы) и *процесс воспитания* как ключевая обязанность семьи.

Наличие сквозных тем (например, выражение *маменькин сынок* показывает одновременно статус и инфантилизм) демонстрирует, что семейные роли и личностные качества в языке тесно переплетены. Устойчивость групп, связанных с кровным родством и наследственностью, подтверждает глубокую укорененность в культуре идеи преемственности поколений.

Таким образом, проведенная классификация не просто отражает основные смыслы, связанные с концептом «семья», но и реконструирует его целостный образ в русской языковой картине мира: это прежде всего дом и семья с четким распределением ролей, где главной ценностью является воспитание детей и сохранение родовой памяти.

Возвращаясь к ЛСП «Семья», где нами была выделена архилексема СЕМЬЯ – «кровное или юридическое родство, совместное проживание и ведение хозяйства», можно утверждать, что проведенный фразеологический анализ полностью подтверждает и обогащает эту структуру.

Выявленные тематические группы фразеологизмов конкретизируют и наполняют культурными смыслами каждый компонент архилексемы:

- «кровное родство» находит отражение не только в прямых обозначениях (*плоть от плоти*), но и в группе «Наследственность и сходство» (*яблоко от яблони...*), а также в противопоставлении через группу «Отсутствие родства» (*ни сват ни брат*);
- «юридическое родство» находит отражение во фразеологизме *Семейные узы*;

– «совместное проживание» раскрывается через многочисленные фразеологизмы групп «Создание семьи и дома» (*под одной крышей*) и «Семейный очаг и единство» (*семейный очаг, родимое гнездо*), где идея общего пространства метафорически связывается с теплом, безопасностью и сакральностью;

– «ведение хозяйства» как экономическая основа семьи имплицитно присутствует в концептах общего дома («гнезда», «очага»), а также проявляется в группе «Воспитание и становление», где воспитание (*поставить на ноги*) осмысливается как тяжелый труд.

Таким образом, фразеологизмы не просто дублируют значения ЛСП, а выступают его культурно-оценочным фильтром – лакмусовой бумажкой. Они демонстрируют, что в русской языковой картине мира семья ценится не просто как факт родства или совместного быта, а как:

- сложный иерархический организм (*группа статусов и ролей*);
- духовное единство, которое важнее материального комфорта (*в тесноте, да не в обиде*);
- социальный институт, требующий труда и укоренения (*группа создания семьи*);
- институт передачи традиций и опыта (*группа воспитания*).

Следовательно, ЛСП «Семья» в русском языке представляет собой не статичный набор лексем, а динамичную систему ценностно окрашенных концептов, где фразеологизмы выполняют функцию хранения и трансляции культурных установок, превращая формальное определение семьи в живой, многогранный и эмоционально насыщенный образ.

Список словарей

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. д-р филол. наук В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с. (Телия).
2. Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири / сост. Н.Т. Бухарева, А.И. Федоров; под ред. Ф.П. Филина. Новосибирск: Наука, 1972. 208 с. (Сибир).
3. Тимофеев В.П. Фразеология диалектной личности: словарь. Шадринск: Изд-во Шадринского пединститута, 2003. 176 с. (Тимофеев).
4. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А.И. Федоров. М.: АСТ, 2001. 720 с. (Федоров).
5. Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей / под ред. А.И. Молоткова. 4-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1986. 543 с. (Молотков).
6. Яранцев Р.И. Русская фразеология: словарь-справочник: ок. 1500 фразеологизмов. М.: Русский язык, 1997. 845 с. (Яранцев).

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. Когнитивная лексикология русского языка: за и против // Славянская фразеология и паремиология в XXI веке: сб. науч. ст. / под ред. Е.Е. Иванова, В.М. Мокиенко. Минск, 2010. 379 с.
2. Васильева С.П. Лингвокультурологический аспект семантики глагольных фразеологизмов // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. № 4. 2012. С. 161–165.
3. Васильева С.П. Мотивационная модель «жадность» в сибирской фразеологии // Динамические процессы в языке и языковой картине мира: материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Красноярск, 30 октября 2020 г. [Электронный ресурс] / Краснояр. гос. пед. ун-т. Красноярск, 2021. С. 32–35. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44794575> (дата обращения: 15.10.2025).
4. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 588 с.
5. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учебное пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. 3-е изд. Дубна: Феникс, 2005. 488 с.
6. Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.
7. Новиков Л.А. Семантика русского языка: учебное пособие для филологических специальностей университетов. М.: Высшая школа, 1982. 272 с.
8. Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2009. № 11. С. 170–200.
9. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. 346 с.
10. Трир Й. Немецкая лексика понятийной области интеллектуальных свойств. Heidelberg, 1931. 347 с.
11. Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 287 с.

Сведения об авторах

Васильева Светлана Петровна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

Мэн Юань – аспирант кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: Larisa0523@icloud.com

LEXICAL-SEMANTIC FIELD 'FAMILY' AND ITS REPRESENTATION IN PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

S.P. Vasilyeva (Krasnoyarsk, Russia)

Meng Yuan (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The relevance of the research is due to the increasing interest of modern linguistics in studying the linguistic picture of the world and ways of representing culturally significant concepts in language. The lexical-semantic field 'Family' is of particular interest because, being one of the key concepts of any culture, it largely forms value orientations and behavioral models in society.

The purpose of the study is to identify and describe the specifics of the representation of the lexical-semantic field 'Family' in the phraseological units of the Russian language.

The article's material is phraseological units of the thematic group 'family' in the Russian language.

The research methods are structural-grammatical, linguistic-cultural, and comparative analysis.

Research results. The authors of the article conducted an analysis of about 50 phraseological units. The structural, grammatical and thematic classification of the collected phraseological units is carried out. The cultural and national specifics of the representation of the concept of 'family', reflected in Russian phraseology, is analyzed.

Conclusions. Phraseological units do not duplicate the meanings of the lexical-semantic field, but act as its cultural and evaluative filter – a litmus test. They demonstrate that in the Russian linguistic worldview, the family is valued not just as a fact of kinship or living together, but as a complex hierarchical organism; a spiritual unity that is more important than material comfort; a social institution that requires work and rooting, an institution for the transfer of traditions and experience.

Keywords: family, lexical-semantic field, phraseology, linguistic worldview, concept, linguoculturology.

References

1. Alefirenko N.F. Kognitivnaia leksikologiya russkogo iazyka: za i protiv [Cognitive Lexicology of the Russian Language: Pros and Cons]. In: *Slavianskaia frazeologiya i paremiologiya v XXI veke: sbornik nauchnykh statei* [Slavic Phraseology and Paremiology in the 21st Century: Collection of Scientific Articles]. Minsk, 2010, 379 p.
2. Kunin A.V. *Kurs frazeologii sovremennogo angliiskogo yazyka* [A Course in Modern English Phraseology]. Dubna, Feniks, 2005. 488 p.
3. Maslova V.A. *Lingvokul'turologiya* [Cultural Linguistics]. Moscow, Akademiia, 2001. 208 p.
4. Novikov L.A. *Semantika russkogo yazyka* [Semantics of the Russian Language]. Moscow, Vysshiaia shkola, 1982. 272 p.

5. Rotkirkh A. Sovetskie gendernye kontrakty i ikh transformatsiia v sovremennoi Rossii [Soviet Gender Contracts and Their Transformation in Modern Russia]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Studies], 2009, 11, 170–200.
6. Teliya V.N. *Russkaia frazeologiya: Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic and Cultural-Linguistic Aspects]. Moscow, Nauka, 1996. 346 p.
7. Trier I. *Nemetskaia leksika poniatinnoi oblasti intellektual'nykh svoistv* [The German Vocabulary of the Conceptual Field of Intellectual Properties]. Heidelberg, Winter, 1931. 347 p.
8. Ufimtseva A.A. *Opyt izucheniia leksiki kak sistemy* [An Attempt at Studying Vocabulary as a System]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1962. 287 p.
9. Vasilyeva S.P. Lingvokul'turologicheskij aspekt semantiki glagol'nykh frazeologizmov [The linguistic and cultural aspect of the semantics of verbal phraseological units]. In: *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva* [Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev], 4, 2012, 161–165.
10. Vasilyeva S.P. Motivacionnaya model' "zhadnost'" v sibirskoj frazeologii [The motivational model of "greed" in Siberian phraseology]. In: [Dynamic processes in language and the linguistic picture of the world]. *Materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Proceedings of the II All-Russian scientific and practical conference] [Electronic resource]. Krasnoyarsk, 2021, 32–35. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44794575> (accessed 15.10.2025).
11. Vinogradov V.V. *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected Works. Lexicology and Lexicography]. Moscow, Nauka, 1977. 312 p.

About the authors

Vasilyeva, Svetlana P. – DSc (Philology), Professor, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: vasileva@kspu.ru

Meng Yuan – PhD Candidate, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: Larisa0523@icloud.com

УДК 81

КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ (В СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ)

К.Н. Гафиуллина (Казань, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Проблема исследования заключается в том, что, несмотря на многолетнее изучение категории падежа в отдельных языках, особенности реализации грамматических значений падежных форм в разноструктурных языках остаются недостаточно изученными. Не в полной мере проработаны вопросы сопоставления и типологического анализа данной категории в разных языковых системах.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые проведен сопоставительно-типологический анализ падежных отношений в языках, относящихся к тюркской языковой семье (татарский язык), славянской и германской группам индоевропейской языковой семьи (русский и английский языки соответственно).

Обзор научной литературы показывает, что существует значительный объем исследований по теме, однако в сопоставляемых языках мнения лингвистов расходятся даже в таких основополагающих вопросах, как определение категории падежа, признание ее существования в языке, количественный состав, иерархия падежей.

Цель исследования – определить роль падежных систем в структурной организации и функционировании сопоставляемых языков, выявить их общие черты и различия.

Методология состоит из методов анализа данных, включающих сопоставление структурных аспектов категории падежа в трех языках: описательный, сравнительно-типологический методы для выявления сходства и различий; учет исторических, культурных и лингвистических особенностей языков; интерпретация результатов.

Результаты анализа. Категория падежа имени существительного в типологически разных языках проявляется в разной степени и с разной функциональной ролью, что объясняется морфологическими и историческими особенностями их языковых систем. Установлено, что в русском и татарском языках категория падежа выражается богатой системой морфологических форм, в английском – в основном с помощью синтаксических средств, морфологическая система падежей практически отсутствует.

Выводы. В русском и татарском языках падежные формы играют ключевую роль в синтаксической организации предложения, в английском языке категория падежа выражена преимущественно синтаксическими средствами. При этом английский язык демонстрирует ярко выраженные черты аналитизма, а в русском языке, наряду с доминирующей флексией, также присутствуют аналитические средства выражения падежных значений (предлоги).

Авторский вклад заключается в том, что результаты исследования могут быть учтены в теории лингвистической типологии, расширяя понимание вариативности и универсальности грамматической категории падежа в разных языках мира.

Ключевые слова: русский язык, татарский язык, английский язык, падеж, сопоставительно-типологический анализ.

Постановка проблемы. Падеж как грамматическая категория играет важную роль в структуре языков, выполняя функции выражения отношений между словами в предложении. Система падежей прошла эволюцию, охватывающую значительный отрезок времени. Проблема выделения категории падежа, формальная и содержательная стороны, функции и значение падежа являются объектами для изучения с давних времен [Мосина, 2009, с. 222]. Изучение категории падежа востребовано для теоретической и прикладной лингвистики. Согласно исследованиям Н.В. Череповской, порядок усвоения падежей в родном языке и языке как иностранном различается в зависимости от востребованности (насколько важен данный падеж для успешного использования языка) и сложности (как семантической, так и морфологической) [Череповская¹, 2022, с. 27].

Обзор научной литературы. Понятие «падеж» в научной литературе выражается различными дефинициями. В традиционном понимании падеж рассматривается как «грамматическая категория имени, выражающая его синтаксические отношения к другим словам высказывания или к высказыванию в целом, а также всякая отдельная граммема этой категории (конкретный падеж)» [ЛЭС, 2002]. На протяжении истории изучения падежей отечественными и зарубежными исследователями были разработаны разные подходы и научные инструменты [Блох, 1983, с. 64].

В современной лингвистике дискуссионным остается вопрос о количестве, а также признание некоторых падежей в сопоставляемых языках. Например, во всех трех языках поднимался вопрос о звательном падеже. В татарском языке количественный состав падежей варьировался от отрицания наличия до 7, 8, 11, 18 падежей [Татар грамматикасы, 2016, с. 3; Ганиев, 1970]. Изначально в древнетюркском языке не было категории падежа, и эти отношения выражались порядком слов, а пространственные, временные значения – послелогом [Ирисов, 1997, с. 187]. Также и в английском языке отрицается существование падежей, при этом форма *'s* относится к притяжательным прилагательным, либо выделяется до шести падежей [Васин, Бирюкова, 2024, с. 24, 25]. В свое время в татарской лингвистике разногласия существовали и относительно самого названия понятия «падеж» и названия падежного окончания: в разное время пользовались различными вариантами наименования понятия «падеж»: *падеж, игъраб, төшем, килеш*, а также использовались обозначения падежного окончания: *галәмәт, кушымча, кушымта, тагылма, бетем, аффикс*.

Цель исследования – определить роль падежных систем в структурной организации и функционировании сопоставляемых языков, выявить их общие черты и различия.

¹ Череповская Н.В. Становление падежной системы и обработка падежных форм в русском языке как иностранном: специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Высшая школа экономики. М., 2022. 92 с.

Методология включает методы анализа данных, содержащих сопоставление структурных аспектов категории падежа в трех языках, описательный, сравнительно-типологический методы для выявления сходства и различий; учет исторических, культурных и лингвистических особенностей языков; интерпретацию результатов.

Результаты исследования. Особенности падежных систем объясняются общим грамматическим строем языка, определяющим, какой тип языка преобладает (флективный или агглютинативный).

На падежную систему влияет и общая эволюция языка. Нет универсальной падежной системы, и описание падежей учитывает специфику каждого конкретного языка. Категория падежа есть во всех трех сопоставляемых нами языках, но она неодинакова вследствие различий в их морфологической типологии [Рыбаков, 2012]. Как известно, структурно английский язык относится к флективным языкам преимущественно аналитического типа с относительно бедной словоизменительной морфологией, русский язык входит в разряд флективных языков преимущественно синтетической системы с относительно богатой словоизменительной морфологией, татарский относится к агглютинативным языкам. В флективных языках грамматические значения передаются посредством флексий, представляющих собой морфемы и окончания, изменяющие структуру слова. В агглютинативном строе каждый формант несет только одно значение. Флективный языковой тип противостоит агглютинативному, однако относительно грамматической категории падежа сходство проявляется в том, что словоизменение по падежам происходит с помощью внешних флексий, т.е. с чертами агглютинативного строя.

Категория падежа в агглютинативном татарском языке является одной из основных грамматических категорий имени существительного. Она не только определяет модель словоизменения, но и управляет внутренней организацией предложения или словосочетания. При помощи падежа выражаются субъектно-объектные отношения, формируются глагольно-объектные, глагольно-обстоятельственные и атрибутивные связи.

Падежные значения выражаются различными грамматическими средствами: в русском языке с помощью окончаний, в татарском – с помощью словоизменительных аффиксов. Татарские падежные аффиксы близки к окончаниям, поскольку они присоединяются последними к слову, после них могут присоединяться только частицы (кисәкчә). Каждый язык имеет свой набор морфологических падежей, которые связаны со всеми уровнями языка. Татарский язык также обладает развитой падежной системой. В отличие от русского языка, он характеризуется агглютинацией – присоединением аффиксов к основе слова, позволяющим образовывать формы существительных в зависимости от падежа, связывая имена существительные с другими словами в предложении с помощью аффиксов, вовлекая их в различные синтаксические отношения (субъектные, объектные, места, времени, причины, цели и др.) [Татар грамматикасы, 2016, с. 3].

Все существительные в современном татарском языке склоняются по падежам. К одному слову не могут присоединяться два и более падежных аффикса. В современном татарском языке, как и в русском, категория падежа представлена шестью формами, традиционно признанными падежами в татарских грамматиках согласно общепринятой иерархии [Новиков, Рыбаков, 2013], однако значение и употребление падежных форм отличаются. Татарские падежи не совпадают с русскими, за исключением винительного, который в татарском языке сопряжен значением определенности, соответствующим английскому артиклю the, дательного и направительного. В татарском языке имя существительное в именительном падеже (баш килеш) имеет нулевой аффикс, выражает субъект, прямой объект в значении неопределенности, притяжательный падеж (иялек килеше) выражает отношение притяжательности со значением определенности, например: *студентның китабы* – книга студента (известного, этого студента), которое можно соотнести с английским определенным артиклем the, направительный падеж (юнәлеш килеше) выполняет функции обозначения места, времени, причины, цели, например: *эшкә – на работу, иртәгә кадәр – до утра, давылга карамастан – несмотря на бурю*, винительный падеж (төшем килеше) выражает объект действия с оттенком определенности, например: *эшне – работу (определенную, эту работу)*, исходный падеж (чыгыш килеше) показывает исходное место, время, причину, цель, например: *өйдән – из дома, ачудан – со злости, иртәдән – с утра, юктан – без причины*, местно-временной падеж определяет место и время совершения действия, например: *эштә – на работе, таңда – на заре*.

Отличительной особенностью склонения по падежам в татарском языке является то, что окончание каждого падежа имеет от двух до шести вариантов, обусловленных гармонией в области вокализма (законом сингармонизма), ассимиляцией в области консонантизма и назальной гармонией. Падежные аффиксы присоединяются к исходной безаффиксной форме слова. В соответствии с законом ассимиляции, если последний согласный звук корня звонкий или гласный, то и первый звук падежного аффикса звонкий, если глухой – первый звук падежного аффикса также глухой, например: *-га/-ка* в направительном падеже (юнәлеш килеш), *-дан/-тан* в исходном падеже (чыгыш килеш) и *-да/-та* в местно-временном падеже (урын-вакыт килеше): *балага* (ребенку), *баладан* (от, с ребенка), *балада* (у ребенка), *ташка* (камню), *таштан* (из, от, с камня), *ташта* (в, на камне). По закону гармонии гласных – закону сингармонизма, – если все гласные в корне слова переднего ряда, то присоединяется падежный аффикс с вариантом, содержащим гласную переднего ряда, например: *-га/-гә, -ка/-кә* в направительном падеже (юнәлеш килеш), *-дан/-дән, -тан/-тән* в исходном падеже (чыгыш килеш) и *-да/-дә, -та/-тә* в местно-временном падеже (урын-вакыт килеше): *эшкә* (на работу), *эштән* (с, от работы), *эштә* (на работе), *балага* (ребенку), *баладан* (от, с ребенка), *балада* (у ребенка). Согласно назальной гармонии к корню, заканчивающемуся на носовые согласные *м, н, ң*, в исходном падеже (чыгыш килеше) присоединяется так называемый носовой вариант с соблюдением гармонии

гласных переднего и заднего ряда, например: *урамнан* (с, от улицы), *таңнан* (с, от зари), *-миңнән* (с, от родинки). Таким образом, падежные окончания в татарском языке подразделяются на твердый и мягкий, звонкий и глухой, назальный варианты. Еще одно отличие заключается в том, что присоединяются аффиксы притяжательности, показывающие, к какому лицу или лицам относится предмет или лицо. К аффиксам притяжательности падежные аффиксы, выражающие местно-временное и пространственное значение, присоединяются с некоторыми изменениями. Например, в 3 л. ед. ч. в направительном падеже употребляется аффикс *-на* вместо *-ка*: *университетка* (в университет) – *университетына* (в его университет), в исходном падеже – аффикс *-ннан* вместо *-тан*: *университеттан* (от/из университета) – *университетыннан* (от/из его университета), в местно-временном падеже – аффикс *-нда* вместо *-та*: *университетта* (в университете) – *университетында* (в его университете).

Русский язык также находит свое выражение в развитой падежной системе, являющейся одним из важнейших грамматических показателей, определяющих морфологические характеристики существительных. В русской грамматике традиционно признаны шесть падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и предложный. Каждый падеж выполняет свою функцию и влияет на форму существительного, изменяясь в зависимости от числа и рода. Русский падеж характеризуется синтаксической гибкостью, обеспечивая различные способы выражения смысловых отношений посредством окончаний и предлогов. Изменение существительных по падежам происходит по трем типам склонения путем присоединения окончаний в соответствии с правилами склонения. Некоторые существительные входят в разряд несклоняемых существительных, например *пальто*, *кофе*, и разносклоняемых, например *бремя*, *время*.

В отличие от русского, в английском языке существительные и зависимые от него определения в конструкции не изменяются, например: *в нашем большом университете*, *в наш большой университет*, *из/от нашего большого университета*, *к нашему большому университету* – *in/at/from/to our big university*. Выражение пространственных отношений с помощью категории падежа характерно и для татарского языка, при котором изменения касаются только падежных словоизменительных аффиксов: *безнең зур университетка* (в нашем большом университете), *безнең зур университеттан* (от/из нашего большого университета), *безнең зур университетта* (в нашем большом университете).

В научной литературе количество и расположение падежей в русском языке также определяется по-разному. В русском языке наряду с традиционными падежами выделяются звательный, местный и разделительный падежи, в английском – звательный, дательный, винительный [Вдовица, Нечепуренко, 2015, с. 94]. В татарском языке также выделялся звательный падеж – *чакыру төшеме*, например с частицами *эй*, *йа* [Салахов, 2016, с. 163], выражающийся изменением имени или обращения с добавлением специальных окончаний или без них, в зависимости от контекста: *Галия, кил бирегә!* (Галия, иди сюда!) или *Галияәәәәү! Кайда син?* (Галияааау, ты где?).

Отличие английского языка от русского и татарского в том, что он имеет сильно редуцированную падежную систему с двумя общепринятыми падежами: Common Case – общий падеж и Possesive Case – притяжательный падеж. В процессе эволюции языка развитая система падежей была утрачена, падежные значения стали передаваться посредством предлогов и строгого порядка слов. Как отмечает А.А. Худяков, «порядок слов для английского языка в силу чрезвычайной бедности его флективной морфологии есть очень важный и часто используемый грамматический способ» [Худяков, 2007, с. 24].

Проблема выделения категории падежа в английском языке также является объектом как давних, так и современных дискуссий [Шафигуллина, 2017, с. 47]. Общий падеж имеют все существительные, это словарная форма существительного. В древнеанглийском языке было четыре [Аракин, 2003, с. 53] или пять [Аркадьев, 2007, с. 67] падежей. В ходе постепенного упрощения именительный, винительный и дательный падежи объединились в общий падеж [Козлова, Кривоносова, 2018, с. 88–90]. Притяжательный падеж указывает на отношение принадлежности, образуется у одушевленных существительных словоизменительным суффиксом 's с апострофом, например: *student's book* (книга студента), *students' books* (книги студентов), для неодушевленных существительных используется предлог *of*, например: *the name of the street* (название улицы), за исключением обозначения времени, части дня, времени года, расстояния, стоимости, сообщества людей, названия звезд и планет и пр. Таким образом, притяжательный падеж в английском языке образуется с помощью внешней флексии – апострофированного -s: *student's*, *Ann's*, *students'*, т.е. по агглютинативному принципу с процессом ассимиляции, характерным для агглютинативных языков: в зависимости от фонетического исхода корня слова формант притяжательного падежа произносится глухо, как [s] или звонко, как [z].

Выводы. Сопоставляя падежные системы трех языков, можно выделить несколько ключевых аспектов: 1) количество падежей: русский и татарский языки имеют многообразные падежные системы с шестью падежами, тогда как английский язык фактически сводит падежные отношения к минимуму; 2) способы выражения падежа: в русском и татарском языках падежи выражаются через изменение форм существительных и аффиксацию, тогда как в английском система основана на предлогах и порядке слов; 3) функции падежей: в русском и татарском языках падежи обеспечивают более сложные синтаксические конструкции и выражают множество отношений, включая место, время и принадлежность. В английском языке многие значения передаются грамматическим порядком слов и посредством предлогов. Представляется обоснованным предположение Д.Ф. Мымриной о том, что целесообразнее создание падежной системы, учитывающей специфику языка и включающей локативные падежи (которые имеются в исследуемых нами русском, татарском языках), чем использование «узконаправленных, ориентированных на индоевропейские языки» теории

[Мымрина, 2010, с. 201]. Существенное различие в способах реализации падежных значений подчеркивает важность учета типологических особенностей при изучении языков и их грамматических категорий. В дальнейших исследованиях может быть полезно рассмотреть влияние падежной системы на синтаксис и морфологию в контексте более широких языковых архетипов.

Библиографический список

1. Аракин В.Д. История английского языка: учебное пособие. 2-е изд. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2003. 272 с. URL: <https://djvu.online/file/KBKI7rHAWJcsm?ysclid=mh4vzomnrg440179256> (дата обращения: 23.10.2025).
2. Аркадьев П.М. Падежи в языках мира // Лингвистика для всех: летние лингвистические школы. 2007. С. 59–71. URL: https://inslav.ru/images/stories/people/arkadiev/Arkadiev_case_llsh08.pdf (дата обращения: 20.10.2025).
3. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка. М.: Высшая школа, 1983. 383 с.
4. Васин А.А., Бирюкова О.А. Проблема выделения категории падежа в английском языке // Вопросы иноязычной филологии и переводоведения: новые подходы и актуальные исследования: сб. науч. ст. / отв. ред. Н.В. Кормилина, Н.Ю. Шугаева. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2024. С. 23–27.
5. Вдовица В.Н., Нечепуренко М.Ю. Категория падежа в русском и английском языках в синхронном аспекте // Международный студенческий научный вестник. 2015. № 5-1. С. 93–95. URL: <https://s.eduherald.ru/pdf/2015/5-1/12822.pdf> (дата обращения: 15.10.2025).
6. Ганиев Ф.А. О синтетических и аналитических падежах в татарском языке // Ученые записки Казанского пединститута. Казань, 1970. Вып. 74. С. 74–82.
7. Ирисов Н.И. Категория падежа в татарском языке в сравнении с индоевропейскими языками // Вестник Челябинского университета. 1997. № 1, т. 2. С. 187–188. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-padezha-v-tatarskom-yazyke-v-sravnanii-s-indoevropeyskimi-yazykami/viewer> (дата обращения: 15.11.2025).
8. Козлова С.А., Кривоносова Я.В. Категория падежа в истории развития английского языка // Актуальные вопросы филологии: теория и практика: матер. II Междунар. науч.-практ. конф., Волгоград, 15 ноября 2018 г. Волгоград: Абсолют; Перо, 2018. С. 86–91. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=yzmbnr&ysclid=mh9ecjbw85157573998> (дата обращения: 22.10.2025).
9. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М.: Большая Рос. энцикл., 2002. URL: <https://tapemark.narod.ru/les/?ysclid=mgu0q0rnw4829386018> (дата обращения: 20.10.2025).
10. Мосина Н.М. История изучения падежной категории // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Вып. 3. Сер. 9: Филология, востоковедение, журналистика. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-izucheniya-padezhnoy-kategorii/viewer> (дата обращения: 20.10.2025).

11. Мымрина Д.Ф. К вопросу теории падежа // Молодой ученый. 2010. № 12 (23). Т. 1. С. 198–201. URL: <https://moluch.ru/archive/23/2428> (дата обращения: 10.10.2025).
12. Новиков А.Л., Рыбаков М.И. Грамматическая категория падежа как иерархическая система // Вестник РУДН. Сер.: Лингвистика. 2013. № 1. С. 5–11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grammaticheskaya-kategoriya-padezha-kak-ierarhicheskaya-sistema> (дата обращения: 24.10.2025).
13. Рыбаков М.А. Грамматическая категория падежа как объект типологического исследования // Вестник РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 3. С. 36–41. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grammaticheskaya-kategoriya-padezha-kak-obekt-tipologicheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 23.10.2025).
14. Салахов А.М. Категория падежа в татарских грамматиках второй половины XIX – начала XX в. // Минбар. 2016. Т. 9, № 2. С. 161–168. URL: <https://606.su/kXJ3> (дата обращения: 15.11.2025).
15. Татар грамматикасы: өч томда / проект жит. М.З. Зәкиев. Тулыландырылган 2 нче басма. Казан: ТӘһСИ, 2016 Т. II. 432 б. URL: <https://clck.ru/3Pn5eo> (дата обращения: 17.10.2025).
16. Худяков А.А. Теоретическая грамматика английского языка: учебное пособие для студентов филологических факультетов и факультетов иностранных языков высших учебных заведений. 2-е изд., стер. М.: Академия, 2007. 253 с. URL: <https://djvu.online/file/76NbhgsRuh4B0?ysclid=mh9d76755a386249078> (дата обращения: 21.10.2025).
17. Шафигуллина А.Б. К вопросу о падежах имен существительных в английском языке // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. 2017. № 2 (10). С. 47–50. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=ypaxjd&ysclid=mh9edvfgic573989099> (дата обращения: 22.10.2025).

Сведения об авторе

Гафиуллина Кадрия Накиповна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и иностранных языков, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева; e-mail: Gafiullina.kn@yandex.ru

NOUN CASE CATEGORY IN THE ENGLISH, RUSSIAN AND TATAR LANGUAGES (COMPARATIVE AND TYPOLOGICAL ASPECT)

K.N. Gafiullina (Kazan, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The problem of the research is that, despite a fairly extensive and long-term study of the case category in individual languages, the specifics of its implementation in different languages in a comparative context for interlanguage communication, adequate translation, and learning remain not fully understood.

The purpose of the article is to determine the role of case systems in the structural organization and functioning of the compared languages, to identify common features and differences.

The methodology includes data analysis methods, including a comparison of structural aspects of the case category in three languages, descriptive, comparative and typological methods to identify similarities and differences; consideration of historical, cultural and linguistic features of languages; interpretation of the results.

Research results: the category of noun case in typologically different languages manifests itself to varying degrees and with different functional roles, which is explained by the morphological, historical and cognitive features of their language systems. It has been established that in Russian and Tatar the case category is expressed by a rich system of morphological forms, in English it is mainly using syntactic means, and the morphological case system is practically absent.

Conclusions. In inflectional Russian and Tatar, case forms play a key role in the syntactic organization of sentences; in analytical English, the case category is expressed primarily by syntactic means. At the same time, English shows pronounced analytical features, and in Russian, along with the dominant inflection, there are also analytical means of expressing case values (prepositions).

The author's contribution lies in the fact that the research results contribute to the development of the theory of linguistic typology, expanding the understanding of variability and universality of the grammatical category of case in different languages of the world.

Keywords: case, Russian language, Tatar language, English language, comparative and typological analysis.

References

1. Arkad'ev P.M. Padezhi v yazy`kax mira [Cases in the languages of the world]. In: *Lingvistika dlya vsekh: letnie lingvisticheskie shkoly*, 2007, 59–71. Available at: https://inslav.ru/images/stories/people/arkadiev/Arkadiev_case_llsh08.pdf (accessed: 20 October 2025).
2. Arakin V.D. Istoriya anglijskogo yazy`ka [History of the English language]. Moscow, FIZMATLIT, 2003. 272 p. Available at: <https://djvu.online/file/KBKI7rHAWJcsm?ysclid=mh4vzomnrg440179256> (accessed: 23 October 2025).
3. Novikov A.L., Ry`bakov M.I. Grammaticheskaya kategoriya padezha kak ierarxicheskaya sistema [Grammatical case system as a hierarchical system]. In: *Vestnik*

- RUDN. Seriya: Lingvistika, 2013, 1, 5–11. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/grammaticheskaya-kategoriya-padezha-kak-ierarhicheskaya-sistema> (accessed: 24 October 2025).
4. Ry`bakov M.A. Grammaticheskaya kategoriya padezha kak ob`ekt tipologicheskogo issledovaniya [Grammatical case system as an object of typological research]. In: *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazy`ka. Semiotika. Semantika*. 2012, 3, 36–41. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/grammaticheskaya-kategoriya-padezha-kak-obekt-tipologicheskogo-issledovaniya> (accessed: 23 October 2025).
 5. Salaxov A.M. Kategoriya padezha v tatarskix grammatikax vtoroj poloviny` XIX – nachala XX v. [The category of case in Tatar grammars of the second half of the 19th-early 20th centuries.]. *Minbar*. 2016. 161–168 p. Available at: <https://606.su/kXJ3> (accessed: 15 November 2025).
 6. Blox M.Ya. *Teoreticheskaya grammatika anglijskogo yazy`ka*. [Theoretical grammar of the English language]. Moscow, Vy`sshaya shkola, 1983. 383 p.
 7. Lingvisticheskij e`nciklopedicheskij slovar` [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Bol`shaya Ros. e`ncikl., 2002. Available at: <https://tapemark.narod.ru/les/?ysclid=mgu0q0rnw4829386018> (accessed: 20 October 2025).
 8. Tatar grammatikasy`: o`ch tomda [Tatar grammar. In three volumes]. Kazan, T`ohSI. 2016, II, 432 p. Available at: <https://clck.ru/3Pn5eo> (accessed: 17 October 2025)..
 9. Vasin A.A., Biryukova O.A. Problema vy`deleniya kategorii padezha v anglijskom yazy`ke [The problem of case categorization in English]. In: *Voprosy` inoyazy`chnoj filologii i perevodovedeniya: novy`e podxody` i aktual`ny`e issledovaniya*. Cheboksary, Chuvash. gos. ped. un-t, 2024, 23–27.
 10. Vdovicza V.N., Nechepurenko M.Yu. Kategoriya padezha v russkom i anglijskom yazy`kax v sinxronnom aspekte [The category of case in Russian and English in the synchronous aspect]. In: *Mezhdunarodny`j studencheskij nauchny`j vestnik*. 2015, 5-1, 93–95. Available at: <https://s.eduherald.ru/pdf/2015/5-1/12822.pdf> (accessed: 15 October 2025).
 11. Xudiyakov A.A. *Teoreticheskaya grammatika anglijskogo yazy`ka* [Theoretical grammar of the English language]. Moscow, Akademiya, 2007. 253 p. Available at: <https://djvu.online/file/76NbhsRuh4B0?ysclid=mh9d76755a386249078> (accessed: 21 October 2025).
 12. Ganiev F.A. O sinteticheskix i analiticheskix padezhax v tatarskom yazy`ke [On synthetic and analytical cases in the Tatar language]. In: *Uchyony`e zapiski Kazanskogo pedinstituta*. 74. Kazan, 1970, 74–82.
 13. Irisov N.I. Kategoriya padezha v tatarskom yazy`ke v sravnenii s indoevropejskimi yazy`kami [Case category in the Tatar language in comparison with Indo-European languages]. In: *Vestnik Chelyabinskogo universiteta*. 1997. 187–188 p. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-padezha-v-tatarskom-yazyke-v-sravnenii-s-indoevropejskimi-yazykami/viewer> (accessed 15 November 2025).

14. Kozlova S.A., Krivonosova Ya.V. Kategoriya padezha v istorii razvitiya anglijskogo yazy`ka [The category of case in the history of the development of the English language]. In: *Aktual`ny`e voprosy` filologii: teoriya i praktika: Matly` II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.*, Volgograd, 15 noyabrya 2018 goda. Volgograd: Nauchny`j izdatel`skij centr Absolyut; Pero, 2018, 86–91. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=yzmbnr&ysclid=mh9ecjbw85157573998> (accessed 22 October 2025).
15. Mosina N.M. Istoriya izucheniya padezhnoj kategorii [History of the case category study]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Vy`p. 3, Ser. 9, *Filologiya, vostokovedenie, zhurnalistika*, 2009, 222. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-izucheniya-padezhnoy-kategorii/viewer> (accessed: 20 October 2025).
16. My`mrina D.F. K voprosu teorii padezha [On the question of case theory]. In: *Molodjucheny`j*. 2010, 12, 1, 198–201. Available at: <https://moluch.ru/archive/23/2428> (accessed: 10 October 2025).
17. Shafigullina A.B. K voprosu o padezhakh imen sushchestvitel`nykh v angliiskom iazyke [On the issue of cases of nouns in English]. In: *Sovremennye problemy sotsial'no-gumanitarnykh nauk [Modern problems of social and humanitarian sciences]*, 2017, 2, 47–50. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=ypaxjd&ysclid=mh9edvfgic573989099> (accessed: 10.22.2025).

About the author

Gafiullina, Kadriya N. – PhD (Philology), Associate Professor, Kazan branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education “Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev” (Kazan, Russia); e-mail: Gafiullina.kn@yandex.ru

УДК: 81'25

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА ПЕРЕВОДЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НАЦИОНАЛЬНО И РЕГИОНАЛЬНО КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ ДЛЯ ФРЕЙМОВОГО СЛОВАРЯ

Е.Н. Елина (Красноярск)

Т.М. Софронова (Красноярск)

Аннотация

Постановка проблемы. Поиски эффективного формата представления знаний о лингвокультуре изучаемого языка и переводческих решений их перевода на целевой язык на лингвокогнитивных основаниях обуславливают актуальность исследования.

Цель данного исследования заключается в раскрытии проблематики межъязыковой передачи национально и регионально культурно-маркированной лексики во фреймовых словарных статьях нового жанра учебного фреймового словаря для англофонов и представлении переводческого анализа их передачи на английский язык.

Обзор научной литературы выявил обширную литературу по фреймам, лингвокультуре, стратегиям перевода, при этом комплексные исследования с переводческим анализом всех возможных стратегий перевода культурно-маркированной лексики отсутствуют. В этом плане данное исследование заполняет лакуны в научной литературе.

Методологическую основу исследования составили следующие научные направления: лингвокогнитивное, лингвокультурологическое и переводоведение.

Результаты исследования заключаются в представлении фреймовых словарных статей «Знакомьтесь с сибиряком», «В русской бане», «Русское застолье», «Новый год», включающих национально и регионально культурно-маркированную лексику и переводческий анализ их перевода.

Выводы. Структурирование лексики в виде фреймов во фреймовых словарных статьях создает удобный интерфейс для представления лексики, а выбранные стратегии и приемы перевода позволяют сохранить национальный и региональный колорит лексем.

Ключевые слова: перевод, национально и регионально культурно-маркированная лексика, фреймы, учебный фреймовый словарь, фреймовая словарная статья.

Постановка проблемы. Актуальность исследования определяется важностью успешного погружения иностранных студентов в культурную среду нашего Сибирского региона при изучении русского и английского языков. Инструментом, позволяющим структурировать содержательный и переводческий аспекты изучения лингвокультурем Сибири, может стать фреймовый подход к представлению регионально окрашенного лексического материала.

Цель исследования – раскрыть проблематику межъязыковой передачи лексики, связанной как с национальной, так и с региональной культурой Сибири

во фреймовых словарных статьях нового жанра учебного фреймового словаря для англофонов, и представить их переводческий анализ.

Основными методами исследования стали: контекстуальный анализ, пред-переводческий и переводческий анализ.

Материалом исследования послужили: «Русско-китайский фреймовый словарь» (Е.Н. Елина, Л.И. Кузнецова, 2018), «Лексическая основа русского языка: Комплексный учебный словарь» (В.В. Морковкин, Н.О. Беме, И.А. Дорогонова и др., 2004), «Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. Общее владение» (Н.П. Андрюшина, Т.В. Козлова, 2006), «Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение» (Н.П. Андрюшина, Г.А. Битехтина, Л.П. Клобукова и др., 2008), «Cambridge Dictionary», «Oxford Learner's Dictionary», «New Collegiate Dictionary».

Обзор научной литературы. Концептуальную основу данного исследования составили следующие научные направления: лингвокогнитивное, лингвокультурологическое и переводоведение. В когнитивных исследованиях известные ученые М. Минский (1978, 1979, 1988), Ч. Филлмор (1975, 1982, 1985), Т.А. ван Дейк (1988, 1989), Н.Н. Болдырев (2000, 2003) и другие предлагают строить знания о мире в виде фреймов. В зарубежном терминоведении фреймовый подход заложен в основу нового теоретического направления – фреймового терминоведения (Р. Faber, С.М. Linares, М.В. Expósito, 2005).

Предлагаемый нами учебный фреймовый словарь конструируется на основе когнитивной структуры «фрейм» и на трех основополагающих его дефинициях. По Ч. Филлмору, фрейм – «система категорий, структурированных в соответствии с мотивирующим контекстом, набор понятий и одновременно категоризация опыта» [Филлмор, 1988, с. 59]. М. Минский трактует понятие «фрейм» как структуры данных для представления стереотипной ситуации, которые организуются в виде поля и вербализуются средствами естественного языка [Цит. по: Буренкова, 2018, с. 133], и как «множество вопросов, которые следует задать в гипотетической ситуации» [Минский, 1978, с. 249]. Т.А. ван Дейк указывает, что «знание организовано в концептуальные системы», которые можно описывать в терминах фреймов» [Дейк ван, 1989, с. 16].

Поскольку во фреймовые статьи словаря включена национально и регионально культурно-маркированная лексика, то особую научную ценность для данного исследования представляют работы лингвистов Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [1971; 1990; 2005] о филологическом инструментарии для вскрытия специфики семантики языка в аспекте функционирования культуры. В их работах вводится понятие безэквивалентной лексики (реалии), ее классификация, а также рассмотрены эффективные приемы преподавания русского языка как иностранного в плане знакомства обучаемых с иноязычной для них действительностью.

В рамках данного исследования предлагается решение проблемы перевода реалий/лингвокультурем, включенных во фреймовые статьи. В этой связи

актуальным остается труд С.И. Влахова и С.П. Флорина «Непереводимое в переводе» (1980). Авторы раскрывают в нем понятие реалии, представляют классификацию реалий и способы их межъязыковой передачи.

В 90-х гг. XX в. на стыке лингвистики и культурологии возникают наука лингвокультурология (В.В. Воробьев, В.Н. Телия, Ю.Д. Апресян, Е.А. Яковлева, В.А. Маслова, А.Д. Шмелев) и понятие «лингвокультурема», определяемое В.В. Воробьевым (1997) как «диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного и предметного) содержания», что также является релевантным для данной статьи.

Результаты и обсуждение. Учебный фреймовый словарь – это новый жанр учебного словаря, прототипом которого послужил тематический словарь идеографического типа. Данный тип словаря стал возможным благодаря парадигмальным принципам современной лингвистической науки: антропоцентризма – изучения языковых фактов с учетом человеческого фактора и экспансионизма – междисциплинарности, что позволило успешно задействовать методологический конструкт когнитивистики – когнитивную, ментальную структуру «фрейм» – в учебной лексикографии, в новом жанре учебного фреймового словаря. Минимальной структурной единицей словаря является фреймовая словарная статья, которая структурирована как иерархическая фреймовая модель для представления знаний о стереотипной ситуации, и служит обобщенным образом предметной ситуации, отражающей специфичные особенности языковой и социальной культуры. Особенности фрейма как ментальной структуры позволяют представить языковую систему по-новому во фреймовом словаре через призму восприятия языковой картины мира и культуры русского человека. Знания о лингвокультуре в словаре объективируются в формате фреймов, поскольку в них заложена идея стереотипа, соотносимая с культурой носителя языка. Для успешной межкультурной коммуникации такие знания необходимы иностранцу, поскольку в процессе межкультурной коммуникации могут возникнуть разного характера трудности [Елина, Бабак, 2023]. Лингвокультурный подход реализуется в словаре, с одной стороны, семантической структурой словаря, отражающей языковую картину мира, характерную для носителей русского языка, что способствует восприятию иностранными студентами части действительности, нашедшей воплощение во фреймовом словаре, и сравнению ее со своей национальной культурой и языковой картиной мира, а с другой стороны – формированием вторичной языковой личности, позволяя проникнуть в «дух» изучаемого языка, в «плоть» культуры народа целевого языка [Тюрина¹, 2000]. Фреймовый словарь сообщает как лингвокультурные знания о стране, народе и обычаях страны изучаемого языка, так и региональные, связанные с местом учебы и проживания пользователя словаря.

¹ Тюрина Г.А. Фреймовый способ организации лексики в практическом курсе русского языка как иностранного: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. М., 2000. 192 с.

В представленных в данном исследовании фреймовых статьях «Знакомьтесь с сибиряком», «В русской бане», «Русское застолье», «Новый год» нашли отражение культурные стереотипы как русской общенациональной, так и региональной языковой картины мира. Источниками учебной выборки стали тематические словари и учебные пособия по русскому языку как иностранному: словарь «Лексическая основа русского языка» под редакцией В.В. Морковкина (2004), «Тематический словарь русского языка» Л.Г. Саяховой, Д.М. Хасановой (2000) и другие словари; учебные пособия, направленные на формирование лингвокультурологической компетенции, в которые включен соответствующий языковой материал (Акишина, Каган, 2002; Анциферова, 2004; Берко, Беркова, Беркова, 2003; Белянко, Трушина, 2003; Бочарова, Лысакова, Розова, 2008). Отметим, содержание учебной выборки для фреймовой статьи регламентировано определенным языковым корпусом и программой обучения: лексическим минимумом базового уровня (Андрюшина, Козлова, 2006), лексическим минимумом первого сертификационного уровня (Андрюшина, Битехтина, Клобукова, Норейко, Одинцова, 2008) и лингводидактической программой по русскому языку как иностранному (Есина и др., 2017). Фреймовая статья сопровождается лингвокультурологическим комментарием (по необходимости), небольшими текстами, включающими лексемы, объективирующие фрейм, серией вопросов, выполняя таким способом лингводидактические функции.

Поскольку учебный фреймовый словарь является переводным словарным пособием с русского языка на английский и адресован англоговорящим пользователям, то первостепенная роль уделяется переводу и анализу перевода включенных во фреймовую словарную статью лексических единиц, реалий/лингвокультурем с национально- и регионально-культурной спецификой.

В рамках статьи целесообразно уточнить понятия «реалия» и «лингвокультура». Если реалии – это предметы или явления материальной культуры, а также общественно-политические понятия, которые характерны для определенной страны или народа (топонимы, антропонимы, реалии быта, культуры, политики), то лингвокультуремы отражают более широкое понятие, которое включает в себя не только сам предмет или явление (т.е. реалии), но и связанные с ним культурные коннотации, ассоциации и смыслы (пословицы, поговорки, ритуалы, традиции, символические образы и т.п.). Таким образом, понятие лингвокультуремы является родовым по отношению к видовому понятию реалии.

Специфика реалий/лингвокультурем создает существенные трудности при их межъязыковой передаче, связанные с неоднозначностью их интерпретации, изменением значения со временем, передачей эмоциональной окраски, культурными стереотипами [Дергунова, 2021, с. 35]. Согласно точке зрения С. Влахова и С. Флорина, «понятие “перевод реалий” дважды условно: реалия, как правило, непереводаема (в словарном порядке) и, опять-таки, как правило, она передается (в контексте) обычно не путем перевода» [Влахов, Флорин, 1980, с. 79].

Поиск эффективных средств перевода национально и регионально культурно-маркированной лексики, на наш взгляд, может быть достигнут за счет обоснованных лингвокогнитивных переводческих решений, под которыми в данной статье понимаются адекватно подобранные стратегии и приемы перевода. Лингвокогнитивные основания переводческих решений обусловлены тем, что при переводе с русского языка на английский выбор в пользу того или другого решения или стратегии опирается на всю когнитивную базу человека, владеющего как русской языковой картиной мира, так и картиной мира языка, на который осуществляется перевод. Лингвокультурные основания переводческих решений соотносятся напрямую с лингвокультурной компетенцией языка – «системой языковых значений, концептуальное наполнение которой включает черты менталитета народа... через систему характерных для него образов, эталонов, стереотипов, символов и т.п., опредмечено мировидение народа и его миропонимание, осознаваемые в контексте культурных традиций» [Катермина, 2016, с. 193–194].

В свете вышеизложенных подходов к материалу исследования, предполагаем, что одним из таких переводческих решений мог бы стать не перевод лингвокультурем, а их реноминация. Под реноминацией, вслед за А.А. Кретовым [Кретов, Фененко, 2011, с. 154] и Н.А. Фененко [2017, с. 11; 2022, с. 71–77], понимаем название «чужого» денотата, отраженного в сигнификате, средствами «своего языка», в процессе которого может происходить некоторое преобразование сигнификата. Так, например, возможны следующие переводческие решения/приемы при реноминации региональных лингвокультурем Сибири, которые предполагают использование в тексте перевода: 1) реноминативных форм, зафиксированных словарями (шуба – fur coat; дубленка – sheepskin); 2) приема гипо-гиперонимической реноминации (унты – high boots); 3) аналитических приемов реноминации диминутивных форм (сопка – small hill / mountain typical for Siberian landscape); 4) реноминации путем транскрипции с последующей экспликацией значения слова (valenki, felt boots); 5) реноминации путем краткой/развернутой экспликации: сибиряк – a man who lives in Siberia; сибирячка – a woman who lives in Siberia.

Более конкретными стратегиями перевода являются domestикация (domestication) и форенизация (foreignization), которые представляют собой также способ передачи национально-специфичного характера лексики. В научной статье З.М. Сафиной, посвященной изучению этих стратегий, даются определения терминов, разработанные известным ученым в этом направлении Л. Венути. Согласно определениям, «доместикация является некой адаптацией иноязычного текста к культурным ценностям целевого языка, а форенизация, напротив, заключается в ярком выражении этих культурных достоинств для того, чтобы подчеркнуть лингвистические и национальные характеристики чужого текста». Особенности доместицированного текста являются простота восприятия и прозрачность содержания текста. Читатель может увидеть индивидуальность и цели автора, у реципиента создается впечатление, что он читает оригинал

а не перевод. При форенизации текст может оставаться непонятным для читателя, в нем появляются «темные места», поскольку стратегия перевода культурно окрашенных слов не передает смысл иностранного слова, и поэтому переведенный текст воспринимается получателем именно как перевод [Сафина, 2019, с. 543]. При доместикации как стратегии перевода частично передается смысловое содержание слова, но полностью теряется национальная окраска культурно-маркированной лексики. Форенизация, напротив, отражает стратегию, при которой переводчик старается не потерять оригинальные формы и функции лингвистических структур вместе с культурными ценностями в исходном языке для того, чтобы подчеркнуть «иностранность» исходного. Несомненно, при форенизации сохраняется национальная окраска слова, но смысл может быть непонятен реципиенту [Там же].

Фреймовые словарные статьи в словаре предваряются на русском и английском языках известным четверостишием Ф.И. Тютчева и цитатой М.В. Ломоносова, в которых отражены особая роль России и Сибири, уникальность, самобытность и противоречивость, уподобление Ноеву ковчегу, особый менталитет и безграничная вера:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:

У ней особенная стать –

В Россию можно только верить

Тютчев (1866)

Российское могущество прирастать будет
Сибирью...

Ломоносов (1763–1764)

The words written about the whole Russia by a famous Russian poet Fyodor Tyutchev (1803–1873) are true for Siberia as well: «Russia cannot be understood with the mind, / She cannot be measured by ordinary measure: / She has her own particular stance – / All you can do is believe in her».

A famous Russian scientist Mikhail Lomonosov (1711–1765) wrote about Siberia: «Russia's power will grow with Siberia...».

А также цитатой американского журналиста и писателя Йена Фрейзера из книги «Путешествия по Сибири» (2010) на английском и русском языках: «Officially, there is no such place as Siberia. No political or territorial entity has Siberia as its name. In atlases, the word “Siberia” hovers across the northern third of Asia unconnected to any place in particular, as if designating a zone or a condition. ...In this respect, Siberia and America are alike. Apart from their actual, physical selves, both exist as constructs, expressions of the mind». Опубликованный перевод цитаты из книги Й. Фрейзера: «Официально такого места, как Сибирь, не существует. Ни одно политическое или территориальное образование не имеет названия Сибирь. В атласах слово “Сибирь” парит над северной третью Азии, не связанное с каким-либо конкретным местом, как бы обозначая зону или состояние... В этом отношении (как и во многих других) Сибирь и Америка похожи. Помимо их реальной, физической сущности, обе существуют как конструкт, выражение ума».

В этих нескольких строчках становится понятным, что Сибирь – это не только физико-географическое место, но и метафора, фигура речи, философско-психологический и социальный конструкт (т.е. «целостная, отделяемая от других сущность реального мира, недоступная непосредственному наблюдению, но гипотетически выводимая и/или выстраиваемая логическим путем на основе наблюдаемых признаков» (Кордуэлл, 2000)).

Далее представлены фреймовые статьи с национально и регионально культурно-маркированной лексикой (Елина, Кузнецова, 2018, с. 130–146).

ЗНАКОМЬТЕСЬ С СИБИРЯКОМ

сибиряк (житель Сибири)

pl: сибиряки

сибирячка (жительница Сибири)

внешность сибиряков

иметь + *асс*

~ **характерную внешность**

походить на + *асс*

~ мать, отца, бабушку, дедушку

люди

высокие ~, крепкие ~,

~ с голубыми, серыми, карими глазами

характер сибиряков

иметь + *асс*

~ мужественный, сильный характер

смелые ~, свободолюбивые ~,

трудолюбивые ~, гостеприимные ~

Δ климат и географическое положение Сибири влияют на характер сибиряков

одежда

носить удобную простую одежду

~ валенки зимой

~ унты

~ шубу

~ дубленку

~ куртку

увлечения

спорт

охота

рыбная ловля зимой

a man who lives in Siberia

Siberians

a woman who lives in Siberia

appearance of Siberians

to have

distinctive appearance

to look like mother, father, grandmother, grandfather

people

tall ~, strong ~

~ with blue, gray, brown eyes

character of Siberians

to have

courageous, strong character

brave ~, independent ~

hardworking ~, hospitable ~

climate and geographical location of Siberia

influence the character of Siberians

clothes

to wear comfortable plain clothes

valenki, felt boots

high boots

fur coat

sheepskin

jacket~

hobbies

sport

hunting

winter fishing

Эти загадочные сибиряки

These mysterious Siberians

Принято считать, что каждый народ имеет **характерную внешность**. На кого похожи русские? Многие представляют русских по-своему. **Сибиряки** отличаются мужественным и сильным характером. Они высокие и крепкие люди, светловолосые с голубыми и серыми глазами. Конечно, в Красноярске вы можете повстречать и «типичных русских» и людей совсем другой внешности. Дело в том, что в Красноярском крае проживают представители ста национальностей: русские, украинцы, белорусы, узбеки, таджики и многие другие.

Какой характер у русских, проживающих в Сибири? Конечно, климат и географическое положение наложили отпечаток на характер сибиряков. Раньше в Сибирь ссылали политических заключенных. Люди здесь смелые, свободолюбивые и трудолюбивые. Сибиряки также славятся своим гостеприимством.

В РУССКОЙ БАНЕ

баня

парильня

сауна

массажные кабинеты

материальные объекты

каменка

купель

ковшик

мыло

шампунь

мочалка

махровое полотенце

веник для парной в русских банях

крапива

эвкалиптовое (пихтовое) масло

простыня

войлочная шапка

посетитель

платить (плачу, платишь, платит, платим, платите, платят) + асс

~ деньги

bath-house

sweating-room

sauna

massage rooms

bathhouse things

stove

a plunge (bath)tub, a plunge pool

scoop

soap

shampoo

sponge

Turkish towel

besom used in Russian baths

nettle

eucalyptus (fir-tree) oil

sheet

felt cap

visitor

to pay money

раздеваться (раздеваюсь, раздеваешься, раздевается, раздеваемся)	to take off clothes
мыться (моюсь, моешься, моется, моются, моетесь, моются) + <i>instr.</i> ~ с мылом	to wash body with soap
принимать (принимаю, принимаешь, принимает, принимаем...) + <i>acc</i> ~ душ	to take a shower
плавать (плаваю, плаваешь, плавает, плаваем, плаваете...) + <i>prep</i> ~ в бассейне	to swim in a swimming-pool
париться (парюсь, паришься, парится, паримся, паритесь, парятся)	to steam out/to sweat out
добавлять (добавляю, добавляешь, добавляет, добавляем...) + <i>acc</i> ~ пар	to make it hotter/ to add steam
лить (лью, льешь, льет, льем, льете, льют) + <i>acc</i> ~ воду на каменку	to pour water on the stove
купаться (купаюсь, купаешься, купается, купаемся...) + <i>prep</i> ~ в купели	to take a cold bath in a plung (bath) tub, a plunge pool
вытираться (вытираюсь, вытираешься, вытирается...) + <i>instr.</i> ~ полотенцем	to dry oneself with a towel
одеваться (одеваюсь, одеваешься, одевается, одеваемся, одиваетесь)	to put on clothes
массажист	masseur
делает массаж	to make massage
парильщик, банщик	sweating room attendant
парить (парю, паришь, парит, парим, парите, парят) + <i>acc</i>	to beat about the body

Лингвокультурологический комментарий

каменка – a hot stove

березовый веник – a bunch of birch twig

парить веником – to beat about the body with a heated besom to induce perspiration

купель – бочка с холодной водой – plunge (bath)tub, plunge pool

Siberians enjoy plunging into the barrel or jump on a pile of snow outside a bath-house.

В Сибири многие люди любят париться в бане. Зимой в Красноярске в субботу или в воскресенье сибиряки ходят в баню. В бане они парятся. Для этого они льют воду на очень горячую печь каменку. Потом добавляют в воду пихтовое или эвкалиптовое масло. Пар хорошо лечит, если человек заболел и простыл. Многие люди любят париться березовым веником. После парильни они плавают в бассейне или купаются в купели – в бочке с холодной водой.

РУССКОЕ ЗАСТОЛЬЕ

русское застолье

гость/гости

друзья

виновник торжества

родственники

сибиряк (житель Сибири)/сибиряки

повод (причина) для застолья

новоселье

справлять новоселье

праздник

праздник отмечать

действия

приглашать друзей к себе домой

встречаться за семейным столом

садиться (сажусь, садишься)/сесть
(past: села) за стол

предлагать/предложить *что?* вкусную еду,
закуски, вино, шампанское, коньяк, водку
наедаться/наестся (наемся, наешься,
наестся, наедемся)

напиваться/напиться (напьюсь, напьешься...
напьемся)

поздравлять/поздравить с праздником

говорить/сказать тост «за встречу», «за дружбу»,
«за любовь», «за хорошую хозяйку», «за
хозяев дома», «за дорогих гостей»
рассказывать историю, шутку (анекдот)
петь застольные песни

читать стихи

слушать музыку

танцевать

особенности празднования

радушие

хлебосольство

кулинарное искусство в приготовлении блюд
целый ряд особенностей для данного круга
людей (национальные традиции и др.)

пища, еда, кухня (gen.pl.: пищи, еды, кухни)

закуска (gen.pl.: закусок)

салат из свежих овощей

table talk

guests

friends

hero of the occasion

relatives

Siberians

reason for the table talk

house-warming

to give a house-warming party

holiday(s)

to celebrate holidays

activities

to invite friends to one's house

to get together at the table

sit at the table

to treat guests with delicious food
and drinks

to eat one's fill

to drink one's fill, to get drunk

to congratulate somebody on
the holiday

to propose a toast for 'get-together',
'friendship', 'love', 'a great hostess',
'great hosts', 'great guests'

to tell smb. stories, jokes

to sing a traditional Russian

table songs

to recite poems

to listen to music

to dance

special characteristics of celebrating
cordiality

hospitality

culinary art in cooking various dishes

a number of distinctive features related
to the people (national customs etc.)

food, meal, cuisine

snack, starter

fresh vegetable salad

винегрет	Russian salad (chopped beetroot and other vegetables, dressed with oil and vinegar)
оливье	Russian salad, Stolichny salad (ham or sausage, vegetables, dill pickles, eggs, mayonnaise)
селедка с луком (сельдь f.)	herring with onions (herring)
икра (икры) красная ~, черная ~, бутерброд с икрой	caviar(e) (black, red, sandwich with caviar)
красная рыба	redfish (salmon)
селедка	herring
соленые огурцы	salted cucumbers
маринованные грибы	pickled mushrooms
цыплята табака	chicken-tabaka (chicken flattened and grilled on charcoal)
плов	pilaf
пельмени	pelmeni (Russian dumplings with meat filling)
Блины	pancakes, crêpes
голубцы	cabbage meat rolls
мороженое	ice-cream
пирожное	a cake
напитки (напитков)	drink, beverage
ассортимент напитков	selection of drinks
прохладительные ~	cold drinks
чай с лимоном	tea with lemon (Russian tea)
кофе (m. indec.) ~ с молоком	coffee with milk
черный ~	black
алкогольные (спиртные напитки)	alcoholic drinks
столовое вино (pl: вина)	table wine
красное вино	red wine
шампанское	champagne
водка	vodka
коньяк (коньяка)	cognac, brandy
херес	sherry
Δ Добро пожаловать!	You are welcome!
Это вкусно?	Is it delicious?
Не хотите ли немного?..	Would you like some ...?
Какое вино ты любишь?	What wine do you like?
Ты не против?	Do you mind?
Какие национальные блюда вы готовите?	What national dishes do you cook?
Какие сибирские блюда вы готовите?	What Siberian dishes do you cook?

Русское застолье

Русское застолье – это общение друзей и родственников за столом. Сибиряки тоже любят приглашать друзей к себе домой, а не в рестораны. У себя дома за семейным столом нам легче проявлять свое радушие, хлебосольство и госте-

приимство. Какой бы кухней не славились эти рестораны, мы убеждены, что хозяйка приготовит лучше. Русское застолье имеет целый ряд особенностей. Гости садятся за накрытый стол. Место во главе стола обычно занимает виновник торжества, если это день рождения, или хозяин дома. Вы будете удивлены разнообразием блюд: черная и красная икра, салаты винегрет и оливье – русские салаты, носящие французское название, мясное ассорти и паштеты, красная рыба, селедка, квашеная капуста, соленые огурцы и маринованные грибы собственного приготовления.

Δ Русское застолье имеет целый ряд особенностей: хлебосольство и радушие. Место во главе стола обычно занимает виновник торжества, если это день рождения, или хозяин дома. Первые тосты обычно предлагают «за встречу», «за дружбу», а третий тост – «за любовь». Любой хозяйке хочется узнать, как понравилось гостям ее кулинарное искусство. Поэтому предлагают тост «за хорошую хозяйку» или «за хозяев дома» и в ответ – «за дорогих гостей». Затем хозяйка подает «горячее». Это могут быть утка с яблоками, цыплята табака, плов, котлеты, пельмени, блины или голубцы. Затем накроют стол уже для чая с пирожными и тортами. Во многих русских домах вы еще услышите застольные песни, как правило, хором, иногда под гитару. Кухня во многих русских домах – это место традиционного вечернего чаепития, своего рода – семейный клуб, где обсуждают житейские проблемы.

НОВЫЙ ГОД

гость/гости

друзья

родственники

сибиряк (житель Сибири)/сибиряки

покупать/купить елку в магазине,
на елочном базаре

приносить/принести елку домой

устанавливать/установить елку

наряжать/нарядить елку

вешать на елку разноцветные электрические
лампочки, стеклянные шары и игрушки

включать/включить елочные огни

веселиться

нарядиться Дедом Морозом

приглашать друзей к себе домой

guests

friends

relatives

Siberians

to buy a fir-tree at the shop or New
Year tree market

to bring a fir-tree home

to put up a fir-tree / New Year tree

to decorate a fir-tree

to put colored lights, glass baubles and
toys on the fir-tree

to turn on the lights

to merry-making

to dress like Santa

to invite friends to one's house

встречаться за семейным столом накануне
Нового года
особенности празднования
обряд (традиция празднования) в семье
раздается «ура!» накануне Нового года
детский утренник
Дед Мороз
Снегурочка
пахнет свежестью
колючая ветка
натуральные
синтетические
Вы всегда отмечаете Новый год с семьей?

Вы наряжаете елку?
Какие новогодние традиции ты любишь?
Какое шампанское вы пьете?
Какие блюда вы готовите?
Вы надеваете костюм Деда Мороза или
Снегурочки?

to get together at the table on the
Eve of New year
special characteristics of celebrating
ritual (tradition of celebration) in a family
a 'hurrah' is heard on the Eve of New year
morning performance for children
Grandfather Frost, Santa Claus, Father Christmas
Snow Maiden
smells fresh
prickly branch
real fir tree
synthetic fir tree
Do you always celebrate New Year
Eve with a family?
Do you decorate a New Year tree?
What New Year traditions do you like?
What Champaign do you drink?
What dishes do you cook?
Do you put on Father Frost
or Snow Maiden getup?

Δ В России все обряды и традиции, которые в других странах связаны с рождеством, у нас носят новогодний характер. Праздничная елка называется у нас не рождественской, а новогодней. Во многих квартирах ставят зеленые елки, натуральные или синтетические. Сибирь знаменита своей тайгой. Здесь много сосен, елей и других деревьев, поэтому люди предпочитают настоящую елку. Она пахнет снегом и свежестью. Новый год – еще и детский праздник. Первые две недели января у школьников зимние каникулы. Для них организуются детские утренники с профессиональными Дедом Морозом и Снегурочкой, которые дарят детям новогодние подарки. В полночь 31 декабря раздается дружное «Ура!» и все пьют шампанское. За столом у новогодней елки собираются только домашние и близкие друзья. Молодые люди любят отмечать праздник в ресторане, клубе или на новогоднем балу.

На основе анализа фреймовых словарных статей были отобраны следующие лексемы, отражающие знания о культурных реалиях страны и Сибири: сибиряк, сибирячка, сибиряки, валенки, унты, шуба, рыбная ловля зимой, баня, парильня, каменка, купель, ковшик, мочалка, махровое полотенце, веник для парной в русских банях, крапива, войлочная шапка, париться, парильщик, банщик, купаться в купели, русское застолье, виновник торжества, новоселье, радушие, хлебосольство, винегрет, оливье, селедка под шубой, бутерброд с икрой, красная рыба, соленые огурцы, цыплята табака, плов, пельмени, блины, голубцы, елочный базар, бой курантов, детский утренник, Дед Мороз, Снегурочка. Отобранные лексемы, считаем, представляют интерес для анализа переводческих решений и стратегий на том основании, что при их переводе на английский язык могут быть задействованы отдельные переводческие решения, включающие как приемы реноминации, так и стратегии доместикации, форенизации и их гибридные комбинации.

Представим анализ, предпринятый авторами данной статьи, некоторых примеров перевода национально и регионально культурно-маркированной лексики на английский язык из фреймовых словарных статей с учетом рассмотренных стратегий.

1. **Лексема:** сибиряк, сибирячка.

Перевод: a person from Siberia, a man who lives in Siberia, a woman who lives in Siberia, a Siberian, a native/indigenous Siberian, Siberian Russian.

Переводческий комментарий (анализ переводческого решения или стратегии) (наш): а) оптимальное переводческое решение для фреймовой статьи – реноминация за счет краткой или развернутой экспликации: сибиряк/чка – ‘a person from Siberia’ – и с уточнением гендерной принадлежности – ‘a man who lives in Siberia’ и сибирячка – ‘a woman who lives in Siberia’; б) при доместикации, приближении перевода к культуре страны с целью передачи факта географического происхождения человека возможен перевод с использованием стандартного демонима – ‘a Siberian’, что звучит лаконично, понятно для англофона, однако стирает стереотип о «сибиряке» как о выносливом, суровом, прямолинейном человеке, поскольку житель Сибири – это еще не обязательно сибиряк в полном смысле этого слова. Другие варианты перевода обусловлены контекстом: ‘a native/indigenous Siberian’ подчеркивает, что человек – представитель коренного народа Сибири (якут, бурят и т.д.), ‘Siberian Russian’ – для отличия этнических русских, живущих в Сибири, от представителей коренных народов.

2. **Лексема:** валенки.

Перевод: felt boots, traditional Russian felt boots, valenki.

Переводческий комментарий (анализ переводческого решения или стратегии) (наш): а) общая стратегия при переводе – реноминация, включающая в себя как транскрипцию, так и описательный перевод для обозначения предмета, которого в английской культуре нет; б) доместикация, подразумевающая адаптацию переводимого слова под культуру языка перевода, делает его понятным типом обуви для человека, который никогда не слышал про русские валенки: ‘felt’ – войлок, ‘boots’ – ботинки; в) форенизация valenki сохраняет «чужой» колорит предмета, его аутентичность, перенеся при этом русское слово в английский текст, подчеркивая уникальный культурный феномен иной культуры. Оптимальное здесь решение – гибридная стратегия: при первом упоминании переводится как ‘traditional Russian felt boots’, а для колорита – valenki.

3. **Лексема:** бой курантов.

Перевод: the chime of the Kremlin clock, the striking of the Kremlin clock, the Kremlin chimes, the chime of Kuranty.

Переводческий комментарий (анализ переводческого решения или стратегии) (наш): а) общая стратегия – реноминация через краткую экспликацию либо посредством доместикации, либо форенизации; б) при доместикации используются общие и понятные для англофона слова: ‘striking и clock’, сочетание будет переводиться как ‘the striking of the clock’, что теряет уникальность этого явления,

так как это не простые часы, а главные часы на Спасской башне Кремля; в) при форенизации выражение ‘the chime of Kuranty’ сохраняет русское название «Куранты», которое для большинства иностранцев будет абсолютно непонятным без дополнительного описания или контекста, а в выражении ‘Kremlin clock/chimes’ слово ‘Kremlin’ – фонеризирующий элемент, указывающий на уникальный объект для России. Оптимальный вариант перевода, на наш взгляд, ‘the chime/ the striking of the Kremlin clock’ с применением адаптивной реноминации с элементами форенизации посредством узнаваемого культурного маркера.

4. **Лексема:** купель.

Перевод: a plunge (bath)tub, a plunge pool.

Переводческий комментарий (анализ переводческого решения или стратегии) (наш): а) общая переводческая стратегия связана с реноминацией посредством краткой экспликации, поскольку в англоязычных странах в контексте бани не используется религиозный термин «купель», поэтому при переводе мы не можем использовать реноминативную форму ‘(baptismal) font’, зафиксированную словарями как прямое и культурное соответствие с христианской традицией англоязычных стран, в которых существует специальный термин для обозначения чаши в обряде крещения; б) доместикация представлена в переводе двумя вариантами описательного перевода через понятия ‘(bath)tub’ (ванна) и ‘pool’ (бассейн), значения которых сужаются посредством препозитивного определения ‘plunge’ (погружение, ныряние). Оптимальным переводом для фреймовой словарной статьи остается доместицированный перевод купели как ‘plunge (bath)tub, plunge pool’.

5. **Лексема:** Снегурочка.

Перевод: Snow Maiden, Snow Fairy, Daughter of Forest, Ice Maiden Snegurochka.

Переводческий комментарий (анализ переводческого решения или стратегии) (наш): а) при доместикации по причине отсутствия такого культурно-специфического понятия, как «Снегурочка», в англоязычной культуре, возможны переводы ‘Snow Fairy’, ‘Daughter of Forest’, ‘Ice Maiden’, поскольку происходит поиск таких ближайших лингвокультурем, ассоциируемых с природными стихиями по аналогии со Снегурочкой, как ‘Fairy’/«фея», ‘Spirit’/«дух», ‘Nymph’/«нимфа», которые узнаваемы англофонами, но при этом искажается оригинальный образ. Снегурочка – не фея, как понимается в западной культуре, а яркий персонаж славянского фольклора, внучка Деда Мороза. Однако допускается доместикация в таком предложении, как ‘She is like a Snow Fairy who helps Russian Santa Claus’ с целью заимствования знакомых понятий для объяснения чужих; б) при форенизации сохраняется оригинальное название с целью сохранения «чуждости» оригинала за счет транслитерации ‘Snegurochka’ с пояснением при первом упоминании в тексте, что точно передаст образ и культурную особенность, но есть риск, что без контекста не будет понято. Для перевода во фреймовой словарной статье, считаем, золотым стандартом является перевод калькированием ‘Snow Maiden’. Поскольку в старославянском и поэтическом русском языке для обозначения молодой девушки часто используются

суффиксы -ур и -иц, ласкательно-уменьшительный суффикс -очк, придающий значение нежности и маленького размера, при переводе получаем цепочку: Snow (снег) – Снег → Maiden (дева) – ур-очк-а → Снег+ урочка = Снегурочка.

6. **Лексема:** винегрет.

Перевод: Russian salad (chopped beet(root) or red beet and other vegetables, dressed with oil and vinegar), Russian beet salad, Russian vinaigrette (beet salad), Russian potato and beet salad, vinaigrette, vinegret.

Переводческий комментарий (анализ переводческого решения или стратегии) (наш): а) при стратегии доместикации, цель которой – приблизить понятие к культуре языка перевода и найти близкий по значению аналог, вариантами перевода могут быть ‘Russian beet salad’, ‘Russian potato and beet salad’, то есть салат из свеклы и картошки, однако при таком переводческом решении теряются самобытность названия и ингредиенты, такие как соленые огурцы, квашеная капуста, морковь и зеленый горошек, которые не входят в состав большинства западных ‘beet salads’; б) для сохранения колорита салата может быть применена форенизация – перенос слова «винегрет» в его оригинальной форме через однокоренную английскую лексему ‘vinaigrette’. Однако в английском языке ‘vinaigrette’ означает ‘заправку для салата на основе масла и уксуса, салат, заправленный такой заправкой’, что вызывает конфликт понятий. Вариантом является перевод стратегией форенизации с уточненным описанием русского блюда: ‘Russian vinaigrette’, ‘Vinaigrette salad’. Оптимальным вариантом перевода, на наш взгляд, является гибридная стратегия для различных целей перевода: ‘Russian vinaigrette (beetroot salad)’ с элементами доместикации (Russian, beetroot salad), форенизации (vinaigrette), часто в ресторанном дискурсе (Vinaigrette (Russian Beet Salad)), сохраняя экзотическое название и объясняя его. Во фреймовой словарной статье используется перевод: Russian salad (chopped beetroot and other vegetables, dressed with oil and vinegar). Перевод транскрипцией русского слова ‘vinegret’ не будет считаться корректным, так как исторически это слово означает в английском языке ‘холодное кушанье из мелко нарезанных овощей, мяса или рыбы, яиц с острым соусом’.

7. **Лексема:** блины.

Перевод: pancakes, crêpes, blini.

Переводческий комментарий (анализ переводческого решения или стратегии) (наш): а) классическое переводческое решение – доместикация через существующие аналоги ‘pancake’ и ‘crêpe’, которые вызывают у носителя английского языка понятный образ плоской, круглой выпечки на сковороде. Первый вариант представляет собой толстый вариант блина, подаваемый с топplingом, а второй – тонкий блин, в который можно завернуть начинку. Вторым вариантом (crêpe) ближе к образу нашего русского блина, тонкого и полупрозрачного, с разными начинками; б) форенизированный перевод ‘blini’ возможен при акцентировании именно русской специфики ингредиентного состава (использование дрожжей, гречневой муки).

8. Лексема: пельмени.

Перевод: dumplings, pelmeni, pelmeni (Russian dumplings with meat filling).

Переводческий комментарий (анализ переводческого решения или стратегии) (наш): а) стратегия доместикации делает выбор в пользу понятного варианта ‘dumplings’, который передает общую идею блюда, так как ‘dumpling’ в английском языке подразумевает кусочки теста, в которое заворачивают начинку для равиоли и т.д., но стирает его культурную уникальность; б) сбалансировать перевод можно с помощью форенизации ‘pelmeni’, прямым заимствованием, при этом сохраняя «русскость» блюда: это не просто ‘dumplings’, а специфическое блюдо, отражающее культуру и имеющее собственное название, поэтому активно используется в меню ресторанов, кулинарных блогах и текстах, где ценится аутентичность. Оптимальным переводом для фреймовой статьи является гибридная стратегия форенизации ‘pelmeni’ с последующей доместикацией через экспликацию начинки (начинка мясная, а не овощная) в скобках (Russian dumplings with meat filling).

9. Лексема: застольные песни.

Перевод: a traditional Russian table song, a song for festive gatherings, a convivial song, a Russian feast song, a toast song, drinking songs, zastolnaya pesnya.

Переводческий комментарий (анализ переводческого решения или стратегии) (наш): а) поскольку нет прямого лексического соответствия застольным песням, которые поют за столом во время застолья, в целевом языке и английской культуре, часто встречается вариант перевода с помощью доместикации ‘drinking songs’, который будет понятен представителям английской и ирландской культуры с их богатой традицией исполнения песен компанией за выпивкой в пабах, что не полностью передает «русский дух» «застольных песен», которые могут быть и лирическими, и патриотическими; доместикация ‘a toast song’ – менее распространенный вариант перевода с акцентом на том, что песня исполняется во время тостов, в кругу гостей, что не является распространенной практикой, так как не все застольные песни соотносятся с тостами, многие исполняются для создания атмосферы; б) форенизация применима в целях сохранения исконной «русскости» термина, перенося его в английский язык в неизменном или измененном виде с помощью переводческой транскрипции ‘zastolnaya pesnya’, часто с пояснением в скобках через прием калькирования (a Russian table song), подчеркивая, что это особый культурный феномен, который в целевом языке не имеет эквивалента. На наш взгляд, лучшим переводческим решением для фреймовой статьи была бы реноминация путем экспликации, т.е. создание нового описательного сочетания, передающего точно суть явления песенного застолья, например: ‘a traditional Russian table song’ – «традиционная русская застольная песня», ‘a song for festive gatherings’ – «песня для праздничных собраний», ‘a convivial song’ – «общительная, застольная песня» (от convivial – относящийся к веселому пиршеству), ‘a Russian feast song’ – «русская пиршественная песня».

Заключение. В ходе проведенного исследования были рассмотрены основополагающие методологические конструкты для данного исследования, такие как фрейм, учебный фреймовый словарь, фреймовая статья. Конструирование фреймовых статей осуществлялось на основе объективации лексикализированного фрейма, что позволило в удобной форме для пользователей словаря представить и методом сплошной выборки отобрать национально и регионально культурно-маркированную лексику (реалии/лингвокультураны) в словарь. Лексикализированные фреймы в словаре сопровождаются их переводом на английский язык, что является одним из самых важных аспектов в создании словарей, так как перед разработчиками встает задача донести до пользователей словаря истинные смыслы культуры изучаемого языка. Переводческие решения при анализе перевода специфики девяти культурно-маркированных лексем, выбранные авторами данной статьи, имели под собой лингвокогнитивные основания, поскольку учитывали как когнитивный, так и лингвокультурный аспект лексем, что нашло в полной мере отражение в выборе приемов реноминации и таких стратегий, как доместикация и форенизация. Отметим, что подобная тактика и стратегия исследования: создание фреймовых статей, отбор культурно-маркированной лексики в них, переводческий анализ и рекомендации по выбору варианта перевода лексем для фреймовой статьи – были задействованы впервые, что определяет вклад авторов в исследование.

Список источников и словарей

1. Акишина А.А., Каган О.Е. Учимся учить: для преподавателя русского языка как иностранного. М., 2002. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2004. 224 с.
2. Анциферова О.В. Восток – Запад: учебные материалы по развитию речи. СПб.: Политехника, 2004.
3. Берков В.П., Беркова А.В., Беркова О.В. Как мы живем: пособие по страноведению для изучающих русский язык. 2-е изд. СПб.: Златоуст, 2003. 116 с.
4. Белянко О.Е., Трушина Л.Б. Русские с первого взгляда. Что принято и не принято у русских? Книга для чтения и тренировки в коммуникации. М.: Русский язык, 2003. 80 с.
5. Бочарова Н.А., Лысакова И.П., Розова О.Г. Азбука для тех, кто изучает русский как неродной: учебное пособие. СПб., 2008. 48 с.
6. Елина Е.Н., Кузнецова Л.И. Русско-китайский фреймовый словарь. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. 294 с.
7. Кордуэлл М. Психология. А – Я: словарь-справочник / пер. с англ. К.С. Ткаченко. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000.
8. Лингводидактическая программа по РКИ: Элементарный уровень (А1). Базовый уровень (А2). Первый сертификационный уровень (Б1): учебное пособие / З.Е. Есина и др. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РУДН, 2017. 186 с.

9. Лексическая основа русского языка: Комплексный учебный словарь / В.В. Морковкин, Н.О. Беме, И.А. Дорогонова и др. / под ред. В.В. Морковкина. М.: Рус. яз., 2004. 1168 с.
10. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. Общее владение / Н.П. Андриюшина, Т.В. Козлова. М.; СПб.: ЦМО МГУ, Златоуст, 2006.
11. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение / Н.П. Андриюшина, Г.А. Битехтина, Л.П. Клобукова, Л.Н. Норейко, И.В. Одинцова. М.; СПб.: ЦМО МГУ, Златоуст, 2008.
12. Саяхова Л.Г., Хасанова Д.М., Морковкин В.В. Тематический словарь русского языка / под ред. В.В. Морковкина. М.: Рус. яз., 2000. 560с.
13. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>
14. Oxford Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>
15. New Collegiate Dictionary. URL: <https://mwc.en-academic.com/>

Библиографический список

1. Буренкова С.В. Соотношение ментальных структур в процессе производства речевого высказывания и в лексикографической практике: попытка дифференциации понятий // Известия ВГПУ. 2018. № 9 (132). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-mentalnyh-struktur-v-protssesse-proizvodstva-rechevogo-vyskazyvaniya-i-v-leksikograficheskoy-praktike-popytka> (дата обращения: 11.10.2025).
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвистическая проблематика страноведения в преподавании русского языка иностранцам. Доклад на международном симпозиуме «Страноведение и преподавание русского языка как иностранного» (Ленинград, 22–26 июня 1971 г.). М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1971.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Рус. Яз., 1990. 246 с.
4. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / под ред. и с послесл. акад. Ю.С. Степанова. М.: Индрик, 2005. 1040 с.
5. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 341 с.
6. Воробьев В.В. Лингвокультурология: (Теория и методы). М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997.
7. Гусельникова О.В. Возможности фреймового анализа // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 5 (17). С. 29–32.
8. Дейк Т.А. ван Язык. Познание. Коммуникация: сб. ст. М.: Прогресс, 1989. 310 с.

9. Дергунова Л.Е. Основные лингвокультурологические аспекты перевода // Современное профессиональное образование: опыт, проблемы, перспективы: материалы VIII Международной научно-практической конференции: в 2 ч., Ростов-на-Дону, 22 марта 2021 г. Ростов-на-Дону: Южный университет (ИУБиП), Изд-во ВВМ, 2021. Ч. 2. С. 34–38.
10. Елина Е.Н., Бабак Т.П. Лексикографическая презентация лингвокультуры во фреймовом учебном словаре // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 5 (102). С. 93–95.
11. Катермина В.В. Лингвокультурный потенциал лексикографии как науки // Лексикография в начале XXI в. София (Болгария): Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2016. С. 192–198. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/228904007>
12. Кретов А.А., Фененко Н.А. Реноминация как проблема переводоведения // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 2. С. 154–157.
13. Минский М. Структура для представления знаний // Психология машинного зрения. М.: Мир, 1978. С. 249–338.
14. Сафина З.М. Стратегии перевода культурно-маркированной лексики // Доклады Башкирского университета. 2019. Т. 4, № 5. С. 542–547.
15. Фененко Н.А. К проблеме лингвистической типологии реалий // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 4. С. 10–15.
16. Фененко Н.А. Реалии-диалектизмы и особенности их реноминации в переводе // Романские языки: прагматика и дискурс (способы выражения и содержание): материалы Международной научной конференции, Москва, 28–29 июня 2022 года. М., 2022. С. 71–77.
17. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. № 23. С. 52–92.

Сведения об авторах

Елина Елена Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английской филологии, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: elena-elina2008@yandex.ru

Софронова Татьяна Марковна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: tmsofronova@gmail.com

LINGUOCOGNITIVE FOUNDATIONS FOR ANALYSIS OF TRANSLATION TECHNIQUES APPLIED TO NATIONAL AND REGIONAL CULTURE-SPECIFIC VOCABULARY IN THE FRAME DICTIONARY

E.N. Elina (Krasnoyarsk, Russia)

T.M. Sofronova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The search for an effective format for presenting knowledge about the linguistic culture of the studied language, and translation techniques for their translation into the target language on linguocognitive grounds prove the relevance of the research.

The purpose of this study is to reveal the issues of interlanguage translation of national and regional culture-specific vocabulary in the frame dictionary entries of a new genre of learner's frame dictionary for Anglophones, and to present analysis of their translation into English.

A review of the scientific literature revealed extensive literature on frames, linguoculturemes, and translation strategies, while there are no comprehensive studies providing an extensive translation analysis of all possible translation strategies that could be applied to the translation of culture-specific vocabulary. In this regard, this study fills in the gaps in the scientific literature.

The methodological basis of the research is based on the following scientific areas: linguocognitive, linguocultural and translation studies.

The research results are revealed through the presentation of the frame dictionary entries, including national and regional culture-specific vocabulary and analysis of its translation.

Conclusions. Structuring vocabulary in the form of frames in the frame dictionary entries creates a user-friendly interface for presenting vocabulary, and the selected translation strategies and techniques help preserve the national and regional flavor of lexemes.

Keywords: *translation, national and regional culture-specific vocabulary, frames, learner's frame dictionary, learner's frame dictionary entry.*

List of Sources and Dictionaries

1. Akishina, A.A., & Kagan, O.E. (2004). *Uchimsya uchit: dlya prepodavatatelya russkogo yazyka kak inostrannogo* [Learning to teach: For teachers of Russian as a foreign language]. Moscow, Russia.
2. Antsiferova, O.V. (2004). *Vostok-Zapad: uchebnye materialy po razvitiyu rechi* [East-West: Teaching materials for speech development]. Saint Petersburg, Russia.
3. Berkhov, V.P., Berkova, A.V., & Berkova, O.V. (2003). *Kak my zhivem. Posobie po strannovedeniyu dlya izuchayushchikh russkiy yazyk* [How we live. A guide to cultural studies for Russian learners]. Saint Petersburg, Russia.
4. Belyanko, O.E., & Trushina, L.B. (2003). *Russkiye s pervogo vzglyada. Chto prinyato i ne prinyato u russkikh?* [Russians at first glance. What is accepted and not accepted among Russians?]. Moscow, Russia.
5. Bocharova, N.A., Lysakova, I.P., & Rozova, O.G. (2008). *Azbuka dlya tek, kto izuchayet russkiy kak nerodnoy* [Alphabet for those learning Russian as a non-native language]. Saint Petersburg, Russia.

6. Elina, E.N., & Kuznetsova, L.I. (2018). *Russko-kitayskiy freymovyy slovar* [Russian-Chinese frame dictionary]. Krasnoyarsk, Russia.
7. Cordwell, M. (2000). *Psikhologiya. A – Ya: Slovar-spravochnik* [Psychology from A to Z: A dictionary and reference]. Translated by K.S. Tkachenko. Moscow, Russia.
8. Esina, Z.E., et al. (2017). *Lingvodidakticheskaya programma po RKI: Elementarnyy urovn (A1). Bazovyy urovn (A2). Pervyy sertifikatsionnyy urovn (B1): uchebnoe posobie* [Linguodidactic program for RCL: Elementary (A1), Basic (A2), First certification (B1): Textbook] (2nd ed., revised and supplemented). Moscow, Russia.
9. Morkovkin, V.V., Beme, N.O., & Dorogonova, I.A. (2004). *Lekseicheskaya osnova russkogo yazyka: Kompleksnyy uchebnyy slovar* [Lexical basis of the Russian language: Comprehensive учебник]. Moscow, Russia.
10. Andryushina, N.P., & Kozlova, T.V. (2006). *Lekseicheskiy minimum po russkomu yazyku kak inostrannomu. Bazovyy uroven. Obshchee vladeniye* [Lexical minimum for Russian as a foreign language. Basic level. General proficiency]. Moscow, Saint Petersburg, Russia.
11. Andryushina, N.P., Bitekhtina, G.A., Klobukova, L.P., Noreyko, L.N., & Odintsova, I.V. (2008). *Lekseicheskiy minimum po russkomu yazyku kak inostrannomu. Pervyy sertifikatsionnyy uroven. Obshchee vladeniye* [Lexical minimum for Russian as a foreign language. First certification level. General proficiency]. Moscow, Saint Petersburg, Russia.
12. Sayakhova, L.G., & Khasanova, D.M. (2000). *Tematicheskyy slovar russkogo yazyka* [Thematic dictionary of the Russian language]. Edited by V.V. Morkovkin. Moscow, Russia.
13. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>
14. Oxford Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>
15. New Collegiate Dictionary. URL: <https://mwc.en-academic.com/>

References

1. Burenkova, S.V. (2018). The correlation of mental structures in the process of speech production and in lexicographic practice: An attempt at differentiation of concepts. *Izvestiya VGU*, (9), 132. <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-mentalnyh-struktur-v-protsesse-proizvodstva-rechevogo-vyskazyvaniya-i-v-leksikograficheskoy-praktike-popytka>
2. Vereshchagin, E.M., & Kostomarov, V.G. (1971). *Lingvisticheskaya problematika stranovedeniya v prepodavanii russkogo yazyka inostrantsam* [Linguistic issues of cultural studies in teaching Russian to foreigners]. Moscow, Russia.
3. Vereshchagin, E.M., & Kostomarov, V.G. (1990). *Yazyk i kultura: Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Language and culture: Linguocultural studies in teaching Russian as a foreign language]. Moscow, Russia.
4. Vereshchagin, E.M., & Kostomarov, V.G. (2005). *Yazyk i kultura. Tri lingvostranovedcheskie kontseptsii* [Language and culture. Three linguocultural concepts]. Moscow, Russia.

5. Vlahov, S.I., & Florin, S.P. (1980). *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in translation]. Moscow, Russia.
6. Vorobyev, V.V. (1997). *Lingvokulturologiya: (Teoriya i metody)* [Linguoculturology: Theory and methods]. Moscow, Russia.
7. Guselnikova, O.V. (2009). Possibilities of frame analysis. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, (5), 29–32.
8. Dijk, T.A. Van (1989). *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Moscow, Russia.
9. Dergunova, L.E. (2021). Main linguocultural aspects of translation. In *Sovremennoe professionalnoe obrazovanie: opyt, problemy, perspektivy* (pp. 34–38). Rostov-na-Donu, Russia.
10. Elina, E.N., & Babak, T.P. (2023). Lexicographic presentation of linguaculture in a learner's frame dictionary. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, (5), 93–95.
11. Katermina, V.V. (2016). Linguocultural potential of lexicography as a science. In *Leksikografiyata v nachaloto na XXI v.* (pp. 192–198). Sofia, Bulgaria. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/228904007>
12. Kretoy, A.A., & Fenenko, N.A. (2011). Renomination as a translation problem. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, (2), 154–157.
13. Minskij, M. (1978). Structure for knowledge representation. In *Psikhologiya mashinnogo zreniya* [Psychology of machine vision] (pp. 249–338). Moscow, Russia.
14. Safina, Z.M. (2019). Strategies for translating culture-specific vocabulary. *Doklady Bashkirskogo universiteta*, 4 (5), 542–547.
15. Fenenko, N.A. (2017). On the problem of linguistic typology of realities. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*, (4), 10–15.
16. Fenenko, N.A. (2022, June 28–29). Realities-dialects and features of renaming in translation. *Romanskije yazyki: pragmatika i diskurs (sposoby vyrazheniya i sodержanie)* (pp. 71–77). International Scientific Conference. Moscow, Russia.
17. Fillmore, C. (1988). Frames and semantics of understanding. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*, (23), 52–92.

About the authors

Elina, Elena N. – PhD (Pedagogy), Associate Professor, Department of English Philology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: elena-elina2008@yandex.ru

Sofronova, Tatiana M. – PhD (Philology), Associate Professor, Department of English Philology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: tmsofronova@gmail.com

УДК 82-31

АНТРОПОНИМЫ В РОМАНЕ И.В. ОДОЕВЦЕВОЙ «АНГЕЛ СМЕРТИ»

А.В. Александрова (Москва, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Статья посвящена анализу антропонимов романа И.В. Одоевцевой «Ангел смерти». Художественная проза данного автора мало изучена. Актуальность исследования определяется общей потребностью в изучении антропонимов как составных частей концептосферы произведения, которая определяет его идейно-эстетическую структуру и отражает авторскую картину мира, необходимую для глубинного понимания произведения.

Методология. Метод, используемый в настоящей работе, – герменевтический, позволяющий интерпретировать имена в качестве отдельных фрагментов (элементарных единиц) произведения. Герменевтический метод дает возможность анализировать текст с разных сторон, рассматривая его с лингвистической, исторической и психологической точек зрения.

Цель работы – комплексное исследование антропонимов романа И.В. Одоевцевой «Ангел смерти».

Обзор научной литературы по проблеме. Были изучены научные работы, посвященные изучению прозы И.В. Одоевцевой, и труды по литературной ономастике.

Результаты исследования. Автор убедительно доказывает, что имена напрямую отражают внутреннюю сущность героев-носителей и содержат глубинно-обобщающее начало характеристики персонажей.

Выводы. Героев романа можно рассматривать в качестве символов и говорить о чертах притчевости в данном произведении. Обнаружение элементов притчи является новым взглядом на художественную прозу И.В. Одоевцевой.

Ключевые слова: Одоевцева, ангел смерти, говорящие имена, Люка, Азраил, антропоним, символ, притча, эмигрантская литература, русский роман.

Постановка проблемы. Проза И.В. Одоевцевой на сегодняшний день изучена достаточно поверхностно. Широкий обзор творчества И.В. Одоевцевой дает М.О. Рубинс [Рубинс, 2011], здесь мы встречаемся скорее с беглым взглядом на творчество в целом, чем с детальным изучением отдельных произведений.

Обзор научной литературы. Под пристальным вниманием ученых оказались мемуары И.В. Одоевцевой «На берегах Невы» и «На берегах Сены» – это работы О.Р. Демидовой [2008], К.А. Жульковой [2022], А.А. Кузнецовой¹ [2005], В.А. Сонькина [2020], Г.В. Якушевой [2012] и др. Из них особенно хотелось бы

¹ Кузнецова А.А. Идейное и художественное своеобразие мемуарной прозы второстепенных писателей русской литературной эмиграции: Н. Берберова, И. Одоевцева, В. Яновский: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2005. 18 с.

выделить диссертацию А.А. Кузнецовой [Кузнецова, 2005], где подробно рассматривается творческий метод И.В. Одоевцевой и сравнивается с приемами других мемуаристов. В некоторых научных статьях анализируются рассказы [Петухова, 2020; Цепенникова, 2014]. Некоторые работы направлены на исследование романов. Например, статья Ю.В. Елькиной «Кино как тема и конструктивный принцип поэтики в творчестве И. Одоевцевой: роман “Зеркало”» [Елькина, 2020].

Из прижизненной критики можно привести высказывание Георгия Адамовича. Отзываясь о романе «Ангел смерти», он говорил, что «ни в каком случае нельзя назвать роман Одоевцевой романом бытовым или психологическим» [Адамович, 2011, с. 632], однако жанровое определение так и не сформулировал. Далее он продолжает, говоря о Люке: «Такие лукаво-беспечные, наивно-жестокое, невинно-порочные подростки еще не знакомы нашей литературе... это новая в ней тема, достойная пристального внимания...». Подобное высказывание позволяет говорить о том, что он приближал жанр данного произведения к роману взросления, но с нетипичным для того времени героем.

Цель работы – выявить скрытые смыслы в именах героев романа И.В. Одоевцевой «Ангел смерти».

Анализируя роман, интересно рассмотреть антропонимы, их имплицитную составляющую.

Исходя из поставленной цели, решаются следующие задачи:

- 1) определить буквальное значение имен персонажей в произведении;
- 2) выяснить, как соотносится точное значение имен с характером и поведением данного героя в романе;
- 3) выявить смысловой концепт конкретного персонажа как структурного звена произведения.

Важно не только вскрыть значение каждого антропонима, но и выявить его ассоциативную, оценочную, смысловую наполненность, то есть определить концепт. Это поможет выстраивать целостную смысловую модель функционирования персонажей в произведении, в том числе рассматривать образы главных героев как обобщенные фигуры, образы-символы.

Создатель Воронежской ономастической школы Г.Ф. Ковалев указывает на способность онимов выступать средствами характеристики персонажа, нести информацию о его социальной окраске, авторском сознании, являться индикаторами хронотопа [Ковалев, 2014].

А.В. Суперанская утверждает, что «в художественном произведении нет неговорящих имен. Каждое имя, использованное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которое только оно способно. Оно с максимальной силой развивает оттенки, мимо которых мы проходим в жизни. Автор выбирает для своего героя не всякое имя, а соответствующее его возрасту, характеру, социальному статусу» [Суперанская, 2012, с. 183].

По мнению С.А. Скуридиной, автор в процессе создания произведения выбирает имена своим героям в зависимости «от воспроизведения мифопоэтической

картины мира», кроме того, через них может осуществляться и «вербализация авторского мифа» [Скуридина², 2020, с. 12].

Результаты исследования. Роман впервые был издан в 1928 г., а формирование писательского стиля Ирины Одоевцевой происходило в период Серебряного века, то есть эпоху модернизма. С одной стороны, старая классика никуда не делась, обновленный и трансформированный реализм тогда сосуществовал с новым направлением. С другой – модернизм был ведущим и привлекал основную массу (особенно молодых) писателей и поэтов. Именно в таком ключе и развивается творческая манера И.В. Одоевцевой (модернизм и связь с классикой). Еще М.О. Рубинс подмечала влияние произведений Л.Н. Толстого и А.П. Чехова на прозу данного автора. Это было выявлено и в нашей предыдущей работе «Особенности восприятия мира в романе И.В. Одоевцевой “Ангел смерти”» [Александрова, 2025]. Но модернизм тоже налицо: в романе духовно-нравственные ориентиры даются в несколько ином ракурсе, нежели в классике, наблюдается обилие образов-символов.

Начнем с Азраила. Это имя взято из произведений М.Ю. Лермонтова «Ангел смерти» и «Азраил»³. Ангел смерти встречается в древнейших пластах иудейской мифологии под именем Самаэль, в Коране он превращается в Израила [Мифы народов мира, 1994, с. 78]. Далее возможны некоторые вариации, одну из которых использует М.Ю. Лермонтов, – «Азраил». В силу своей архаичности этот образ неоднозначен: с одной стороны, он служит Богу, а с другой – является его врагом. В статье В.В. Бугорской «Образы ангелов в творчестве М.Ю. Лермонтова» тоже указывается двуликость данного персонажа [Бугорская, 2020].

Эту двоякость умело использует И.В. Одоевцева. В ее романе Азраил сначала выступает как символ чистоты, так как он небесной природы – с большими крыльями, он прекрасен – у него сияющие глаза. Именно таким его видит Люка в своих снах, он приходит на рассвете, окутанный белым туманом. Когда однокурсница Ивонна обещает показать подругам своего кузена Поля и приводит его в Люксембургский сад, то Люке этот тип кажется развязным и неприятным: «Как противно. Руки у него потные, и весь он отвратительный... А она, Люка, побежала смотреть на него. Она, к которой прилетал Азраил...»⁴. Но постепенно Азраил начинает проявлять свою демоническую природу: крылья у него черные, появляется он ночью. По мере полового созревания Люки, меняется и отношение к любви. Сначала она воспринимает ее как чувство высокого, неземного, «платонического» характера, но постепенно превращается в любовь земную, «греховную». Азраил постепенно сливается с Арсением.

² Скуридина С.А. Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Воронеж, 2020. 392 с.

³ Лермонтов М. Герой нашего времени. Собрание сочинений. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. С. 325, 318.

⁴ Одоевцева И. Елисейские поля. Романы, рассказы. СПб.: Азбука-Аттикус, 2022. С. 44.

Образ Арсения тоже претерпевает трансформацию. Изначально это сказочный эльф, который явился на Рождественские празднества и признался маленькой Люке в любви, когда она с родителями еще жила в России. Затем, уже в эмиграции, она встречает молодого человека по имени Арсений. Детское сознание соединяет этот образ с эльфом (имена совпадают). Она убеждена, что он влюблен в нее, но скрывает это. На самом деле это она влюбляется в Арсения – друга своей старшей сестры Веры. Имя Арсений греческого происхождения и означает в переводе на русский «мужчина». Некоторые словари фиксируют значение имени как «мужественный» [Суперанская, 2005, с. 40], а также «бодрый», «крепкий», «строгий» [Угрюмов, 1970, с. 61]. Но мы будем использовать именно прямой перевод, так как он ближе всего подходит к сущности этого персонажа. Он действительно по сюжету романа станет первой любовью Люки, первым мужчиной в ее жизни. Восприятие отношений у девочки еще не сформировалось, поэтому поначалу Арсений-мужчина представлен сказочным эльфом. По мере взросления представления меняются, и образ Арсения-эльфа постепенно замещается Арсением-Азраилом. Интересен эпизод, когда сестра выходит замуж и съезжает с квартиры. Комната, которую приходилось делить с Верой, теперь достается одной Люке. Она погружается в раздумья о взрослой «греховной» жизни (свадьба сестры дает повод для рефлексии), как вдруг ей кажется, что рядом появляется кот Васька, но глаза у него остекленевшие, как у повешенного ангорского котенка Ступки. Белый котенок символизирует чистоту, невинность, детство [Александрова, 2025] – все это осталось в России, так что поступок Люки (убийство), как бы ни казался жестоким, в развитии сюжета романа вполне закономерен. Для реального ребенка из культурной семьи такой поступок вряд ли возможен, но в произведении И.В. Одоевцевой это действие символично и вполне укладывается в сюжетную ткань. Таким образом, повесив Ступку, Люка порывает с землей предков, раз и навсегда разрушает мир детства, прощается с чистотой.

После умерщвления котенка впервые появляется Азраил. «И вдруг захлопали крылья, и что-то влетело в окно... Это Ангел смерти прилетел за Ступкиной душой. Азраил, Ангел смерти. Люка знала, он всегда прилетает за душами»⁵.

Имя Василий (полное имя Васьки) греческого происхождения и означает «царь», «царственный» [Суперанская, 2005, с. 60]. Думы об Арсении-мужчине уже царят в сердце юной героини. Но это вовсе не тот Арсений-эльф из детства, – это новый Арсений-Азраил, одновременно притягивающий и пугающий. Именно поэтому кот Васька, закрытый на кухне, сливается с Азраилом. Азраил же как символ земной любви становится царем положения, он распоряжается сердцем и поступками девушки-подростка. Как однажды Азраил унес Ступку («кошку взял ангел»⁶), так унесет и невинность Люки. Он двуличен и коварен.

Когда Вишневские уезжали из страны, маленькой девочке все мерещился ангел смерти, будто сопровождал ее по пути в эмиграцию.

⁵ Одоевцева И. Елисейские поля. Романы, рассказы. СПб.: Азбука-Аттикус, 2022. С. 39.

⁶ Там же. С. 40.

Во Франции начинается совсем другая жизнь. Однако Екатерина Львовна, мама Люки и Веры, делает все, чтобы держаться на плаву. Оставшись без мужа, она самостоятельно пытается вырастить двух дочерей, практически принося в жертву свою молодость и собственное благополучие. Имя Екатерина греческого происхождения и означает «чистота», «благопристойность» [Суперанская, 2005, с. 284], что полностью отражает характер данного персонажа. Отчество Львовна придает образу благородство, царственную грацию. Это типичный характер положительной русской женщины в классическом варианте. Есть в ней что-то самоотрешенное, иррациональное; будущее детей для нее на первом месте.

Совершенно не похожа на нее сестра Варвара. Кстати, она везде проходит под именем «тетя Варя», отчество нигде не применяется, то есть благородство ей не присуще. В глазах Люки она «такая толстая, самоуверенная», всего на три года старше ее матери, «а совсем старуха». Для нее главное, чтобы все было правильно, вернее, по правилам. «В доме беспорядок, да и в жизни твоей всегда беспорядок был. Никогда ты не знала, что хочешь», – высказывает она Екатерине Львовне. Это говорит о том, что сестру свою она совсем не понимает. Приехав на свадьбу Веры, тетя Варя печется о строгом соблюдении православного обряда. Но, несмотря на это, у нее в характере нет ничего русского – сплошная рациональность, характерная для западного человека. О противостоянии русского и европейского подхода к жизни много говорили во второй половине XIX – начале XX в. такие философы, как В.Ф. Эрн, О. Шпенглер, Ф. Ницше, славянофилы.

Варвара в переводе с греческого означает «чужеземная» [Суперанская, 2005, с. 265; Угрюмов, 1970, с. 50], то есть поведение и мысли этой женщины идут вразрез с родной русской культурой. При этом она считает себя непогрешимой и правильной.

Есть в романе еще один персонаж, самоуверенный, как Варвара, – это Владимир. Начало XX в. для России оказалось сложным периодом: несколько революций, Первая мировая война, переход страны к социалистическому строю. Многие не выжили, кто-то разорился, но кое-кто остался при своем. К таким счастливым и относится Владимир Иванович. У него есть деньги. Живя за границей, он выгодно отличается от остальных русских эмигрантов, которые едва сводят концы с концами. Он чувствует себя хозяином положения, поэтому бросает свою пожилую подругу и ухаживает за молодой и красивой Верой. Она не любит его, ее сердце принадлежит Арсению, но желание жить богато делает свое дело – она соглашается на брак с ним, тем более что Арсений жениться не собирается. Владимир – имя славянского происхождения, означающее «владеть миром» [Угрюмов, 1970, с. 64], в данном случае посредством денег. Отчество Иванович тоже подчеркивает его превосходство перед другими. По одной версии, имя «Иван» в переводе с древнееврейского означает «Бог милует» [Суперанская, 2005, с. 115], что и подтверждается, учитывая бедственное положение многих эмигрантов. По другой версии, это имя означает «богатый», «замечательный» [Угрюмов, 1970, с. 68], что усиливает эффект от имени Владимир.

Имя Вера – калька с греческого, то есть дословно означает то же самое – веру. Девушка в конце романа умирает. И это не удивительно. Выйти замуж за нелюбимого человека все равно, что похоронить себя. Вера это чувствует, но гордость (не захотела, чтобы Арсений стал ее любовником), меркантильность (надоело быть бедной), злость на мир, который обернулся к ней теневой стороной, привели к тому, что она решилась на этот шаг. У нее нет подруг, нет взаимопонимания с младшей сестрой. Матери она не доверяет, считая, что та может отбить у нее женихов. Вера верит только в деньги.

В более широком смысле Вера должна отражать веру эмигрантов либо в возвращение на родину, либо в лучшую жизнь, либо в Бога. Но все это в данном персонаже отсутствует. Вера демонстрирует полное безверие. Не удивительно, что И.В. Одоевцева «убирает» ее – такой образ нежизнеспособен. То же происходит и с ребенком, которого вынашивала Вера. Дети в литературе традиционно рассматриваются как будущее. Но при таких обстоятельствах будущее невозможно. Так что смерть Веры и младенца при родах логически продуманы и являются единственным возможным сюжетным вариантом.

Интересно проанализировать имена французских подростков, с которыми контактирует Люка. Ивонна – толстая, курносая, развратная, ленивая. Она не учит уроки, а молится святому, чтобы ее не вызвали к доске, обещая ему монетку. Читатель явно испытывает неприязнь к этому образу. Имя «Ивонна» образовано из древнегерманского слова, означающего «дерево тис» [Суперанская, 2005, с. 291, 115]. Слово «дерево» в применении к человеку, означает «тупоумие», что и наблюдаем у данного персонажа. Кроме того, тис – ядовитое растение, считается, что даже находиться в тени этого дерева вредно для здоровья. И действительно, в романе «Ангел смерти» Ивонна развращает одноклассниц Жанну и Люку. Но если глуповатая Жанна идет у нее на поводу, то русская лицеистка отчаянно сопротивляется.

Она знакомит подруг со своим кузеном Полем, с которым периодически вступает в интимные отношения. Полю восемнадцать лет, он развязен и омерзителен. Как многие недалекие молодые люди, он строит из себя опытного мужчину. Но его имя в переводе с латинского означает «малый» [Суперанская, 2005, с. 172]. Так что имя говорит само за себя – он никто, маленький, незначительный, ничтожный. Это сразу чувствует Люка, а Жанна в него влюбляется.

Жанна – старофранцузское имя, изначально образованное от древнееврейского, означает «бог миловал» [Суперанская, 2005, с. 115, 120, 293]. Жанна красива. Она не очень умная, но добрая. И не является источником зла (яда), в отличие от Ивонны.

Имя главной героини романа – Люка, уменьшительное от имени Людмила. Это самобытное русское имя, означающее «милая людям, добрая, отзывчивая» [Угрюмов, 1970, с. 54]. Все это в ней есть, правда, Азраил сбивает ее с истинного пути, но это лишь оттого, что она пока еще мало знает жизнь. Любопытна и сама вариация имени – Люка. Звучит необычно, возможно, неспроста. Если заглянуть

в словари, то там обнаружим похожие женские имена – Люция, Лукия и вариант мужского имени – Лука. Все они означают, по одним данным, в переводе с латинского «светлый», «ясный», «блестящий» [Угрюмов, 1970, с. 55, 71]; по другим данным, в переводе с греческого – «свет» [Суперанская, 2005, с. 147]. Действительно, этот образ полон света: у девушки светлые волосы, она сияет юностью. Душа у нее тоже сияющая, несмотря на то, что она явилась причиной смерти своей сестры Веры. Но это произошло по неведению. На последних страницах романа мы видим переживание Люки и полное ее охлаждение к Арсению.

Говоря о нем, И.В. Одоевцева все время применяет эпитет «блестящий». То же можно сказать и об Азраиле. Девушка тянется к ним, ощущая, как ей кажется, родственное сияние. Но она ошибается в силу отсутствия жизненного опыта. Арсений вовсе не светлая личность, он альфонс, приспособленец. Он сам не светится, а только отражает чужой свет. Свет и блеск ангела смерти – не солнечный, а лунный, отраженный. Оба эти образа в произведении раскрываются как коварные и двуличные. То, что имя Люка связано со светом, подтверждается и словами из другого произведения писательницы, романа «Зеркало», который является продолжением «Ангела смерти». Она опять тянется к свету и сиянию, что продиктовано ее собственной светозарной природой.

Герой романа знаменитый режиссер Тьерри Ривуар сразу притягивает ее внимание: «От его черных волос, от его белых зубов, от его светлых глаз исходит сияние. Он стоит перед ней в сиянии и славе»⁷. Но Люка опять ошибется, так как световая природа Ривуара не солнечная, а электрическая, искусственная. Ее постигнет жестокое разочарование и гибель.

Опираясь только на прямые значения имен, можно интерпретировать роман как притчу. Например, так: у Благородной Чистоты (Екатерины Львовны) двое детей – Вера и Свет (Люка). Как только в их жизни появляется сияющий Мужчина (Арсений), обе сестры тянутся к нему. Они не сразу поняли его истинную природу – он связан с коварным ангелом смерти (Азраилом). Однажды Вере делает предложение Властитель мира (Владимир), и она выходит за него замуж. Но Власть и Вера – плохое сочетание. Вера тянется к сиянию, которое излучает сияющий Мужчина. Но сияние его фальшивое, он может отражать чужое или излучать забранное у других, как светонакопитель. Он пользуется Верой и Светом. В результате Вера погибает (верить больше не во что). Умирает и ее не успевший родиться ребенок, как предполагалось, девочка (надежда на счастливое будущее). Перед смертью Вера проклинает Свет. Свет раскаивается и утрачивает интерес к сияющему Мужчине, окончательно разобравшись в источнике его сияния. Вся эта история произошла от нехватки в жизни настоящего солнца.

Таким образом, подробный анализ имен персонажей дает возможность рассматривать «Ангел смерти» как роман с притчевым началом, что представляется новым в изучении прозы данного автора.

⁷ Одоевцева И. Елисейские поля. Романы, рассказы. СПб.: Азбука-Аттикус, 2022. С. 257–258.

Заключение. Итак, имена персонажей не только отражают их характеры, но и дают возможность интерпретировать их как образы-символы. Это важно и для понимания творческого метода И.В. Одоевцевой, и для смысловой интерпретации произведения. Бессолнечная жизнь главных героев-эмигрантов – вот основная идея. Под солнцем, очевидно, для писательницы понималась дореволюционная культура России. Она озаряла эту жизнь. После прихода большевиков все меняется: меняется культура, меняется страна. Уцелевшие и выброшенные волной событий за границу люди оказываются в тени жизни, хотя некоторые продолжают нести в себе сияющую искру. Но без солнечной подпитки они обречены просто выгореть и перестать существовать.

Роман «Ангел смерти» выходит далеко за пределы семейной истории, или повествования о быте русских эмигрантов, или даже откровений о превращении девочки в подростка и женщину. И.В. Одоевцева представляет нам не семейные сцены, не физиологию, она оперирует смыслами, давая пищу философским обобщениям, что позволяет рассматривать данное произведение как роман с элементами притчи.

Библиографический список

1. Адамович Г.В. Из статьи «Литературные беседы. Шмелев – Ирина Одоевцева – Довид Кнут» // Одоевцева И.В. Зеркало: Избранная проза / вступ. ст., сост. и коммент. М.О. Рубинс. М.: Русский путь, 2011. 656 с.
2. Александрова А.В. Особенности восприятия мира в романе И.В. Одоевцевой «Ангел смерти» // Сибирский филологический форум. 2025. № 1 (30). С. 71–83.
3. Бугорская В.В. Образы ангелов в творчестве М.Ю. Лермонтова // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. Ижевск, 2020. Т. 30, вып. 2. С. 296–302.
4. Демидова О.Р. «Эмигрантские дочери» о себе: варианты судьбы // Литература русского зарубежья (1920–1940-е годы): Взгляд из XXI века. СПб., 2008. С. 58–70.
5. Елькина Ю.В. Кино как тема и конструктивный принцип поэтики в творчестве И. Одоевцевой: роман «Зеркало» // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения: сб. ст. молодых ученых. Екатеринбург: УГИ УрФУ, 2020. Вып. 3. С. 60–63.
6. Жулькова К.А. Специфика функционирования художественной детали в мемуарах Ирины Одоевцевой «На берегах Невы» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение: реферативный журнал. 2022. № 1. С. 49–61. DOI: 10.31249/lit/202.01.03
7. Ковалев Г.Ф. Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях // Избранное. Литературная ономастика. Воронеж: Новая книга, 2014. С. 3–27.
8. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Рос. Энциклопедия, 1994. Т. 1. А – К. 671 с.

9. Петухова А.И. Мотив счастья в рассказах Ирины Одоевцевой // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. 2020. № 3. С. 94–100. DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-94-100
10. Рубинс М.О. Парижская проза Ирины Одоевцевой (Предисловие) // Одоевцева И.В. Зеркало: избранная проза. М.: Русский путь, 2011. С. 2–11.
11. Сонькин В. Портрет и характер «особенного человека» в мемуарной прозе И.В. Одоевцевой // Филология и культура. 2020. № 3 (61). С. 157–162. DOI: 10.26907/2074-0239-2020-61-3-157-162
12. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: URSS, 2012. 368 с.
13. Суперанская А.В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. М.: Айрис-пресс, 2005. 384 с. (от А до Я).
14. Угрюмов А.А. Русские имена. Вологда: Северо-Западное книж. изд-во, 1970. 112 с.
15. Цепенникова А.Н. Трансгрессия концепта «дом» в литературе эмиграции четвертой волны // Уральский филологический вестник. 2014. № 4. С. 39–48.
16. Якушева Г.В. Женский взгляд на русское зарубежье (о мемуарах Ирины Одоевцевой) // Вопросы русской литературы. 2012. № 24 (81). С. 169–175.

Сведения об авторе

Александрова Ариадна Викторовна – старший преподаватель кафедры отечественной и зарубежной литературы, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»; e-mail: qwiny@mail.ru

ANTHROPONYMS IN I.V. ODOYEVTSEVA'S NOVEL *THE ANGEL OF DEATH*

A.V. Aleksandrova (Moscow, Russian)

Abstract

Statement of the problem. This article analyzes the anthroponyms in I. V. Odoevtseva's novel *Angel of Death*. This author's fiction remains understudied. The relevance of the research is determined by the general need to study anthroponyms as components of the conceptual sphere of the novel, which defines its ideological and aesthetic structure and reflects the author's world view, necessary for an in-depth understanding of the work.

The purpose of the article is a comprehensive study of the anthroponyms in I.V. Odoevtseva's novel *The Angel of Death*.

Methodology. The method used in this work is hermeneutical, which makes it possible to interpret names as separate fragments (elementary units) of a work. The hermeneutic method helps to analyze a text from different angles, considering it from linguistic, historical and psychological points of view.

Review of scientific literature on the problem. Scientific works devoted to the study of I.V. Odoevtseva's prose and works devoted to literary onomastics were studied.

Research results. The author convincingly proves that the names directly reflect the inner essence of the carrier characters and contain a profoundly generalizing characterization principle.

Conclusions. The novel's characters can be viewed as symbols, and the work's parable-like qualities can be discussed. The discovery of parable elements offers a new perspective on I.V. Odoevtseva's fiction.

Keywords: *Odoevtseva, Angel of Death, charactonym, Luke, Azrael, anthroponym, symbol, parable, emigrant literature, Russian novel.*

References

1. Adamovich G.V. Iz stat'i "Literaturnye besedy. Shmelev – Irina Odoevtseva – Dovid Knut". In: Odoevtseva, I.V. Zerkalo: Izbrannaja proza [vstup. st., sost. i komment. M.O. Rubins]. Moscow, Russkij put', 2011. 656 p.
2. Aleksandrova A.V. Osobennosti vosprijatija mira v romane I.V. Odoevtsevoj "Angel smerti" [Features of the perception of the world in the novel by I.V. Odoevtseva "Angel of Death"]. *Sibirskij filologičeskij forum* [Siberian philological forum], 2025, 1, 71–83.
3. Bugorskaja V.V. Obrazy angelov v tvorčestve M.Ju. Lermontova. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija: Istorija i filologija [Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology]. Izhevsk, 2020. 30, 2, 296–302.
4. Demidova O.R. "Migrantskie dočeri" o sebe: varianty sud'by ["Emigrant Daughters" about themselves: variants of fate]. *Literatura russkogo zarubezh'ja (1920–1940-e gody): Vzgljad iz XXI veka*. St. Petersburg, 2008, 58–70.

5. El'kina Ju.V. Kino kak tema i konstruktivnyj princip pojetiki v tvorcestve I. Odoyevtsevoj: roman "Zerkalo" [Cinema as a theme and constructive principle of poetics in the works of I. Odoevtseva: the novel "The Mirror"]. Ju. V. El'kina. In: *INITIUM. Hudozhestvennaja literatura: opyt sovremennogo prochtenija: sbornik statej molodyh uchenyh* [INITIUM. Fiction: the experience of modern reading: a collection of articles by young scientists]. Ekaterinburg, UGI UrFU, 2020, 3, 60–63.
6. Zhul'kova K.A. Specifika funkcionirovanija hudozhestvennoj detali v memuarah Iriny Odoevtsevoj "Na beregah Nevy" [The specifics of the functioning of an artistic detail in Irina Odoevtseva's memoirs "On the Banks of the Neva"]. *Social'nye i gumanitarnye nauki*. In: *Otechestvennaja i zarubezhnaja literature* [Social sciences and humanities. Russian and foreign literature]. Ser. 7, Literaturovedenie: Referativnyj zhurnal. 2022. 1, 49–61. DOI: 10.31249/lit/202.01.03
7. Kovalev G.F. Aspekty izuchenija imen sobstvennyh v hudozhestvennyh proizvedenijah // Izbrannoe. Literaturnaja onomastika [Aspects of the Study of Proper Names in Works of Art. In: Selected Works. Literary Onomastics]. Voronezh, publishing and printing New Book Center, 2014, 3–27.
8. Mify narodov mira. Jenciklopedija, v 2-h tomah [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia] in 2 volumes. Edited by S.A. Tokarev. Moscow, Ros. Enciklopedija, 1994, 1: A – K. 671 p.
9. Petuhova A.I. Motiv schast'ja v rasskazah Iriny Odoevcevoj [The motive of happiness in the stories of Irina Odoevtseva]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija* [Herald of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology]. 2020, 3, 94–100. DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-94-100
10. Rubins M.O. Parizhskaja proza Iriny Odoevtsevoj (Predislovie) [Parisian Prose by Irina Odoevtseva]. Odoevtseva I.V. Zerkalo: izbrannaja proza [Odoevtseva I.V. Mirror: Selected Prose]. Moscow, Russkij put', 2011, 2–11.
11. Son'kin V. Portret i harakter "osobennogo cheloveka" memuarnoj proze I.V. Odoyevtsevoj [Portrait and character of a "special person" in I.V. Odoevtseva's memoir prose]. In: *Filologija i kul'tura* [Philology and Culture]. 2020, 3 (61), 157–162. DOI: 10.26907/2074-0239-2020-61-3-157-162
12. Superanskaja A.V. Obshhaja teorija imeni sobstvennogo [General theory of proper names]. Moscow: URSS, 2012. 368 p.
13. Superanskaja A.V. Sovremennij slovar' lichnyh imen: Sravnenie. Proishozhdenie. Napisanie [Modern Dictionary of Personal Names: Comparison. Origin. Spelling]. Moscow, Ajris-press, 2005. 384 p. (ot A do Ja).
14. Ugrjumov A.A. Russkie imena [Russian names]. Vologda, Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1970. 112 p.
15. Cepennikova A.N. Transgressija koncepta "dom" v literature jemigracii chetverttoj volny [The transgression of the concept of "home" in the literature of the fourth wave of emigration]. In: *Ural'skij filologičeskij vestnik* [Ural philological bulletin]. 2014, 4, 39–48.

16. Jakusheva G.V. Zhenskij vzgljad na russkoe zarubezh'e (o memuarah Iriny Odoyevtsevoj) [A Woman's View of the Russian Diaspora (on the Memoirs of Irina Odoevtseva)]. In: *Voprosy russkoj literatury* [Questions of Russian literature]. 2012, 24 (81), 169–175.

About the author

Aleksandrova, Ariadna V. – Senior Lecturer, Department of Russian and Foreign Literature, Moscow University for Industry and Finance Synergy (Moscow, Russia); e-mail: qwiny@mail.ru

УДК 808.1

«ЗИМНИЕ ЗАМЕТКИ О ЛЕТНИХ ВПЕЧАТЛЕНИЯХ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО КАК «ПАРАДОКСАЛЬНЫЙ» ТРАВЕЛОГ

Н.В. Константинова (Новосибирск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В травелеге Ф.М. Достоевского «Зимние заметки о летних впечатлениях» возникает эффект парадоксального повествования, построенного намеренно на сопротивлении логике воспринимающего сознания, что и позволяет автору выразить свое восприятие мира.

Материал составляют травелоги – «Зимние заметки о летних впечатлениях» Ф.М. Достоевского, «Письма из Франции к одному вельможе в Москву» Д.И. Фонвизина, «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» Л. Стерна, «Фрегат “Паллада”» И.А. Гончарова и повесть Ф.М. Достоевского «Записки из подполья».

Цель статьи состоит в анализе специфики повествования в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Ф.М. Достоевского в контексте эволюции повествовательных моделей травелога.

Обзор научной литературы. Анализируемые исследования не были предметом научного сопоставления при изучении проблемы автора в русском документальном травелеге XIX в.

Методология исследования. Для осмысления специфики авторской «творческой лаборатории» в контексте жанра травелога в статье применяются следующие методы исследования: биографический, структурно-типологический, историко-литературный.

Результаты исследования. В парадоксальной логике рассказчика «Зимних заметок о летних впечатлениях» проявляется авторская установка на описание глобальных проблем коммуникации человека в социуме. С помощью формы «хаотичного письма» уже в травелеге формируются черты письма «подпольного героя», что выражается в большей степени в виде болезненного восприятия мира.

Заключение. Травелог Ф.М. Достоевского определяется как претекст повести «Записки из подполья», в котором обрабатывается документальный материал о реальной поездке писателя в форме парадоксального повествования, выражающего основные черты типа «подпольного сознания».

Ключевые слова: структура повествования, травелог, Достоевский, претекст, парадоксальная логика, подпольное сознание, «хаотичное письмо».

Постановка проблемы. Основу статьи составляют размышления о своеобразии описания Достоевским своей поездки, отмечаются скорее отклонения от общепринятой жанровой традиции, что и является основанием для анализа авторской модификации формы травелога. В большей степени трансформации подвергается повествовательная структура «Зимних заметок...»: как частотный прием используется комментирование штампов традиционного построения текста о путешествии, игра с читательскими ожиданиями, искажения привычных компонентов структуры (заглавие, построение глав, их последовательность). Возникает эффект парадоксального повествования, построенного

намеренно на сопротивлении логике воспринимающего сознания, что и позволяет автору выразить свое восприятие мира.

Материал составляют травелоги: «Зимние заметки о летних впечатлениях» Ф.М. Достоевского, «Письма из Франции к одному вельможе в Москву» Д.И. Фонвизина, «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» Л. Стерна, «Фрегат “Паллада”» И.А. Гончарова и повесть Ф.М. Достоевского «Записки из подполья».

Цель статьи подразумевает выявление специфики повествования в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Ф.М. Достоевского в контексте эволюции повествовательных моделей травелога, определение принципов соотношения в тексте события путешествия и события рассказывания о нем.

Обзор научной литературы по теме. Анализируемые исследования не были предметом научного сопоставления при изучении проблемы автора в русском документальном травелоге XIX в.

Методология исследования. Для осмысления специфики авторской «творческой лаборатории» в контексте жанра травелога в статье применяются следующие методы исследования: биографический, структурно-типологический, историко-литературный. С помощью системного подхода обеспечивается аналитическое описание функции «парадоксальной» логики повествования в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Ф.М. Достоевского.

Результаты исследования. В исследовательских работах [Брусовани, Гальперина, 1988; Новикова, 1998; Назиров, 1982; 2014; Захаров, 2013] традиционно говорится, что в «Зимних заметках о летних впечатлениях» не совпадают сведения о реальном путешествии писателя по Европе, что было отражено в письмах с рассказами о поездке. Вместо принятых описаний маршрута, объектов чужого мира на первый план выходят рефлексия рассказчика, путешественника, его суждения о разных вопросах. В частности, наиболее показательными являются рассуждения о способе описания путешествия, сосредоточенность пишущего на событии рассказывания. Именно логика повествования о путешествии становится способом выражения авторской установки.

Так, исследуя поэтику хронотопа в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Достоевского, В.Н. Захаров указывает на существенное отличие художественного хронотопа от реального путешествия. Это выражается в отсутствии «туристических» описаний, а также в том, что «повествование развивается в двух измерениях времени и пространства: “летом” и “зимой”, в Европе и в России, в Лондоне-Париже и в Петербурге, в “европейской” и в “русской” Европе» [Захаров, 2013, с. 183]. По мнению исследователя, таким способом выражается ключевая «проблема “русского отношения” к Европе, которая осознана как проблема выбора исторического пути России» [Там же]. Организация повествования демонстрирует авторский вариант разговора с читателем о важных национальных и нравственных проблемах на материале описания путешествия. Травелог становится формой, внутри которой организуется автором сложная коммуникация с читателем о глобальных вопросах.

«Притворяясь документом», объективным повествованием о реальном путешествии (рассказчик постоянно ссылается на свою записную книжку, которую вел во время перемещения по Европе), текст в большей степени ориентирован на литературную традицию, выражает творческие установки автора как писателя. По замечанию И.А. Поплавской, смысл особой позиции автора заключается в том, чтобы «воспринимать путешествие как литературный факт, благодаря которому происходит осуществление особой “миссионерской функции” автора» [Поплавская, 2022, с. 18]. Таким образом, травелог Достоевского становится «творческой лабораторией» автора, «травелогом о травелог», поиском формы и логики повествования, авторским экспериментом, ориентированным на предшествующую традицию и собственное творчество.

В связи с этим ключевая установка рассказчика – это «бунт» путешественника против устоявшихся принципов/способов описания путешествия по Европе, что выражается в парадоксальной логике организации повествования о путешествии, намеренном разрушении всех возможных канонов, авторитетов, стремлении к свободе пишущего. «Бунт» также выражает особенности парадоксального сознания личности – будущего «человека из подполья», «парадоксалиста». Путешествие как литературный факт дает возможность увидеть «творческую лабораторию» в большей степени автора-писателя, а не автора-путешественника. Текст обнаруживает, с одной стороны, множество претекстов, на которые он ориентирован и с которыми полемизирует, с другой – мы наблюдаем эксперименты с новым типом героя: изображается «парадоксальное» сознание, воспринимающее мир по-особому и выражающее себя на письме с помощью особого «лазеечного слова», в непривычной для читателя манере повествования.

В самом начале повествования автор актуализирует для читателя очевидную связь своего текста с травелогом И.А. Гончарова, что выражается практически в буквальном повторении рассказчиком вопросов, связанных не только с тем, о чем писать, но и как писать, будучи путешественником: «Что я вам напишу? Что расскажу нового, еще неизвестного, нерассказанного?» [Достоевский, 1973, с. 47]. Сравним: «Но, как и что рассказывать и описывать?» [Гончаров, 1997, с. 34]. Как и рассказчик Гончарова, путешественник Достоевского далее иронизирует над стереотипностью восприятия читателем подобных историй и восклицает совсем уже по-карамзински: «А! – восклицаю я, так вам надобно простой болтовни, легких очерков, личных впечатлений, схваченных на лету. На это согласен и тотчас же справлюсь с записной моей книжкой. И простодушным быть постараюсь, насколько могу!» [Достоевский, 1973, с. 47]. Ирония направлена и на форму повествования, и на стиль описания события путешествия, и на необходимость использования достоверных фактов («записной книжки»), т.е. на все «общие места», устоявшийся «арсенал» автора травелога. Текст Достоевского строится одновременно и на имитации традиционного дискурса травелога, и на отстранении от него («автора это знает, но делать будет по-другому»).

Уже на первых страницах обнаруживаются многочисленные рассуждения рассказчика по поводу того, «как писать», почему невозможно так писать; несовпадение планов «видеть/разглядеть», «рассказать / в порядке записать»: «...вы специально знаете, что мне особенно нечего рассказывать, а уж тем более в порядке записывать, потому что я сам ничего не видал в порядке, а если что и видел, то не успел разглядеть» [Достоевский, 1973, с. 48]. При этом намеренно комментируется и специфика записок путешественника (необходимость лгать, невозможность достоверности): «Итак, вы видите, друзья мои: в два с половиной месяца нельзя всего разглядеть, и я не могу доставить вам самых точных сведений. Я поневоле должен иногда говорить неправду» [Там же, с. 62].

В частности, в тексте неоднократно обозначается установка на неприязнательность, непосредственность, спонтанность повествования – «от нечего делать», «некогда изъясняться яснее»: «Совсем я так и не думаю и не намерен думать, и даже напротив... Жаль только, что объяснить яснее мне теперь некогда. А кстати: уж не думаете ли вы, что я вместо Парижа в русскую литературу пустился? Критическую статью пишу? Нет, это я только так, от нечего делать» [Там же, с. 54].

Предметом авторской рефлексии становятся и соотношение вымысла и правды, субъективного и объективного начал в травелоге, выбор фокуса изображения чужого мира: что сделать центром повествования – чужой мир, его особенности, ситуацию путешествия или впечатления и эмоции путешественника. Подобные размышления выражаются в диалоге рассказчика с предполагаемыми читателями: «Вы говорите, что на этот раз вам и не надобно точных сведений... что, напротив, было бы вовсе недурно, если бы каждый путешественник гонялся не столько за абсолютной верностью (которой достичь он почти всегда не в силах), сколько за искренностью <...> Вам надобны только собственные, но искренние мои наблюдения» [Там же, с. 64]. И доверительный тон, и нарочитая искренность, выражающая стремление угодить, предвосхитить желание читателя, имплицитно демонстрируют авторскую иронию по поводу шаблонного восприятия истории о путешествии (необходимости точно отвечать на вопрос, «как надобно писать, будучи путешественником»): «И простодушным быть постараюсь, насколько могу. Прошу только помнить, что, может быть, очень многое, что я вам напишу теперь, будет с ошибками. Разумеется, не все же с ошибками... Оно, конечно, между Петром и Павлом есть разница, но все-таки как-то неприлично для путешественника...» [Там же, с. 70]. Вопрос Гончарова – почему «так тесно писать» путешественнику, стремление к авторской свободе в «Зимних заметках...» Достоевского еще более заостряется. Автор постоянно иронизирует над разными вариантами читательского восприятия травелогов: об объективном повествовании («точные сведения», нет субъективной оценки повествователя) и субъективном («искренние мои наблюдения» как элемент «карамзинского канона», в котором личность путешественника выходит на первый план). На своеобразной игре с читателем, имитации разных точек зрения

на восприятие травелога строится авторская «логика» повествования о поездке. Любая форма/рамка/традиция, которая намечается в тексте, сразу разрушается, пародируется, обнажая своеобразный бунт рассказчика как создателя травелога. Для этого же имитируется и провозглашается спонтанность повествования, способствующая созданию эффекта достоверности, искренности рассказчика. Также Достоевский организует своеобразное подобие полифонии: он выделяет разные типы читателей и каждому предлагается свой вариант разговора, диалог, по сути, выстраивается как полилог. Деление на главы выстраивается по принципу гипертекста, что провозглашается как свобода мнений и восприятия. Автор такой формой повествования «бунтует» против ограничений в травелогe, против сложившихся стереотипов. Установка на парадоксальность высказывания путешественника создает эффект читательской и авторской свободы.

Воображаемому читателю предоставляется возможность самому выстраивать/варьировать композиционную структуру текста (читать отдельные фрагменты или исключать из повествования), о чем свидетельствует название третьей главы «И совершенно лишняя» и постоянные комментарии повествователя по этому поводу: «Впрочем, других читателей надобно выгородить, а для этого выключу-ка я все эти размышления нарочно в особую главу и назову ее лишней. Вы-то над ней поскучаете, а другие, как лишнюю, могут и выкинуть» [Достоевский, 1973, с. 54].

Вовлечение читателей в авторский процесс создает эффект спонтанности замысла, внезапности решений. Разные типы читателей получают свою степень свободы обращения с текстом – «читатель-друг», «читатель-другой», при этом «читатель-друг» как создатель первоначального запроса должен следовать за рассказчиком, подчиняться его воле (с друзьями можно и покороче, пусть будет скучно и вам), а «другой читатель» получает свободу (с читателем нужно обращаться осторожно и совестливо).

Обращает на себя внимание и выделение особого эмоционального состояния путешественника – скуки (как и в травелогe Гончарова), чем объясняет рассказчик свое желание написать лишнюю главу, чтобы и читателю было скучно. Парадоксальная логика повествования выражает авторскую иронию в адрес еще одного требования к автору травелога – необходимость сделать историю о путешествии занимательной и обязательно интересной читателю.

Разделение самого путешествия и времени его описания также иронично разъясняется в разговоре с читателями, автор (как всегда) «предвидит» недоумение и каверзные вопросы: «Да что же это, – прибавит третий. Обо всем этом вы сами пишете, что слышали недавно, а путешествовали летом. Как же вы могли обо всем этом в вагоне тогда еще думать? Вот это так действительно задача, – отвечаю я, – но позвольте: ведь это зимние воспоминания о летних впечатлениях. Так уж к зимним и примешалось зимнее» [Достоевский, 1973, с. 57]. Оправдание рассказчика в определенной степени раскрывает и феномен названия текста, имитирующего скорее стиль фельетона, а не травелога. Актуализация временной дистанции между событием путешествия и событием рассказывания

обнаруживает еще один предмет авторской рефлексии по поводу принципов создания травелога: как оформляется ретроспективный тип повествования, каким образом искажаются/модифицируются объективные сведения, меняется фокус изображения реальности (как «к зимним примешалось зимнее»).

Автор в своем повествовании задает разные точки зрения воспринимающего сознания. К уже упомянутому делению читателей на типы прибавляется еще один разделяющий их критерий – читатели-путешественники и не путешественники (четвертая глава называется «И не лишняя для путешественников»). В соответствии с этим выстраивается еще одна возможная повествовательная комбинация: один может не читать третью главу, другой должен прочесть четвертую. Традиционная повествовательная рамка нарушается: в начало помещается часть «Вместо предисловия», в финале отсутствует привычное заключение. Новаторство повествовательной формы Достоевского проявляется не только в игре с читателем, но и в особенности позиции путешественника (не такой, как все, ставится под сомнение традиционный способ осмотра другого мира): «Да и терпеть я не мог, за границей, осматривать по гиду, по заказу по обязанности путешественника, а потому и просмотрел в иных местах такие вещи, что даже стыдно сказать» [Достоевский, 1973, с. 58].

Парадоксальная логика выражается и в требованиях свободы для построения своего текста. Путешественник пытается снять с себя ответственность за написанное, а для этого постоянно договаривается с читателем: «Но, друзья мои, ведь предупредил же я вас еще в первой главе этих заметок, что, может быть, ужасно навру. Ну и не мешайте мне. Вы знаете, тоже, наверное, что, если я и навру, будучи убежден, что не вру. А, по-моему, этого уже слишком довольно. Ну так и дайте мне свободу» [Там же, с. 72]. Рассказчик комментирует возможные реакции читателя на его манеру описывания, форму повествования и т.д., сами эти возможные реакции, по сути, представляют собой шаблонные представления о способах создания травелога: «Да что вы думаете, что я с насмешкой пишу, виню кого-нибудь ... О, ничуть и нисколько. Да я-то кто такой, чтоб винить? <...> вы закричите, что я преувеличиваю, что это все желчная, патриотическая клевета, что не могло же все это остановиться совсем, в самом деле; пожалуйста, не обвиняйте меня» [Там же, с. 81, 82].

Авторская игра с читателем сопровождается самоиронией, насмешкой рассказчика над своей неспособностью к порядку, системе, невозможностью самоорганизовать себя: «Да когда ж это, господи, я приучусь к порядку...» [Там же, с. 82]. Сочетание иронии и пафоса также обнаруживает парадоксальность позиции рассказчика, который карнавализует, обличает, иронизирует, бунтует и в то же время призывает, утверждает, выражает устойчивую нравственную и философскую позицию.

Специфика авторской установки выражается и за счет усложнения структуры повествования, совмещения разных точек зрения на мир, отсылок к предшествующей традиции. Феномен парадоксальности травелога Достоевского определяет

и характер связи с различными претекстами. Так, важную функцию выполняют аллюзии к «Сентиментальному путешествию по Франции и Италии» Л. Стерна. Рассказчик Стерна выделяет типологию путешественников и акцентирует внимание на особом типе – «чувствительном путешественнике» [Стерн, 1968, с. 5], с которым он себя и ассоциирует, характеризуя этот тип как принципиальное новаторство по сравнению с другими текстами о путешествии. Своих читателей он тоже пытается дифференцировать как путешественников, ориентируясь на указанные типы. Путешествие как самопознание, как способ самоанализа иронически обыгрывается Достоевским. Выделение типов путешественников и позволило Стерну вести своеобразную повествовательную игру, сходство с которой можно увидеть в травелоге Достоевского. При этом функционально игра с читателями в большей степени направлена на выражение разных точек зрения самого рассказчика.

Кроме того, у Стерна упоминается некий путешественник, с которым соотносится рассказчик Достоевского. Отмечается, что ученый Смелфунгус совершил путешествие из Булони в Париж – из Парижа в Рим, но так как он отправился в дорогу, «страдаая сплином и развитием желчи», каждый предмет, попадавшийся ему на пути, «обесцвечивался и искажался». Впоследствии он написал отчет о своей поездке, но то был лишь «отчет о его дрянном самочувствии». У Достоевского рассказчик почти дословно повторяет оправдание Смелфунгуса, объясняя свое впечатление от Берлина: «Решительно от того, что я, больной человек, страдающий печенью, двое суток скакал по чугунке сквозь дождь и туман до Берлина и, приехав в него, не выспавшись, желтый, усталый, изломанный, вдруг с первого взгляда заметил, что Берлин до невероятности похож на Петербург» [Достоевский, 1973, с. 47]. Физическим состоянием он оправдывает и свое восприятие Рейнского водопада, ироническая отсылка к карамзинскому путешественнику, как и в других случаях, маркирует «общие места» чувствительного путешествия.

Еще одним претекстом травелога Достоевского, очевидно проявленным в повествовании, являются «Письма из Франции к одному вельможе в Москву» Д.И. Фонвизина [Фонвизин, 1806]. Рассказчик Достоевского упоминает провокационную фразу из «Писем...» Фонвизина: «Рассудка француз не имеет, да и иметь его почел бы за величайшее для себя несчастье» [Достоевский, 1973, с. 50]. В претексте она звучит так: «Рассудка француз не имеет, и иметь его почел бы несчастьем своей жизни: ибо онный заставил бы его размышлять, когда он может веселиться. Забава есть один предмет его желаний» [Фонвизин, 1806, с. 4]. Стратегия разоблачения, характерная для писем Фонвизина, очень близка рассказчику травелога Достоевского.

По мнению А. Стричека, Фонвизин «все огульно отрицает», так как ему «уж слишком хочется разоблачить перед всем миром необоснованность французского мифа» [Стричек, 1994, с. 316]. Но такая авторская задача имеет определенное основание: «...в то время, как он определяет “национальный характер” французов, ум его занят поисками своего русского “я”» [Там же]. Так в травелог

возникает оппозиция свой/чужой, благодаря которой происходит национальная самоидентификация личности, что часто впоследствии проявлялось в текстах русских авторов-путешественников (Жуковского, Гоголя, Гончарова, Пушкина и т.д.). Одна из важных задач Фонвизина – раскрыть сущность «русского национального характера». Показательна в этом отношении его автокоммуникация: фраза о русских – «не доросли до европейцев» – вводит карикатурный образ «русского Недоросля», который не дорос до европейца. Очевидно, что так автор высмеивает моду на все европейское, развенчивает миф о европейском рае, разрушает стереотипные представления о просвещенности европейцев, воспитанности французов. Путешественник Достоевского продолжает развивать эту ироническую установку: «Ну теперь уж не то, и Петербург взял свое. Теперь уж мы вполне европейцы и доросли» [Достоевский, 1973, с. 50].

Достоевский использует фразу Фонвизина как рефрен, воспроизводит ее в каждой части своих записок. Более того, путешественник Достоевского комментирует и предполагаемое внутреннее ощущение пишущего Фонвизина («Эту фразу написал еще в прошлом столетии Фонвизин, и, боже мой, как, должно быть, весело она у него написалась. Бьюсь об заклад, что у него щекотало от удовольствия на сердце, когда он ее сочинял» [Там же, с. 52]), и реакцию на фразу («И кто знает, может, и все-то мы после Фонвизина, три-четыре поколения сряду, читали ее не без некоторого наслаждения» [Там же, с. 52]). Комментарий – «Фраза весело у Фонвизина написалась» – можно понимать как жест присоединения к полемической традиции описания путешествия в Европу, но в то же время он «выдает» авторское, личное, чувство писательской солидарности.

Автор «Писем из Франции...» профанирует популярное представление о Франции как мифологеме [Тризно, 2013], создает пародию на официальную культуру, используя насмешливый тон повествования, ироничные комментарии рассказчика. Манера Фонвизина угадывается в травелоге Достоевского. Ему близки и многие его приемы, снижающие пафос восприятия европейского мира. В этом отношении особенно интересно проявляется своего рода «телесная» карнавализация. Таким способом травелог встраивается в своеобразный диалог, полилог, с другими текстами и писателями, близкими автору по восприятию Европы или по манере выражать свои убеждения.

Кроме того, «Зимние заметки...» представляют особый интерес в аспекте писательской автокоммуникации, и с этой точки зрения рассматриваются нами как претекст «Записок из подполья», опубликованных позже, в 1864 г. Исповедь «парадоксалиста» подготавливается рассуждениями рассказчика в «Зимних заметках...». По замечанию Е.К. Созиной, «Записки из подполья» являются «переломным произведением Достоевского, где он заявил решительное право индивидуальности на свое жизнестроение» [Созина, 2006, с. 77]. Выявление параллелей между травелогом и повестью, сопоставление способов выражения повествовательных точек зрения представляют особый интерес в аспекте проблемы авторского

самопредъявления. Как отмечалось многими исследователями, маркером «подпольного героя» является «лазеечное слово», «слово с оглядкой», направленное как вовне (о других), так и внутрь (о себе). Слово рассказчика в травелоге, повествующее не только об истории путешествия, но и о событии рассказывания, строится похожим способом. При этом функционально оно разворачивается несколько иначе: пародийная повествовательная направленность вовне (имитация полемики с читателями) соотносится с авторской рефлексией, опосредованной ироничным рассказчиком и направленной на изображение самого процесса письма.

Травелог для Достоевского становится удобной формой для творческих – авторских – экспериментов. «Записки из подполья» при детальном рассмотрении оказываются буквально сотканными из различных элементов «Зимних заметок...». В начале повествования «Записок из подполья» герой называет себя больным человеком, чем и объясняет свое состояние, взгляд на мир: «Я человек больной... Я злой человек. Непривлекательный я человек. Я думаю, что у меня болит печень» [Достоевский, 1973, с. 90]. Гипертрофированное внимание к телесности не только карнавализует подпольного человека, но и обнажает его внутренний конфликт, типичный для ранних героев Достоевского – раздвоенность сознания, «болезнь духовную». Физический недуг становится метафорическим изображением нравственной идеи, которая «губит», «разъедает» человека. Парадоксалист обнаруживает ту же логику рассуждения, что и путешественник в «Зимних заметках...»: объясняет свое восприятие, точнее, неприятие европейских городов больной печенью. Метафора болезни определяет и семантику письма, которое характеризуется «подпольным героем» как способ излечения, своего рода психотерапия («мне так легче»), воспринимается как «пустая форма», занятие для себя («читателей не будет»). Как и путешественник, герой «Записок из подполья» намеренно бунтует против устоявшихся канонов письма, стремится нарушить любой порядок: «Я ничем не хочу стесняться в редакции моих записок. Порядка и системы заводить не буду. Что припомнится, то и запишу» [Там же, с. 121]. Можно сказать, что по типу повествования травелог становится основой для «Записок из подполья». «Параллельные места» можно продолжить.

Так, среди лондонских достопримечательностей путешественник особо отмечает Хрустальный дворец, который был выстроен из стекла и металла ко Всемирной выставке 1851 г., позже перенесен на новое место, где с 1854 г. находилась постоянная экспозиция достижений мировой цивилизации. Это то самое здание, которому мечтал показать язык подпольный парадоксалист, герой «Записок из подполья». Как общее основание чаще выделяется идеология героев: «герой подполья воплощает в себе конечные результаты „оторванности от почвы“, как она рисовалась Достоевскому», – и потому этот персонаж «не только обличитель, но и обличаемый», не герой, но «антигерой», по выражению самого автора [Скафтымов, 1972, с. 90, 116]; проповедуя свободу, подпольный человек в действительности ратует за «свободу от выбора, от обязывающих решений», проявляя эгоцентризм [Назирова, 1982].

Физическое болезненное состояние рассказчиков (путешественника и «подпольного героя») на авторском уровне коррелирует с картиной разрушающейся действительности, с болезненным мировосприятием. Повествование зеркально отражает внутреннее состояние личности, внутренние противоречия и нравственные поиски. Взаимодействие разных точек зрения в поле сознания рассказчика позволяет выявить диалогичность позиции автора по отношению к различным глобальным проблемам. Болезненность рассказчика / восприятие чужого мира сквозь призму своего физического состояния – устойчивый прием многих будущих произведений Достоевского (оправдание болезнью своего поведения, своих мыслей, восприятия мира «человеком из подполья» (Раскольников – сон на каторге)). Физическая болезнь используется как способ выражения нравственной болезни, своего рода экспликации экзистенциальных нарушений, дисбаланса духовного, нравственного разрушения личности.

Заключение. Таким образом, текст Ф.М. Достоевского «Зимние заметки о летних впечатлениях» представляет собой пример авторского эксперимента с повествовательной структурой травелога. Форма повествования текста о событии путешествии усложняется, намеренно искажается привычный способ моделирования документального материала, что выражается в создании парадоксальной логики путешественника. Травелог Достоевского, ориентируясь на наиболее популярные претексты – стерновский, карамзинский, фонвизинский, гончаровский – в свою очередь, имитирует диалог с читателем, создает эффект достоверности, подлинности событий, при этом одновременно разрушает все возможные каноны и шаблонные формы, превращает искусственный диалог (полилог) в монолог, утверждая невозможность коммуникации. В парадоксальной логике рассказчика проявляется авторская установка на описание глобальных проблем взаимодействия человека с миром, с другим человеком. С помощью формы «хаотичного письма» («порядка наводить не буду») в травелоге формируются черты письма «подпольного героя», выражается болезненное восприятие мира. Травелог превращается в претекст повести «Записки из подполья», становится «творческой лабораторией» Достоевского как писателя, моделирующего документальный материал о реальной поездке в Европу в форме парадоксального повествования, раскрывающего тип «подпольного сознания», воспринимающего процесс текстопорождения как автокоммуникацию, самооправдание, «самоизлечение».

Библиографический список

1. Безруков А.Н. Феноменология путешествия в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Ф.М. Достоевского // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы. Новосибирск, 2016. С. 183–200.
2. Брусовани М.И., Гальперина Р.Г. Заграничные путешествия Ф.М. Достоевского 1862 и 1863 гг. // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1988. Т. 8. С. 272–292.

3. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада» // Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 1997. Т. 2. 745 с.
4. Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 5. С. 99–179.
5. Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 5. С. 46–98.
6. Захаров В.Н. Поэтика хронотопа в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 2013. № 11. С. 180–201.
7. Назиров Р.Г. Творческие принципы Ф.М. Достоевского. Саратов, 1982. С. 60–61.
8. Назиров Р.Г. Творчество Ф.М. Достоевского. Проблематика и поэтика: учебное пособие. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. 126 с.
9. Новикова Е.Г. «Путешествие в Арзрум» А.С. Пушкина и «Зимние заметки о летних впечатлениях» Ф.М. Достоевского: путешествие как паломничество и миссионерство // Пушкин и Достоевский: материалы для обсуждения: Международная научная конференция, 21–24 мая 1998 г. Новгород Великий; Старая Русса, 1998. С. 22–29.
10. Поплавская И.А. «Зимние заметки о летних впечатлениях» Ф.М. Достоевского и проблема нациестроительства // Critic. 2022. № 20, ч. 3. С. 10–18.
11. Скафтымов А. Нравственные искания русских писателей. М., 1972. 543 с.
12. Созина Е.К. Эволюция русского реализма XIX в.: семиотика и поэтика: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. 124 с.
13. Стерн Л. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. М.: Художественная литература, 1968. 715 с.
14. Стричек А. Денис Фонвизин. Россия эпохи Просвещения / пер. с фр. Е. Демьяновой, А. Каменского. М.: Прометей, 1994. 510 с.
15. Тризно О.А. Черты карнавальской эстетики в «Письмах из Франции» Д.И. Фонвизина // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 367. С. 21–23.
16. Фонвизин Д.И. Письма из Франции к одному вельможе в Москву // Вестник Европы. 1806. № 9. С. 3–22.
17. Эйхенбаум Б. О прозе. О поэзии. Л.: Художественная литература, 1986. 453 с.

Сведения об авторе

Константинова Наталья Владимировна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, Новосибирский государственный педагогический университет; AuthorID: 2068-2014; ORCID: 0000-0002-7329-9977; e-mail: scribe2@yandex.ru

WINTER NOTES ON SUMMER IMPRESSIONS BY F.M. DOSTOEVSKY AS A 'PARADOXICAL' TRAVELOGUE

N.V. Konstantinova (Novosibirsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. In F.M. Dostoevsky's travelogue *Winter Notes on Summer Impressions*, there is an effect of a paradoxical narrative that is intentionally built on the resistance of the logic of the perceiving consciousness, which allows the author to express his perception of the world.

The material consists of travelogues: Fyodor Dostoevsky's *Winter Notes on Summer Impressions*, Denis Fonvizin's *Letters from France to a Nobleman in Moscow*, Laurence Sterne's *A Sentimental Journey through France and Italy*, Ivan Goncharov's *Frigate Pallada*, and Fyodor Dostoevsky's novella *Notes from Underground*.

The purpose of this article is to analyze the narrative structure of Fyodor Dostoevsky's *Winter Notes on Summer Impressions* in the context of the evolution of travelogue narrative models.

Review of scientific literature. The studies analyzed have not been the subject of scientific comparison in the study of the Russian documentary travelogue of the 19th century by the author of the paper.

Research methodology. To understand the specifics of the author's 'creative laboratory' in the context of the travelogue genre, the following research methods are used in the article: biographical, structural-typological, and historical-literary.

Research results. In the paradoxical logic of the narrator of *Winter Notes on Summer Impressions*, the author's intention to describe the global problems of human communication in society is manifested. Through the form of 'chaotic writing', the features of the 'underground hero's' writing are already formed in the travelogue and are expressed more in the form of a painful perception of the world.

Conclusion. Fyodor Dostoevsky's travelogue is defined as the pretext of the novella *Notes from Underground*, which processes documentary material about the writer's real trip in the form of a paradoxical narrative that expresses the main features of the 'underground consciousness' type.

Keywords: *narrative structure, travelogue, Dostoevsky, pretext, paradoxical logic, underground consciousness, 'chaotic writing'.*

References

1. Bezrukov A.N. Fenomenologiya puteshestviya v "Zimnikh zametkakh o letnikh vpechatleniyah" F.M. Dostoevskogo [Phenomenology of Travel in F.M. Dostoevsky's "Winter Notes on Summer Impressions"]. In: *Russian Travelogue of the 18th–20th Centuries: Routes, Topoi, Genres, and Narratives*. Novosibirsk, 2016, 183–200.
2. Brusovani M.I., Galperina R.G. Zagranichnye puteshestviya F.M. Dostoevskogo 1862 i 1863 gg. [F.M. Dostoevsky's Foreign Travels in 1862 and 1863]. In: *Dostoevsky. Materials and Research*. Leningrad, Nauka, 1988, 8, 272–292.
3. Goncharov I.A. Fregat "Pallada" [Frigate Pallada]. In: *Complete Works and Letters: in 20 volumes*. St. Petersburg, Nauka, 1997, 2. 745 p.

4. Dostoevsky F.M. Zapiski iz podpol'ya [Notes from Underground]. In: *Dostoevsky, F.M. Complete Works in 30 Volumes*. Leningrad, Nauka, 1973, 5, 99–179.
5. Dostoevsky F.M. Zimnie zametki o letnikh vpechatleniyakh [Winter Notes on Summer Impressions]. In: *Dostoevsky, F.M. Complete Works in 30 Volumes*. Leningrad, Nauka, 1973, 5. 46–98.
6. Zakharov V.N. Poehtika khronotopa v “Zimnikh zametkakh o letnikh vpechatleniyakh” Dostoevskogo [Poetics of Chrono-topos in Dostoevsky’s Winter Notes on Summer Impressions]. In: *Problems of Historical Poetics*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University, 2013, 11. 180–201.
7. Nazirov R.G. Tvorchestvo F.M. Dostoevskogo. Problematika i poehtika [Creativity of Fyodor Dostoevsky. Problems and Poetics]: Textbook. Ufa, RIC BashSU, 2014. 126 p.
8. Nazirov R.G. Tvorcheskii principy F.M. Dostoevskogo [Creative Principles of Fyodor Dostoevsky]. Saratov, 1982, 60–61.
9. Novikova E.G. “Puteshestvie v Arzrum” A.S. Pushkina i “Zimnie zametki o letnikh vpechatleniyakh” F.M. Dostoevskogo: puteshestvie kak palomничество i missionerstvo [“A Journey to Arzum” by A.S. Pushkin and “Winter Notes on Summer Impressions” by F.M. Dostoevsky. In: *Journey as a Pilgrimage and Missionary Work*. In: *Pushkin and Dostoevsky: Materials for Discussion: International Scientific Conference*. May 21–24, 1998. Novgorod the Great; Staraya Russa, 1998, 22–29.
10. Poplavskaya I.A. “Zimnie zametki o letnikh vpechatleniyakh” F.M. Dostoevskogo i problema naciestroitel'stva [“Winter Notes on Summer Impressions” by F.M. Dostoevsky and the Problem of Nation-Building]. In: *Critic*, 2022, 20, 3, 10–18.
11. Skaftymov A. Nравственные искания русских писателей [Moral Quests of Russian Writers]. Moscow, 1972. 543 p.
12. Sozina E.K. Ehvoluciya russkogo realizma XIX v.: semiotika i poehtika [The evolution of Russian realism in the 19th century: semiotics and poetics]: a textbook. Yekaterinburg, Ural Publishing House. University, 2006. 124 p.
13. Stern L. Sentimental'noe puteshestvie po Francii i Italii [A sentimental journey through France and Italy]. Moscow, Fiction, 1968. 715 p.
14. Strychek A. Denis Fonvizin. Rossiya ehpokhi Prosveshcheniya [Denis Fonvizin. Russia in the Age of Enlightenment]. Translated from French by E. Demyanova and A. Kamensky. Moscow, Prometheus, 1994. 510 p.
15. Trizno O.A. Cherty karnaval'noj ehstetiki v “Pis'makh iz Francii” D.I. Fonvizina [Features of Carnival Aesthetics in D.I. Fonvizin’s Letters from France]. In: *Bulletin of Tomsk State University*, 2013, 367, 21–23.
16. Fonvizin D.I. Pis'ma iz Francii k odnomu vel'mozhe v Moskvu [Letters from France to a Nobleman in Moscow]. In: *Bulletin of Europe*. 1806, 9, 4.
17. Eikhenbaum B. O proze. O poehzii [On Prose. On Poetry]. Leningrad, Khudozhestvennaya Literatura, 1986. 453 p.

About the author

Konstantinova, Natalya V. – DSc (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Methods of Teaching Literature, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia); AuthorID: 2068-2014; ORCID: 0000-0002-7329-9977; e-mail: scribe2@yandex.ru

УДК 82-3

ОТЦОВСКАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В РОМАНЕ В. СОТНИКОВА «УЛЫБКА ЭММЫ»

О.А. Скрипова (Екатеринбург, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Статья посвящена проблеме памяти о Великой Отечественной войне в современной словесности, а именно в романе Владимира Сотникова «Улыбка Эммы» (2016). Это роман об отце, пережившем войну, и сыне, говорящем за него, от его имени.

Цель статьи – рассмотреть художественное своеобразие трактовки темы памяти о войне, выявить приемы создания образа Великой Отечественной войны в романе.

Методология. В работе используются системно-структурный метод и элементы сравнительно-типологического анализа.

Обзор научной литературы. Особое внимание уделяется образу пневматосферы (термин Н.Л. Лейдермана) и субъектной организации произведения: герой, перевоплотившись в отца, думает, размышляет, видит внешний мир, переживает происходящее так, как будто все это было с ним самим, создается иллюзия того, что тяжелая, страшная правда о войне показана и рассказана непосредственным участником событий.

Результаты исследования. Мистическое «веение», софийное начало, ощущение Бога, образы ангелов-хранителей, встреченных на войне в виде людей, парадоксально сочетаются с жестокими картинками, «окопной правдой», трагической историей любви и философскими размышлениями уже зрелого героя.

Выводы. Роман Сотникова развивает некоторые традиции фронтовой лирической повести (сочетание натурализма и лирической экспрессии, нравственный конфликт, человекоцентрический пафос), в то же время афористичность, динамика поисков ответа на глобальные вопросы, определяющая сюжет, притчевость позволяют отнести произведение к интеллектуальной прозе. Тема памяти – ключевая в произведении. Воспоминания и спасительны, и травматичны, в них оживают ушедшие. Густеющая память, не только индивидуальная, социально-историческая, но и родовая, сродни сотворению мира.

Ключевые слова: современная русская литература, военная проза, В. Сотников, роман, образ войны, память, субъектная организация.

Постановка проблемы. Тема памяти является одной из важнейших в современной военной прозе. По мнению многих исследователей, «литература о Великой Отечественной войне – совершенно особый документ эпохи, ее важнейший сюжет – сохранение памяти о трагедии, война не закончилась ни в 1945 г., ни позже, но осмысление итогов войны стало процессом гражданского самоопределения, не имеющим финала, ведь этот процесс продолжается и сегодня» [Ковтун, 2020, с. 7]. С необходимостью увидеть тенденции в современной прозе связана актуальность исследования новейших произведений о войне, тем более «литература о Второй мировой войне подверглась сегодня и критической, и культурологической рефлексии» [Абашева, Аристов, 2010, с. 133].

Обзор научной литературы по проблеме. Л.Н. Скаковская отмечает, что в начале XX в. в литературный поток снова стали вливаться произведения, темой которых являются те или иные аспекты великой войны» [Скаковская, 2015, с. 107]. Исследователь выделяет военно-приключенческие произведения, документально-художественную прозу, православную литературу о войне. Вместе с тем следует отметить, что начало III тысячелетия является рубежным периодом для всей военной прозы. В.А. Зубков в статье «Поворот русла. Проза о Великой Отечественной войне сегодня» оценил минувшее десятилетие как «полосу системного кризиса высокой прозы о войне». Признаки этого «системного кризиса» исследователь видит не только в закономерном резком «обмелении столь обильного в 90-е гг. потока прозы», но и в появлении «ущербных псевдобатальных текстов» [Зубков 2011]. Д.В. Аристов полагает, что «в прозе о Великой Отечественной в 2000-е годы... утрачивается... тенденция к фактической достоверности батальной фактуры и ее социально-нравственному осмыслению... в новой прозе о войне усиливается влияние массовой культуры, вызывающее деформацию традиционной тематики и образов войны»¹. Это связано и с тем, что ушли из жизни авторы – участники войны, в том числе создатели такого значительного течения, как «лейтенантская проза». М. Моисеева считает, что «последней в хронологии истории этого литературного течения и своего рода итогом стала повесть Д. Гранина со знаковым названием – “Мой лейтенант” (2011)» [Моисеева, 2025, с. 32].

Однако вышедший в 2016 г. роман Владимира Сотникова «Улыбка Эммы» стоит особняком: с одной стороны, произведение создано не фронтовиком, писатель родился в 1960 г., с другой – оно нацелено как раз на социально-нравственное и даже философское осмысление событий войны, влияния массовой культуры здесь нет: роман требует медленного чтения, в нем ощущаются особая глубина, интеллектуальная напряженность.

Владимир Сотников более известен как детский писатель, автор около трех десятков приключенческих повестей и детективов, однако он пишет и для взрослых. Заметным явлением стала его трилогия «Покров», «Пролитая вода» и «Фотограф». Роман «Улыбка Эммы» был номинирован на премию «Большая книга» (2017). В 2015 г. писатель рассказал в интервью о процессе создания произведения: «Я уже давно работаю над книжкой об отце, о его войне, жизни. “Улыбка Эммы” – так называется этот роман. Первую часть уже написал. Она такая сильная для меня получилась, а вот вторая часть, где я перехожу к сыну, похожему на меня, слабее, и я боюсь этого. И долго пишу – это тоже влияет»². В данном высказывании подчеркнута напряженность творческого процесса и автобиографичность произведения.

¹ Аристов Д.В. Русская батальная проза 2000-х годов: традиции и трансформации: дис. ... канд. филол. наук. Пермь: [б. и.], 2013. С. 3.

² Владимир Сотников: Мне проще писать для взрослых... Но книжки для детей помогают жить. URL: <https://ulpravda.ru/rubrics/interview/vladimir-sotnikov-mne-prosche-pisat-dlya-vzroslykh-no-knizhki-dlya-detei-pomogaiut-zhit>

Роман привлек внимание как читателей, так и критиков. В журнале «Знамя» вышла большая рецензия В. Есипова «Роман об отце» [Есипов, 2017], однако «Улыбка Эммы» не становилась объектом литературоведческого системно-структурного анализа, с этим связана новизна исследования.

Цель статьи – рассмотреть художественное своеобразие трактовки темы памяти о войне в романе В. Сотникова, а также приемы создания образа Великой Отечественной войны. Как отмечает сам писатель, книга имеет двухчастную композицию, поскольку это роман об отце и сыне. Однако образ Великой Отечественной войны, возникающий в памяти участника событий, присутствует лишь в первой части произведения, на ней мы и сосредоточим внимание.

Методология исследования. Методологическую базу статьи составили труды Н.Л. Лейдермана, М.Л. Липовецкого о тенденциях развития лейтенантской прозы и жанровых принципах фронтовой лирической повести, мы также опираемся на статью Н. Ковтун, посвященную теме памяти в современной литературе о Великой Отечественной войне, на ее классификацию течений в военной прозе [Ковтун, 2020].

Результаты исследования. Название романа непривычно для военной прозы, где обычно присутствуют батальная лексика или метафора, связанная с войной, бедой, смертью, или обозначен главный герой, хотя, конечно, бывают исключения. Здесь же доминирует любовная, лирическая нота. Произведение открывается своеобразным прологом, в котором звучит мотив молчания/умолкания: «Помню свою детскую жалость оттого, что заметил: умные умолкают первыми»³. Лирический повествователь имеет в виду отца, отождествляет себя с ним («я это он») и высказывает предположение: «А может, потому он и умолкал – чувствуя, что я буду говорить за него? Вот я и говорю»⁴. Как отмечает Л. Лисюткина, «их идентичность метафорически воспроизводит евангельское единство Отца и Сына» [Лисюткина], эту идентичность ощущает и вернувшийся с фронта отец лирического повествователя со своим отцом: «Любил я его безмерно, но вместе с тем чувствовал, что чем-то его обижаю. И тут, увидев, понял: я же точь-в-точь как он. Я же заменяю его в этой жизни, и мне за это стыдно»⁵. Так мотивируется необычная субъектная организация первой части романа: используется форма личного повествования, но парадокс в том, что не отец рассказывает о войне, а его сын-писатель, перевоплотившись в отца, видит внешний мир, переживает и осмысляет происходящее так, как будто все это было с ним самим. Формально субъект речи в обеих частях один и тот же, но субъекты сознания разные – отец и сын. Подобное отождествление подвергается осмыслению в сборнике С. Шаргунова «Свои» (2018): «В детстве, слушая рассказы родителей об их детстве, мы воображаем, что мы – это они. Вот и мой сын с разбойным восторгом записал в айпад от первого лица истории, рассказанные мной: “Как я устроил потоп”, “Как я устроил пожар”, “Как я тонул в море” (Шаргунов, 2018, с. 135).

³ Сотников В.М. Улыбка Эммы. М.: Э, 2016. С. 5.

⁴ Там же. С. 7.

⁵ Там же. С. 97.

В первой главе первой части романа Сотникова доминирует рефлексия лирического повествователя, это своеобразный пролог, где вне хронологии сходятся основные образы, мотивы и сюжетные ситуации романа. Прежде всего это образ времени и образ памяти, переплетенные в сознании рассказчика: «это идет время», «мои воспоминания – это время. И слова, которые при этом проворачиваются во мне, – тоже время»⁶. А. Битов в предисловии к другому роману писателя «Пролог» отмечал: «Сотников как художник занят больше всего самой трудной для изображения категорией, являющейся, однако, всегда главной в искусстве прозы, категорией времени. Время у него... течет во всех направлениях, вспять и в будущее, рождая неуловимое чувство настоящего, причем не только в форме воспоминания или более тонкого припоминания, но и в форме чувства, такого же, как боль. Это страдание временем – самая сильная сторона прозы Сотникова» [Битов, 2010, с. 7]. Здесь же в памяти рассказчика мелькают образы и воспоминания, связанные с войной: уход из деревни на фронт в сорок втором году, «ползущие в шахматном порядке танки», окопы, атака под обстрелом. Наконец, в этой своеобразной увертюре возникает образ Эммы, ее глаз и улыбки, с ней связано самое большое счастье. Однако мы сразу узнаем, что она «умерла летом сорок пятого». В связи с этим появляется образ того мира: «Эмма там. Это тревожный и странный мир, который я вижу, но никак не пойму, какой он»⁷.

У Сотникова оплотняются и словно овеществляются (а порой персонифицируются) абстрактные понятия: «Еще на войне я научился перемещаться в своей прошлой жизни, словно отталкивался от непроницаемой пелены будущего, как от стенки окопа»⁸, «воспоминания находят единственно правильный путь»⁹, «молчаливая маска времени знает это»¹⁰, память может «густеть». Поэтому в романе большую смысловую нагрузку несет образ пневматосферы как «подсистемы, воплощающей и выражающей духовный (интеллектуальный и эмоциональный) «срез» (пласт) внутреннего мира художественного произведения [Лейдерман, 2010, с. 123–124]. Память на войне становится спасительной в буквальном смысле. Так, старый солдат говорит герою: «Сейчас самое правильное – вспоминать. И не убьют тебя»¹¹. Повествователь не раз задается вопросом, почему его не убило на войне: «Нас ушло из деревни сто тринадцать, а после войны в живых осталось двое. Разве можно это объяснить»¹². Загадочная неуязвимость отца отмечена и в аннотации к роману, и в немногочисленных рецензиях. Так, В. Есипов пишет: «отец столько раз чудом избегал смерти, что, несмотря на авторское предупреждение к роману “Бог видит не все”, создается твердое убеждение в том, что отца хранила какая-то высшая сила» [Есипов, 2017]. Сам же повествователь

⁶ Сотников В.М. Улыбка Эммы. М.: Э, 2016. С. 8.

⁷ Там же. С. 12.

⁸ Там же. С. 17.

⁹ Там же. С. 38.

¹⁰ Там же. С. 38.

¹¹ Там же. С. 19.

¹² Там же. С. 19.

предваряет главу о войне такой преамбулой: *На войне может только повезти. Если не повезет, то тебя уже нет*¹³. Везение связывается в сознании уже зрелого героя и с иррациональным «солдатским чувством опасности», и с молодостью, когда нет привычки задумываться: «Первая сила молодости гнала меня вперед так, как требовала этого война. И сил у меня оказалось ровно столько, сколько она требовала»¹⁴. Отметим, что война в романе персонифицируется: «И тут я понял: все, выдохлась война. Не только у нас, но и у нее нет больше сил»¹⁵.

При этом изображается жестокая, горькая правда войны с опорой на традиции фронтовой лирической повести 1960-х гг., где сочетаются «натуралистическая пластика и лирическая экспрессия» [Лейдерман, Липовецкий, 2001, с. 115]. Эта горькая правда видна уже в первом военном эпизоде, связанном с мобилизацией семнадцатилетнего героя (он добавил себе год, проявив солидарность со сверстниками). Неготовность к войне, страшная спешка, отношение к людям как к «пушечному мясу» подчеркивается выразительной деталью: «вооружить нас не успели... Перед боем приказали деревянные винтовки замазать грязью, чтобы издали казались настоящими»¹⁶. То есть совсем еще мальчишек посылают на верную смерть. Повествователь вспоминает: «Я видел, как все падали, будто ветки с деревьев. Я лежал в длинной полосе убитых, которая получалась оттого, что немцы просто выжидали, когда мы подбежим к одному и тому же месту, и давали длинную пулеметную очередь. Подбегали следующие к убитым – опять очередь. Как будто косили в покос»¹⁷. Отметим, что в тавтологическом сравнении обыгрывается устойчивое сочетание «смерть косит». Затем дается оценка дядьки Ивана, которого прислали забирать раненых, его реакция на слова героя об игрушечных ружьях: «Дядька замолчал. Потом он выругался и сказал: – Да-а, поиграли в войну!»¹⁸ А далее следует мысль повествователя: «И тут я подумал, продолжая дрожать и глядя на черное небо, что там, на этом небе, сломалось что-то в огромном механизме и вместо детства, когда не было у нас игрушек, попали они нам в руки с опозданием»¹⁹. Это глобальный вывод о разладе в мироустройстве, причем ощущение это приходит к рассказчику еще раньше, в те полгода, которые он прожил в родной деревне в начале войны. Они оцениваются как самые важные в жизни, лучшее время, потому что происходит становление личности, что подчеркнуто особым торжественным ритмом фразы: «Оставил я и родителей, и друзей, и все радости жизни, чтобы становиться собой»²⁰. Это сродни богоискательству, отшельничеству, не случайно герой смотрит с надеждой на звездное небо: «Чувствовал я себя тогда частью Бога»,

¹³ Сотников В.М. Улыбка Эммы. М.: Э, 2016. С. 60.

¹⁴ Там же. С. 60.

¹⁵ Там же. С. 74.

¹⁶ Там же. С. 58.

¹⁷ Там же. С. 58.

¹⁸ Там же. С. 59.

¹⁹ Там же. С. 59.

²⁰ Там же. С. 57.

«странная сила одиночества была во мне»²¹. При этом повествователь ощущает странную тревогу, «волнение не только внутри себя, но и вовне, в огромном пространстве», «как будто где-то там, высоко-высоко, наступил разлад»²². Он словно живет постоянно в двух измерениях – бытовом и бытийном, а война осмысливается им не в социально-политическом, а в онтологическом ключе.

Мотив чудесного везения-спасения связан с образами ангелов-хранителей: «Спокойно вспоминаю многочисленных ангелов-хранителей, встреченных на войне в виде людей»²³. В основном это те, кто отказывался рисковать понапрасну солдатскими жизнями, кто помогал выжить на войне: командир, несколько дней прятавший роту новобранцев, вместо того чтобы бросать их в бой, танкист, появившийся из огня, лейтенант Кагановский, не давший герою утонуть. И повествователь обостренно чувствует связь с этими людьми, хоть они и погибли: «окончание жизни подарено мне, чтобы подготовиться ко встрече с ними»²⁴. Сам герой, с его загадочной неуязвимостью, тоже выступает в роли ангела-хранителя, так к нему относится майор Карпекин и держит при себе весь последний год войны.

Однако мотив чуда/везения сочетается с поэтикой «окопной правды», с высокой достоверностью, воссозданием психологической атмосферы на войне: «Бывало, что начинался бой с собственной трусостью – сожмешься комком в окопе, и нет никакой силы, которая вытащит тебя на бруствер, в атаку. Цепенеешь. Выскакивает один, командир или еще кто – за мной! Падает. Потом второй, так же. Падает. Кажется, и тебя уже нет. Как будто ты – не ты, а вот эта земля перед глазами, карабин, затвор. Все, по чему глаза бегают, – ты. И те, кто рядом в окопе забился, тоже ты. Не понимаешь ничего, не соображаешь, только видишь: люди погибают, а ты сидишь. И вдруг невыносимая злость – и на себя, и на немца, и на ожидаемую смерть, – и думаешь: ах же ты... И все меняется от злости. Нет слов для этого. Поэтому, наверное, тогда так и кричали – а-а-а»²⁵. Мотив страха и борьбы с ним вполне традиционен для военной прозы. Не случайно используется форма второго лица, обобщенно-личные конструкции, подчеркивающие общность переживаний людей на войне, позволяющие читателю отождествить себя с участниками событий. Вспоминается изнуряющее ожидание во время обстрела: «А если не атака, а артоналет – часами, то через какое-то время тоже дуреешь от невыносимости. Этот гул давит, и уже чувствуешь, что все, конец... Сейчас не выдержишь. Лопнешь. Не знаешь, куда себя девать, что делать, а сидеть в окопе невыносимо. Лучше об этом не вспоминать – я боюсь того чувства. Нечеловеческое оно»²⁶. Это до конца непостижимая и неизжитая травма.

²¹ Сотников В.М. Улыбка Эммы. М.: Э, 2016. С. 56.

²² Там же. С. 54.

²³ Там же. С. 61.

²⁴ Там же. С. 62.

²⁵ Там же. С. 74.

²⁶ Там же. С. 75.

Война представлена и как тяжелая работа сапера, наведение переправ, поэтому «мелькает в памяти смертельный страх, когда то под корягой застревал, то замерзал в Днепре»²⁷.

Смерть грозит не только со стороны врага, но и свои могут расстрелять за дезертирство или обвинить в преступлении, которого не совершал. Тема военного преступления подробно рассматривается в статье О.В. Сухих, где анализируются сюжетные ситуации, в которых обвинение героев в дезертирстве формально обосновано, но несправедливо по сути [Сухих, 2016, с. 260]. У Сотникова несколько иной акцент: герою трижды грозил расстрел, хотя он всегда поступал по совести и не нарушал не только нравственных, но и военных законов. Повествователь вспоминает, как выбирался из-под завала, контуженый, а его «чуть за дезертира не приняли и прямо тут, перед строем, и не расстреляли»²⁸, как случайно отстал и всю ночь гнался за машинами своей части, повинуюсь неизвестному доселе страху, как от расстрела за ложное обвинение в насилии его спас смех.

Сюжет фрагментарен, эпизоды связаны по ассоциативному принципу, все подчинено логике воспоминаний и напряженных размышлений повествователя. И эти размышления имеют нравственный характер – о духовных испытаниях, о совести, о стремлении жить в согласии с собой. В этом смысле роман вписывается в направление, означенное экзистенциальной проблематикой. «Эта литература открывает сокровенные тайны о человеке, поставленном в предельную ситуацию, здесь возрождаются элементы мистики, библейская символика и образность» [Ковтун, 2015]. Так, глава 12 предваряется вопросом: «Что сделала война с моей совестью?»²⁹. Герой оказывается в ситуации нравственного выбора: вытащить даже не раненого, а находящегося в нервном столбняке полковника или спасаться самому, тем более после прорыва к своим. Кому хочется после победы погибать? Повествователь мысленно возвращается к этому судьбоносному мигу: «Теперь я понимаю, что тогда многое решалось для меня одним шагом, одной секундой у того куста. Конечно, всех на войне не вытащишь. Но это был мой случай. Как в сказке – прямо пойдешь...»³⁰. Впоследствии заступничество полковника-фронтовика, которому герой во время войны спас жизнь, позволит избежать беды, несправедного суда. Это совпадение, появление полковника в нужное время в нужном месте трактуется как чудо, или «вееение»³¹, помощь из другой жизни: «но есть над жизнью какое-то вееение, другая жизнь, из которой и прислала мне Эмма полковника на помощь»³². Л. Лисюткина в рецензии на роман отмечает: «В книге несколько раз разъясняется слово “вееение”, которым отец и сын называют присутствие в их жизни необъяснимого, мистического, охраняющего

²⁷ Сотников В.М. Улыбка Эммы. М.: Э, 2016. С. 82.

²⁸ Там же. С. 21.

²⁹ Там же. С. 74.

³⁰ Там же. С. 78.

³¹ Именно такое написание используется в романе В. Сотникова, это его окказионализм.

³² Сотников В.М. Улыбка Эммы. М.: Э, 2016. С. 108.

и исцеляющего небесного начала. Возможно, это православная софийность: София – Душа Мира, создательница коллективных душ наций и человечества, начало соборности и Церкви Христовой» [Лисюткина]. Софийное начало связано прежде всего с героиней, чье имя вынесено в название романа, чей образ постоянно присутствует в сознании повествователя, становится высшим нравственным ориентиром.

Н.В. Ковтун так описывает переоценку событий войны в лейтенантской прозе: «Победители в этой прозе все чаще осознают себя жертвами, утверждаются мотивы общей вины, национальной катастрофы, которые будут только усиливаться в военной прозе рубежа XX–XXI вв. Победа, которая казалась в 1945 г. безусловной, постепенно ускользает, разрушая надежды и судьбы» [Ковтун, 2020, с. 14]. Так и у Сотникова конец войны воспринимается героем неоднозначно: «Война закончилась, а я так и не понял, что в ней главное. Это была большая радость, но тяжелая, не дававшая спокойно думать. Я даже отгонял ее от себя, потому что была эта радость какой-то несправедливой, как будто нашел на дороге что-то чужое»³³. Повествователь ищет слова, передающие эту странную психологическую атмосферу вокруг, идет напряженная работа души: «перекос радости», «наигранная, притворная интонация», «пьяная радость измучила меня в Праге до немоты», «Пустота внутри была страшная»³⁴. Или высказывается такое желание: «Закрасить бы черным мою память о войне. Чтобы осталась только одна фраза: война была и закончилась»³⁵.

Любовь на войне чаще всего оборачивается внутренним надломом, катастрофой, трагедией. Так происходит и в романе Сотникова, причем герой обретает любовь, когда война вроде бы закончилась, в австрийском Кремсе. Нужно отметить, что любовь мыслится и ощущается как божественное начало, разлитое в мире и человеческой душе: «Ее улыбку, улыбку Эммы, я увидел когда-то на небе»³⁶. Русский религиозный философ С. Булгаков так трактует софийность: «София открывается в мире как красота, которая есть ощущаемая софийность мира. Для кого цветут цветы в красе своей, которой чаще всего и не видит человеческое око? Для чего цветет девичья краса на земле? Разве не есть все это сияние Софии, изнутри освещающее косную плоть и „материю“?» [Булгаков, 1994, с. 199]. В Эмме просвечивает софийное начало: «Она была такая красивая, как будто я увидел свою душу наяву. Ведь я всегда чувствовал, что душа у человека красивая, но невидимая... Эмма была во мне всегда. Наконец-то, просто **выдохнул** я (здесь и далее выделено нами. – О.С.), увидев ее. Наконец-то»³⁷. Здесь даже на лексическом уровне ощущается перекличка с «Одой русскому огороду» В. Астафьева, где лирический повествователь «так ждал девочку,

³³ Сотников В.М. Улыбка Эммы. М.: Э, 2016. С. 78.

³⁴ Там же. С. 79–80.

³⁵ Там же. С. 71.

³⁶ Там же. С. 86.

³⁷ Там же. С. 87–88.

что она взяла и пришла к нему однажды. В другом платье, в другом облике, но все равно пришла, и он, истомленный долгой разлукой, мучительным ожиданием, счастливо **выдохнул**, припадая к ней: “Девочка моя!”» (Астафьев, 1997).

Анализируя концепцию Вечной женственности в повести В. Астафьева «Пастух и пастушка», И. Плеханова отмечает: «Мужское сознание воспринимает живой софийно-богородичный образ как тайну. Указание на разгадку тайны – принадлежность музыке. Это единственное, что сообщает о себе Люся» [Плеханова, 2024, с. 360–361]. Эмма тоже причастна к музыке: «Она вытирала пыль с пианино и оглядывалась на меня, потом садилась и играла что-то тихое, как будто непроизносимое... Эмма играла на рояле с отцом в четыре руки. Он был профессор консерватории, а она была студенткой»³⁸. Небывалое счастье встречи двух людей, предназначенных друг другу, ведет к выпадению из времени: «Мы были счастливы без времени и забот»³⁹. Как и у Астафьева, идеальное у Сотникова несовместимо с жестокой реальностью. Героиня гибнет от рук пьяного советского офицера, причем это преступление остается безнаказанным, поскольку капитан оказался особистом. Гибель Эммы в сознании повествователя ассоциативно связывается с гибелью маленькой девочки, пронзенной штыком в обозе раскулаченных. Эту картину он увидел в детстве. Неспроста в обоих случаях героя, свидетеля убийства, настигает немота. После детского потрясения он почти год не говорил, после смерти Эммы для него все утрачивает смысл: «Я онемел и внутренне отказался от дальнейшей жизни»⁴⁰. И лишь слова майора Карпекина о том, что он должен держать Эмму в себе, хранить, «разбивают скорлупу». Повествователь оживляет любимую в своей памяти и надеется на встречу.

Если в повести В. Астафьева «Пастух и пастушка» герой погибает из-за душевного надлома, от неизбывной тоски по Красоте высшей Любви, то у В. Сотникова герой находит «островок жизни», силы для создания семьи, нащупывает свой путь и предназначение. Он становится сельским учителем, и это подчеркивает автобиографичность романа, поскольку Сотников родился в семье сельских учителей. Мотив музыки, связанный с Эммой, в переломный момент жизни начинает звучать в душе героя, который вдруг представляет себя неизвестным музыкальным инструментом: «Какая-то мучительная, невыразимая и тихая музыка была во мне. Совсем такая, какую играла Эмма при нашей встрече»⁴¹.

Заключение. В отличие от большинства героев лейтенантской прозы, у В.М. Сотникова становление личности, обретение тайного знания о себе, бытии и Боге происходит не во время участия в войне, а перед ней, самая страшная трагедия настигает после войны, к тому же нравственные испытания, борьба со злом продолжают и в мирное время. Роман Сотникова развивает некоторые традиции фронтовой лирической повести (сочетание натурализма и лирической

³⁸ Сотников В.М. Улыбка Эммы. М.: Э, 2016. С. 87–88.

³⁹ Там же. С. 89.

⁴⁰ Там же. С. 91.

⁴¹ Там же. С. 100.

экспрессии, нравственный конфликт, человекоцентрический пафос), в то же время афористичность, динамика поисков ответа на глобальные вопросы, определяющая сюжет притчевость позволяют отнести произведение к интеллектуальной прозе. Даже преамбулы к главам, выделенные курсивом, звучат либо как вопрос, либо как тезис, обозначают предмет размышлений лирического повествователя. Тема памяти – ключевая в произведении. И Кукулин так говорит о новой задаче, вставшей перед писателями в 1990-е гг.: «Неотчужденная память о войне предстала перед литераторами разных поколений как задача, которую надо решать заново и в новых условиях. Решение было затруднено тем, что именно в литературе о войне особенно зияющим оказалось отсутствие традиции рефлексии субъекта. Способами преодолеть “зияние”, создать заново методы такой рефлексии стали интерпретация семейной памяти как основы неофициальной (антиофициальной) идентичности и стремление к личной историчности» [Кукулин, 2005, с. 336]. Подобная интерпретация семейной памяти, по-видимому, продолжается и в XXI в. В романе В. Сотникова память и спасительна, и травматична, густеющая память сродни сотворению мира, в ней оживают ушедшие. Это память не только индивидуальная, социально-историческая, но и родовая: не случайно прочерчивается преемственность трех поколений, в каждом из которых сын ощущает свое единство с отцом, словно пропитывается его опытом, вбирает в себя его жизнь, что выступает важнейшим условием становления творческой личности. Слова Валентина Распутина созвучны пафосу произведения Сотникова: «Сколько в человеке памяти, столько в нем и человека. Сколько памяти – столько жизни в прошлом и будущем... Наша литература, как мы говорим и как оно есть на самом деле, – литература памяти» [Распутин, 1987, с. 151].

Список источников

1. Астафьев В.П. Ода русскому огороду // Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 8. URL: <http://www.infoliolib.info/rlit/astafyev/oda.html#1> (дата обращения: 12.09.2025).
2. Сотников В.М. Улыбка Эммы. М.: Э, 2016. 256 с.
3. Шаргунов С.А. Свои: повесть, рассказы. М.: АСТ, 2018. 345 с.

Библиографический список

1. Абашева М.П., Аристов Д.В. Военная проза 1990–2000-х годов: генезис и поэтика // Вестник Томского государственного университета. 2010. Вып. 8 (98). С. 133–137.
2. Битов А. О прозе Владимира Сотникова // Сотников В.М. Покров. М.: Эксмо, 2010. С. 5–8.
3. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 415 с.
4. Есипов В. Роман об отце (рецензия) // Знамя. 2017. № 5. URL : <https://znamlit.ru/publication.php?id=6612> (дата обращения: 08.09.2025).

5. Зубков В.А. Поворот русла. Проза о Великой Отечественной войне сегодня // Вопросы литературы. 2011. № 6. С. 473–486.
6. Ковтун Н.В. «Демонологический» сюжет в повести В. Распутина «Живи и помни» // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 232–241.
7. Ковтун Н.В. Тема памяти в современной прозе о Великой Отечественной войне // Культура и текст. 2020. № 4 (33). С. 6–24.
8. Кукулин И.В. Регулирование боли (Предварительные заметки о трансформации травматического опыта Великой Отечественной / Второй мировой войны в русской литературе 1940–1970-х годов) // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 324–336.
9. Лейдерман Н.Л. Теория жанра. Екатеринбург, 2010. 904 с.
10. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Фронтовая лирическая повесть // Современная русская литература: в 3 кн. М.: Эдиториал УРСС. 2001. Кн. 1 (1953–1968). С. 110–124.
11. Лисюткина Л. Умные умолкают первыми. URL: <https://shaherezada.livejournal.com/487770.html> (дата обращения: 18.09.2025).
12. Моисеева В.Г. Герой и автор «лейтенантской» прозы // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2025. № 3. С. 23–35.
13. Плеханова И.И. Вечная женственность в природно-социальной концепции В.П. Астафьева // В.П. Астафьев: pro et contra, антология / сост., вступ. ст., коммент. Н.С. Цветовой. СПб.: РХГА, 2024. С. 355–366.
14. Распутин В.Г. Что в слове, что за словом? Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. 336 с.
15. Скаковская Л.Н. Военная проза начала XXI века: темы, идеи, образы // Вестник Тверского государственного университета. 2015. № 1. С. 107–113.
16. Сухих О.С. Тема военного преступления в литературе о Великой отечественной войне // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 2. С. 260–267.

Сведения об авторе

Скрипова Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); e-mail: olga-skripova@mail.ru

FATHER'S MEMORY ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945 IN V. SOTNIKOV'S NOVEL *EMMA'S SMILE*

O.A. Skripova (Ekaterinburg, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article is devoted to the problem of a memory about the Great Patriotic War of 1941–1945 in contemporary literature, in particular, in Vladimir Sotnikov's novel *Emma's Smile*. This is the novel about a father who endured the War and a son speaking on his behalf.

The purpose of the article is to consider the creative way treating war memories and to reveal the devices for creation of the image of the Great Patriotic War in the novel.

Methodology (materials and methods). The article employs the system-structural method and the elements of the comparative typological analysis.

Review of scholarly literature on the issue. The emphasis is put on the image of *pneumatosphere* (in terminology of N.L. Leiderman) and on the subject construction of the work: the protagonist re-incarnating into his father thinks, reflects, sees the outer world, and endures events, as if all this has happened to him; there is an illusion that the hard and dreadful truth about the war is shown and narrated by the first-hand participant of the events.

Research results. The mystic 'veyaniye' (developments), sophistic basis, sensation of God, images of angels having the appearance of people encountered in the war fields – all this paradoxically combines with savage pictures, 'trench truth', the tragic love story and philosophic reflections of already mature protagonist.

Conclusions. Sotnikov's novel develops some traditions of the front-line lyrical story (the combination of naturalism and lyrical expression, the moral conflict, the humane-centric inspiration); on the other hand, its aphoristic nature, the dynamics of a search for answers to global questions that determine the plot, and its parable form allow us to attribute this work to intellectual prose. The theme of a memory is crucial in this work. The memory is both salutary and traumatic, where those who died are revived. The thickening memory resembles the creation of the world. This memory is not only individual and socially-historic, but also patrimonial.

Keywords: contemporary Russian literature, war prose, V. Sotnikov, novel, image of war, memory, subject construction.

References

1. Abasheva M.P., Aristov D.V. Voennaya proza 1990–2000-kh godov: genezis i poetika [War Prose of the 1990s–2000s: Genesis and Poetics]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2010, 8 (98), 133–137.
2. Bitov A. O proze Vladimira Sotnikova. [About Vladimir Sotnikov's prose]. In: *Sotnikov V.M. Pokrov*. Moscow, Eksmo, 2010, 5–8.
3. Bulgakov S.N. *Svet nevecherniy: Sozertsaniya i umozreniya* [Non-evening light. Contemplations and speculations]. Moscow, Respublika, 1994. 415 p.
4. Esipov V. Roman ob ottse. (retsenziya) [Novel about father. (review)]. In: *Znamya* [Banner], 2017, 5. APA Style. 2025. Available at: <https://znamlit.ru/publication.php?id=6612> (accessed 8 September 2025).

5. Zubkov V.A. Povорот rusla. Proza o Velikoy Otechestvennoy voyne segodnya [Change of the river course. The prose about the Great Patriotic War today]. In: *Voprosy literatury [Literature questions]*, 2011, 6, 473–486.
6. Kovtun N.V. “Demonologicheskiy” syuzhet v povesti V. Rasputina “Zhivi i pomni” [Demoniacal plot in V. Pasputin’s story “Live and remember”]. In: *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal [Siberian Philological Journal]*, 2015, 2, 232–241.
7. Kovtun N.V. Tema pamyati v sovremennoy proze o Velikoy Otechestvennoy voyne [The theme of a memory in contemporary prose about the Great Patriotic War]. In *Kul'tura i tekst [Culture and text]*, 2020, 4 (33), 6–24.
8. Kukulin I.V. Regulirovanie boli (Predvaritel'nye zametki o transformatsii travmaticheskogo opyta Velikoy Otechestvennoy / Vtoroy mirovoy vojny v russkoy literature 1940–1970-kh godov) [Pain Regulation (Preliminary Notes on the Transformation of the Traumatic Experience of the Great Patriotic War/World War II in Russian Literature of the 1940s–1970s)]. In: *Neprikosnovennyy zapas. [Emergency reserve]*, 2005, 2–3 (40–41), 324–336.
9. Leyderman N.L. *Teoriya zhanra. [Genre theory]*. Ekaterinburg, 2010. 904 p.
10. Leyderman N.L., Lipovetskiy M.N. *Frontovaya liricheskaya povest' [Front-line lyrical stories]*. In: *Sovremennaya russkaya literature [Contemporary Russian literature]*, v 3 t. (1953–1968). Moscow, Editorial, 2001, 1, 110–124.
11. Lisutkina L. Umnye umolkayut pervymi [The clever fall silent first]. APA Style. 2025. Available at: <https://shaherezada.livejournal.com/487770.html> (accessed: 18.09.2025).
12. Moiseeva V.G. Geroy i avtor «leytenantskoy» prozy [Protagonist and author of the “lieutenant” prose]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow University]*, 2025, Seriya 9, Filologiya, 3, 23–35.
13. Plekhanova I.I. Vechnaya zhenstvennost' v prirodno-sotsial'noy kontseptsii V.P. Astaf'eva [Eternal femininity in V.P. Astafyev’s natural-social concept]. In: *V.P. Astaf'ev: pro et contra, antologiya*. St. Petersburg, RKhGA, 2024, 355–366.
14. Rasputin V.G. *Chto v slove, chto za slovom? [What in a word, what behind a word?]*. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izdatel'stvo, 1978. 336 p.
15. Skakovskaya L.N. Voennaya proza nachala XXI veka: temy, idei, obrazy [War prose of the beginning of the XXI century: themes, ideas, images]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tver State University]*. 2015, 1, 107–113.
16. Sukhikh O.S. Tema voennogo prestupleniya v literature o Velikoy otechestvennoy voyne [The theme of war crime in the literature about the Great Patriotic War]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod]*, 2016, 2, 260–267.

About the author

Skripova, Olga A. – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Literature and Methods of Teaching, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia); e-mail: olga-skripova@mail.ru

УДК 81-114

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ЛЕКСЕМЫ СТАРЫЙ

Д.О. Виноградов (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Лексема *старый* представляет собой одно из наиболее многозначных и функционально насыщенных прилагательных русского языка. Она охватывает широкий диапазон значений – от обозначения возрастных характеристик и длительности существования до указания на изношенность, архаичность или культурно-историческую дистанцию. Несмотря на частотность употребления и развитую семантическую структуру, комплексного описания ее лексико-семантического поля, включающего ядро, ближнюю и дальнюю периферию, до настоящего времени не проводилось, что затрудняет систематизацию ее значений и понимание механизмов ее функционирования в различных дискурсах.

Цель исследования заключается во всестороннем описании семантического поля прилагательного *старый*: определении его ядерных и периферийных значений, а также в рассмотрении функционально-стилистических особенностей употребления данной лексемы в различных дискурсах.

Материалы и методы. Исследование основано на данных толковых, этимологических, словообразовательных словарей, а также словарей синонимов и антонимов. Применены методы этимологического, семантического и словообразовательного анализа, компонентный анализ, изучение синонимических, антонимических, гиперо-гипонимических связей и анализ сочетаемости в контекстах современного употребления.

Результаты исследования. Установлено, что ядро семантического поля формируется значением «пожилой возраст» и «длительное существование». Ближняя периферия включает значения, связанные с давностью, устойчивостью и изношенностью (*ветхий, давний, старинный*), тогда как дальняя периферия образована лексемами с ярко выраженной оценочностью и метафоричностью (*устаревший, старомодный, допотопный, архаический*). Выявлена высокая деривационная продуктивность корня *стар-*, формирующего развитое словообразовательное гнездо. Лексема *старый* активно вступает в парадигматические, синтагматические и ассоциативные отношения, демонстрируя сложную полевую организацию и широкую сочетаемость.

Выводы. Лексема *старый* сохраняет исходные древнеславянские значения, однако в современном языке проявляет значительное семантическое разнообразие, охватывая биологические, временные, культурно-исторические и оценочные характеристики. Она функционирует как универсальный маркер давности, традиционности и изношенности, обладает высоким ассоциативным потенциалом и активно используется в разных типах дискурса. Полученные результаты подчеркивают необходимость дальнейшего изучения лексико-семантических полей русского языка и их динамики.

Ключевые слова: *старый, лексико-семантическое поле, деривация, инвариант, гипонимия, парадигматика, синтагматика, оценочность.*

Постановка проблемы. Настоящее исследование продолжает ранее начатую нами работу, направленную на системное описание лексико-семантических структур ментальной оппозиции *старый – молодой* [Виноградов, 2025].

Данная статья включает анализ прилагательного *старый*. Лексема демонстрирует широкий спектр употреблений, охватывающий как денотативно-возрастные значения, так и оценочно-экспрессивные, культурно маркированные и метафорически переосмысленные оттенки. При всей очевидной частотности и многоплановости функционирования комплексная реконструкция семантического поля *старый* с выделением ядерных и периферийных компонентов также представлена в научной литературе неполно. Отсутствие целостной модели затрудняет проведение углубленного лексикографического описания, ограничивает возможности когнитивной интерпретации и снижает аналитический потенциал лексемы.

Обзор научной литературы. Учитывая результаты ранее проведенного нами анализа, посвященного описанию полевой организации признаков прилагательных, представляется целесообразным уточнить теоретические основания, применимые к исследованию лексемы *старый*. В качестве исходной аналитической рамки используется представление о лексико-семантическом поле как об объединении лексических единиц, характеризующихся общностью смысловых компонентов и регулярными типами семантических связей.

В исследованиях последних лет подчеркивается, что поле не является простой совокупностью сходных по значению слов: его сущность определяется внутренними структурными отношениями, формирующими систему, в пределах которой каждый компонент занимает определенное место [Денисенко, Сафаралиева, Перфильева, 2024; Ковлакас, 2025; Исаева, Епатко, 2022; Юдина, Калугина, 2024; Багирова, 2024].

Существенное влияние на развитие данной методологии оказали идеи Л.А. Новикова, который рассматривает семантическое поле как многоуровневую иерархическую структуру, основанную на инвариантном значении. Предложенная исследователем трехмерная модель, включающая синтагматическое, парадигматическое и ассоциативно-деривационное измерения, позволяет описывать разные типы взаимодействий внутри поля и выстраивать его внутреннюю архитектуру. Значимым элементом теории является концепт текстового семантического поля, вводящий возможность анализа полевых структур не только в словарном, но и в текстовом пространстве, что особенно важно при рассмотрении лексемы *старый* в художественном и публицистическом дискурсе [Новиков, 2001].

Разработка категориальных характеристик лексико-семантического поля представлена в работах Е.И. Дибровой, определяющей его как иерархически организованную систему лексических единиц, связанных общим родовым значением и образующих особую семантическую зону языка [Диброва, 2018]. Для прилагательного *старый* данная трактовка позволяет последовательно выделить доминантные и периферийные смысловые компоненты, а также уточнить механизм их взаимодействия.

Значимый для настоящего исследования методологический акцент содержится в логико-семантическом подходе Е.А. Митиной, который опирается на принцип идентификации, разработанный Ш. Балли. В рамках данного подхода

ключевым элементом анализа выступает слово-идентификатор – единица, задающая обобщенное значение поля и определяющая структуру семантических отношений между его компонентами. Этот принцип позволяет установить место прилагательного *старый* в системе родственных по значению лексем и точно определить степень его семантической абстракции [Митина, 2010].

К близким по направленности, но более строго формализованным моделям относится метод ступенчатой выборки Э.В. Кузнецовой. В данной методике каждая словарная дефиниция рассматривается как развернутое описание, позволяющее выявлять слова-идентификаторы различных уровней и вслед за этим определять стержневую единицу поля. Метод предоставляет возможность реконструировать структуру признаковых полей, что делает его особенно эффективным в случае анализа лексемы *старый* [Кузнецова, 1982].

Наконец, в исследованиях В.Н. Денисенко [Денисенко, 2012] семантическое поле интерпретируется с позиций теории множеств. Здесь лексические элементы рассматриваются как единицы множества, дифференциация которых на подклассы осуществляется путем выделения устойчивых дифференциальных признаков. Особое внимание уделяется отношениям гиперонимии и гипонимии, а также механизму несовместимости, что позволяет реконструировать инвариант значения, определить ядро поля и установить состав микроструктур. Подобная формализованная модель анализа оказывается продуктивной для описания семантического варьирования прилагательного *старый*, в частности его перехода от денотативных значений к субъективно-оценочным и метафорическим [Абрамов, 1992; Кузнецова, 1963; Щур, 1974].

Цель исследования состоит в комплексном описании семантического поля прилагательного *старый*, включая выявление его центральных и периферийных смысловых зон, а также анализ стилистических и функциональных характеристик употребления данной лексемы в различных типах дискурса.

Материалы и методы. Эмпирическую базу исследования составили данные толковых словарей русского языка (включая издания Ушакова, Евгеньевой и Ефремовой), материалы этимологических словарей, словари синонимии и антонимии, а также словообразовательные ряды, фиксирующие производные от прилагательного *старый*. Кроме того, анализ опирался на корпусные примеры употребления лексемы в различных жанровых и стилевых условиях.

Методическая стратегия исследования включала комплекс подходов: этимологический анализ, позволивший проследить историческое развитие слова; лексикографическое сопоставление, направленное на выявление особенностей словарных интерпретаций; семантическую классификацию значений с учетом их распределения в пределах поля; изучение словообразовательных моделей, связанных с лексемой *старый*; анализ синонимических и антонимических корреляций. Дополнительное внимание уделялось исследованию сочетаемости и синтагматических характеристик, а также компонентному анализу, который позволил реконструировать внутреннюю организацию значения и уточнить состав его семантических элементов.

Результаты исследования. Прилагательное *старый* относится к исконно славянской лексике и восходит к общеславянской основе *starъ, starъjъ*, зафиксированной в памятниках древнерусской и старославянской письменности. Этимологически данная основа восходит к праиндоевропейскому корневому комплексу *sta-r(o)-*, который реконструируется со значением «большой, крепкий, устойчивый». Указанная индоевропейская база прослеживается в ряде родственных по происхождению форм: древнескандинавском *storr* («большой») и древнеиндийском *sthira* («крепкий, твердый»). Наличие регулярных фонетико-семантических соответствий подтверждает древность и широкую распространенность данной корневой морфемы в индоевропейском языковом ареале.

В славянских языках семантическая линия, связанная со значением «старость», проявляется в украинском *старий*, словацком *stary* и других соотносимых лексемах, что указывает на стабильность и устойчивость корневого значения в пределах славянской языковой семьи.

От рассматриваемой основы в русском языке формируется разветвленная словообразовательная парадигма: *старик, старушка, старость, стареть, устаревший* и др., – отражающая различные аспекты концепта старения. Тем самым прилагательное *старый* репрезентует собой лексему с древней индоевропейской основой, интегрированную в славянскую морфолого-семантическую систему и сохранившей историческую преемственность в развитии значений¹.

Согласно словарю Д.Н. Ушакова, слово *старый* означает «достигший старости»².

В словаре под редакцией А.П. Евгеньевой³, слово *старый* означает:

1. «Проживший много лет, достигший старости».
2. «Давно существующий, возникший, появившийся задолго до настоящего времени».
3. «Давно находящийся в употреблении, давно сделанный и утративший от времени свои качества».
4. «Давно приготовленный и имеющий большую крепость, остроту (о некоторых напитках)».

Согласно словарю Т.Ф. Ефремовой⁴, слово *старый* означает:

1. «Проживший много лет и достигший старости».
2. «Созданный давно, существующий долгое время (противоп.: новый)».
3. «Бывший в употреблении, пользовании долго; поношенный, подержанный. // разг. Утративший свои качества, ставший несвежим от длительного хранения (о продуктах питания). // разг. Негодный, недействительный (по прошествии определенного срока или после использования)».

¹ Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка. М.: ЮНВЕС, 2003. 704 с.

² Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2017. 1248 с.

³ Малый академический словарь / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 3: П – Р. 750 с.

⁴ Толковый словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой. М., 2009. 1213 с.

4. «Давно прошедший, минувший (о времени)».

Анализ словарных дефиниций позволяет заключить, что прилагательное *старый* функционирует для обозначения объектов, достигших значительной степени возрастной давности или длительности существования, а также предметов и явлений, утративших первоначальные свойства вследствие времени или использования. Семантическая структура лексемы формируется несколькими ключевыми компонентами: возрастной характеристикой живого существа, временной протяженностью существования предмета, степенью его изношенности или утраты новизны, а также признаком длительного выдерживания (например, в отношении напитков). Таким образом, лексема охватывает широкий спектр значений, объединяя как антропологические и биологические параметры, так и свойства объектов материального мира и категории времени.

Анализ данных словарей синонимов показывает, что прилагательное *старый* обладает разветвленной системой семантических коррелятов. В сфере возрастной характеристики человека к синонимическому ряду относятся: *престарелый, пожилой, седой, поседелый, ветеран*. В значениях, связанных с длительностью существования предмета или явления, используются: *древний, многолетний, вековой, старинный, давний, старобытный, стародавний, допотопный, исконный, извечный*. В контекстах, отражающих утрату новизны или физическую изношенность, функционируют: *ветхий, обветшалый, поношенный, подержанный, истертый, потрепанный, полинялый, затасканный*. Отдельную группу образуют синонимы с оценочным или культурно-маркированным оттенком: *устарелый, старомодный, архаический, застарелый, закоснелый, заматорелый, отживший, отсталый*⁵. Антонимическая сфера прилагательного *старый* охватывает два основных направления. Во-первых, противопоставления, связанные с возрастом живого существа: *молодой, юный, новорожденный*. Во-вторых, антонимы, отражающие актуальность, новизну или современность объекта: *новый, современный, свежий, актуальный, недавний*. Таким образом, антонимические корреляты распределяются между биологическими характеристиками и более абстрактными семантическими признаками, связанными с временной новизной и степенью соответствия современным нормам⁶.

В структуре лексемы *старый* выявляется несколько обобщающих гиперонимов, отражающих ключевые направления ее употребления: *человек* (по возрастной характеристике), *живое существо, предмет, время, степень сохранности/изношенности, культурно-исторический объект*. Соответственно, для них выделяются гипонимы: *старик, старуха, пенсионер* (для человека), *старое дерево, старый конь* (для животных и растений), *старый дом, старое платье, старый*

⁵ Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: около 5000 синонимических рядов; 20 000 синонимов. 5-е изд., испр. и доп. М.: Русские словари, 1994. 499 с.

⁶ Словарь синонимов и антонимов современного русского языка / под ред. А.С. Гавриловой. 50 000 слов. М.: Аделант, 2012. 800 с.

инструмент (для предметов), *старые времена*, *старый год* (для временных обозначений), *ветхий документ*, *устаревший метод* (для абстрактных сущностей). Тем самым лексема *старый* выступает как обобщенное наименование длительного существования, возрастной зрелости или утраты новизны в различных онтологических сферах.

Ядром лексико-семантического поля является сама лексема *старый*. К ближайшей периферии относятся слова: *пожилой*, *престарелый*, *ветхий*, *давний*, *старинный*. Дальняя периферия охватывает лексемы с оценочно-метафорическими или культурно-маркированными признаками: *отживший*, *устарелый*, *архаический*, *допотопный*, *закоснелый*, *старомодный*. Эти элементы демонстрируют расширение семантики в сторону субъективно-оценочных характеристик, социальных коннотаций и культурно-исторических интерпретаций.

В ходе анализа устанавливаются следующие типы связей. Гиперо-гипонимическая связь: *старый человек* ↔ *человек*, *старый дом* ↔ *здание*, *старое дерево* ↔ *растение*. Пересечения: *старый* ↔ *давний* (общая сема «существующий длительное время»), *старый* ↔ *устаревший* (общая сема «потерявший актуальность»), *старый* ↔ *ветхий* (общая сема «изношенный»). Синонимические отношения: *старый* ↔ *пожилой*, *старый* ↔ *древний*, *старый* ↔ *ветхий*, *старый* ↔ *старинный*. Градуальные отношения: *немолодой* ↔ *пожилой* ↔ *старый* ↔ *престарелый*; *старый* ↔ *ветхий* ↔ *обветшалый*; *старый* ↔ *давний* ↔ *вековой*.

В результате анализа словообразовательного гнезда прилагательного *старый* были установлены родственные лексемы, отражающие различные аспекты значения и процесса старения: *старость*, *старик*, *старушка*, *старенький*, *старикан*, *стареть*, *постареть*, *устаревший*, *устаревать*, *застарелый*, *стародавний*, *старинный*, *старомодный*, *старица*. Полученная совокупность форм демонстрирует широкую деривационную продуктивность основы *стар-*, а также разнообразие семантических направлений ее развития. Среди производных от прилагательного *старый* фиксируется широкий круг лексем, отражающих как биологические, так и временные, качественные и оценочные характеристики. Существительное *старость* обозначает «период жизни, следующий за зрелостью», а также может характеризовать длительное существование предмета и степень его изношенности⁷. Лексема *старик* номинирует «мужчину преклонного возраста», но также способна развивать переносные значения, например, обозначать человека, длительное время работающего в определенной сфере, либо выступать в функции фамильярного обращения⁸. Схожим образом *старушка* функционирует как уменьшительно-ласкательное или, напротив, уничижительное обозначение женщины пожилого возраста⁹. Прилагательное *старенький* также несет уменьшительный-ласкательный оттенок, усиливая субъективно-оценочную характеристику

⁷ Толковый словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой. М., 2009. 1213 с.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

признака старости¹⁰. Слово *старикан* представляет разговорную форму номинации пожилого мужчины и часто маркируется фамильярностью¹¹. Глаголы *стареть* и *постареть* описывают процесс возрастных изменений или постепенную утрату исходных свойств предметов; кроме того, *стареть* может обозначать утрату актуальности¹². К этой же семантической сфере примыкают *устаревший* и *устаревать*, употребляющиеся для характеристики явлений, предметов или языковых единиц, не соответствующих современным требованиям и выходящих из употребления¹³. Лексемы *застарелый*, *стародавний*, *старинный* связаны с понятием давности и выражают признак «длительно существующий» или «относящийся к далекому прошлому». В их значениях варьируются как хронологические, так и оценочные компоненты: от нейтрального указания на старинное происхождение до выраженной архаичности¹⁴. Прилагательное *старомодный* представляет переносное развитие признака «старый», обозначая устаревшие привычки, взгляды и предметы, вышедшие из моды¹⁵. Особый интерес представляет существительное *старица*, которое в одном значении обозначает «женщину пожилого возраста» (женскую форму от *старец*), а в другом – термин гидрографии «старое русло реки», что свидетельствует о метафорическом расширении корневой семантики «давности» и «отжившего состояния»¹⁶.

Лексема *старый* обладает высокой сочетаемостной активностью и демонстрирует широкий спектр синтагматических связей. Она регулярно употребляется с существительными различных семантических классов: *старый человек*, *старый приятель*, *старый профессор*, *старый дом*, *старый инструмент*, *старое дерево*, *старый костюм*, *старое предание*, *старый год*, *старые времена*. В сочетаниях с наречиями степени формируются конструкции типа: *очень старый*, *довольно старый*, *слишком старый*, *уже старый*, *совсем старый*.

В роли подлежащего лексема *старый* участвует в предикативных структурах, обозначающих изменения состояния или длительное существование: *старый дряхлеет*, *старый разрушается*, *старый трескается*, *старый ветшает*, *старый слабеет*. В составном именном сказуемом она функционирует в конструкциях: *выглядеть старым*, *казаться старым*, *становиться старым*, *оставаться старым*, *считать себя старым*.

Такое разнообразие синтагматических позиций показывает, что прилагательное *старый* активно взаимодействует с разными грамматическими и семантическими классами слов, участвует в обозначении динамики изменений, качественных характеристик и временной дистанции, что свидетельствует о высокой функциональной значимости и частотности данной лексемы в языке.

¹⁰ Толковый словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой. М., 2009. 1213 с.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

Выводы. Проведенный анализ позволяет утверждать, что лексема *старый* сохраняет исходную, восходящую к древнеславянской и праиндоевропейской традиции семантику, связанную с возрастом, длительностью существования и степенью утраты новизны. Вместе с тем в современном русском языке ее значение демонстрирует значительную дифференциацию и расширение: формируются отдельные семантические направления – возрастное, временное, качественно-оценочное, культурно-историческое. Лексема участвует в широком спектре синтагматических, парадигматических и ассоциативных связей, проявляя высокую сочетаемость и формируя обширное словообразовательное гнездо. Системный характер ее функционирования свидетельствует о развитой полевой структуре, включающей ядро (*старый, пожилой, давний, ветхий*) и разветвленную периферию (*устаревший, старомодный, архаический, допотопный*). Можно предположить дальнейшее усиление оценочных и метафорических употреблений прилагательного *старый*, особенно в публицистическом и культурологическом дискурсах, где возраст осмысливается как социальная, символическая и идеологическая категория.

Заключение. Исследование показало, что лексема *старый* занимает заметное место в системе русского языка благодаря своей исторической глубине, семантической многослойности и высокой частотности. Она функционирует не только как обозначение возрастного признака, но и как универсальный индикатор давности, длительности, традиционности и изношенности, охватывая широкий спектр предметных и абстрактных сфер. Такая многоплановая семантика обеспечивает слову важную роль в различных типах дискурса – научном, художественном, разговорном, публицистическом, техническом. Систематизация значений, связей и синтагматических моделей лексемы *старый* позволяет глубже понять механизмы формирования и функционирования лексико-семантических полей и может служить базой для дальнейших исследований, в том числе для разработки новых лексикографических моделей, анализа дискурсивных практик и совершенствования методик преподавания языка.

Библиографический список

1. Абрамов В.П. Синтагматика семантического поля. Ростов-на-Дону, 1992.
2. Багирова С.Н. Доминирующая роль метафоры в построении семантического поля лексемы // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 12 (150). С. 1–4.
3. Виноградов Д.О. Лексико-семантическое поле лексемы *молодой* // Сибирский филологический форум. 2025. № 3. С. 75–83. DOI: 10.24412/2587-7844-2025-3-75-83
4. Денисенко В.Н. Общее значение единиц семантического поля: становление и содержание понятия // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 3. С. 12–15.

5. Денисенко В.Н., Сафаралиева Л.А., Перфильева Н.В. Семантическая динамика лексемы «пенсионер» в русской лингвокультуре // Русистика. 2024. № 1. С. 58–72.
6. Диброва Е.И. Лексико-семантическое поле и авторские проекции художественного текста. М.: Наука, 2018. 428 с.
7. Исаева Л.А., Епатко Т.А. Лексико-семантическое поле вербализаторов концепта конь/лошадь: общекультурная и региональная специфика // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 221–233.
8. Ковлакас Е.Ф. Концепт «время» в топонимической картине мира поликультурного региона // Научная мысль Кавказа. 2025. № 2. С. 108–113.
9. Кузнецова А.И. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. М., 1963.
10. Кузнецова Э.В. Итоги и перспективы семантической классификации русских глаголов // Семантические классы русских глаголов. Свердловск, 1982. С. 3–7.
11. Луков В.А. Молодой герой в литературе // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 1. С. 141–147.
12. Митина Е.А. К вопросу о структуре лексико-семантического поля «Смерть» // Вестник ЧГПУ. 2010. № 12. С. 291–302.
13. Новиков Л.А. Эскиз семантического поля // Новиков Л.А. Избранные труды. Miscellanea. М.: Изд-во РУДН, 2001. Т. II: Эстетические аспекты языка. С. 554–570.
14. Рогова К.А. Знания о современном мире в речи молодого человека // Записки Горного института. 2011. С. 16–20.
15. Романова Т.В. Языковое сознание молодого россиянина // Мир русского слова. 2009. № 2. С. 60–67.
16. Щур Г.С. Теории поля в лингвистике. М.: Наука, 1974.
17. Юдина Н.В., Калугина О.А. Компонентный анализ в исследовании семантического поля // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 3 (106). С. 393–395.

Сведения об авторе

Виноградов Дмитрий Олегович – аспирант кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: dmitru98@gmail.com

LEXICAL-SEMANTIC FIELD OF THE LEXEME 'OLD'

D.O. Vinogradov (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The lexeme 'stary' (old) is one of the most polysemous and functionally rich adjectives in the Russian language. It covers a wide range of meanings—from denoting age-related characteristics and duration of existence to indicating wear, obsolescence, or cultural-historical distance. Despite its high frequency and well-developed semantic structure, a comprehensive description of its lexical-semantic field, including the core, near periphery, and distant periphery, has not yet been conducted, which complicates the systematization of its meanings and understanding of the mechanisms of its functioning across various discourses.

The purpose of the study is to comprehensively describe the semantic field of the Russian adjective 'old': to determine its core and peripheral meanings, as well as to consider the functional and stylistic features of the use of this lexeme in various discourses.

Materials and methods. The study relies on data from explanatory, etymological, and word-formation dictionaries, as well as synonym and antonym dictionaries. The methods applied include etymological, semantic, and word-formation analysis, componential analysis, examination of synonymic, antonymic, and hyperonymic–hyponymic relations, and collocational analysis based on contemporary language use.

Research results. It has been established that the core of the semantic field is formed by the meanings 'advanced age' and 'long duration of existence'. The near periphery includes meanings associated with antiquity, stability, and wear (worn-out, ancient, old-time), whereas the distant periphery is represented by lexemes with marked evaluative and metaphorical connotations (obsolete, old-fashioned, antiquated, archaic). A high derivational productivity of the root *star-* forming an extensive word family has been revealed. The lexeme 'stary' actively participates in paradigmatic, syntagmatic, and associative relations, demonstrating a complex field structure and wide combinability.

Conclusions. The lexeme 'stary' preserves its original Old Slavonic meanings, yet in modern Russian it demonstrates significant semantic diversity, encompassing biological, temporal, cultural-historical, and evaluative characteristics. It functions as a universal marker of antiquity, traditionality, and wear, possesses a high associative potential, and is widely used across various types of discourse. These findings emphasize the need for further research into the Russian lexical-semantic fields and their dynamics.

Keywords: *old, lexical-semantic field, derivation, invariant, hyponymy, paradigmatics, syntagmatics, evaluation.*

References

1. Abramov V.P. Sintagmatika semanticheskogo polia [Syntagmatics of the semantic field]. Rostov-na-Donu, 1992.
2. Bagirova S.N. Dominiruiushchaia rol' metafor v postroenii semanticheskogo polia leksemy [The dominant role of metaphor in constructing the semantic field of a lexeme]. In: *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal [International Research Journal]*, 2024, 12 (150), 1–4.

3. Denisenko V.N. Obshchee znachenie edinits semanticheskogo polia: stanovlenie i sodержanie poniatii [General meaning of units of the semantic field: formation and content of the concept]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Serii: Teorii iazyka. Semiotika. Semantika* [Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics], 2012, 3, 12–15.
4. Denisenko V.N., Safaralieva L.A., Perfil'eva N.V. Semanticheskaja dinamika leksemy "pensioner" v russkoi lingvokul'ture [Semantic dynamics of the lexeme "pensioner" in Russian linguistic culture]. In: *Rusistika* [Russian Studies], 2024, 1, 58–72.
5. Dibrova E.I. Leksiko-semanticheskoe pole i avtorskie proektsii khudozhestvennogo teksta [Lexico-semantic field and authorial projections of a literary text]. Moscow, Nauka, 2018. 428 p.
6. Isaeva L.A., Epatko T.A. Leksiko-semanticheskoe pole verbalizatorov kontsepta kon'/loshad': obshchekul'turnaia i regional'naia spetsifika [Lexical-semantic field of verbalizers of the concept horse: general cultural and regional specifics]. In: *Vestnik slavianskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures], 2022, 65, 221–233.
7. Kovlakas E.F. Kontsept "vremia" v toponimicheskoi kartine mira polikul'turnogo regiona [The concept "time" in the toponymic worldview of a multicultural region]. In: *Nauchnaia mysl' Kavkaza* [Scientific Thought of the Caucasus], 2025, 2, 108–113.
8. Kuznetsova A.I. Poniatie semanticheskoi sistemy iazyka i metody ee issledovaniia [Concept of the semantic system of language and research methods]. Moscow, 1963.
9. Kuznetsova E.V. Itogi i perspektivy semanticheskoi klassifikatsii russkikh glagolov [Results and perspectives of semantic classification of Russian verbs]. In: *Semanticheskie klassy russkikh glagolov* [Semantic Classes of Russian Verbs], Sverdlovsk, 1982, 3–7.
10. Lukov V.A. Molodoi geroi v literature [The young hero in literature]. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2005, 1, 141–147.
11. Mitina E.A. K voprosu o strukture leksiko-semanticheskogo polia "Smert'" [On the structure of the lexical-semantic field "Death"]. In: *Vestnik ChGPU* [Bulletin of ChGPU], 2010, 12, 291–302.
12. Novikov L.A. Eskiz semanticheskogo polia [Sketch of a semantic field]. In: Novikov L.A. Izbrannye trudy. T. II: *Esteticheskie aspekty iazyka. Miscellanea* [Selected Works. Vol. II: Aesthetic Aspects of Language. Miscellanea], Moscow, Izdatel'stvo RUDN, 2001, 554–570.
13. Rogova K.A. Znaniia o sovremennom mire v rechi mladogo cheloveka [Knowledge about the modern world in young people's speech]. In: *Zapiski Gornogo instituta* [Notes of the Mining Institute], 2011, 16–20.
14. Romanova T.V. Iazykovoe soznanie mladogo rossiianina [Language consciousness of the young Russian]. In: *Mir russkogo slova* [World of the Russian Word], 2009, 2, 60–67.

15. Shchur G.S. Teorii polia v lingvistike [Field theories in linguistics]. Moscow, Nauka, 1974.
16. Iudina N.V., Kalugina O.A. Komponentnyi analiz v issledovanii semanticheskogo polia [Componential analysis in the study of a semantic field]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia* [World of Science, Culture, Education], 2024, 3 (106), 393–395.
17. Vinogradov D.O. Leksiko-semanticheskoe pole leksemy molodoj [Lexico-semantic field of the young lexeme]. In: *Sibirskij filologicheskij forum* [Siberian Philological Forum], 2025, 3, 75–83. DOI: 10.24412/2587-7844-2025-3-75-83

About the author

Vinogradov, Dmitry O. – PhD Candidate, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: dmitru98@gmail.com

УДК 81'44

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ «СЕМЬЯ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ

Е.А. Гаврилкова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Психолингвистика располагает целым арсеналом исследовательских инструментов, наиболее популярным из которых является свободный ассоциативный эксперимент (САЭ), позволяющий моделировать структуры языкового сознания (языковой картины мира).

Цель исследования – выявление ценностных представлений молодежи разных регионов России в структуре и семантике фрагмента языкового сознания «Семья».

Метод исследования. В рамках психолингвистического направления основной метод исследования – свободный ассоциативный эксперимент, результатом которого является ассоциативное поле (АП), анализируемое путем структурно-семантического описания.

Результаты исследования. В работе представлен анализ ассоциативного поля «Семья», полученный в результате САЭ среди молодежи города Красноярск. Проведен сравнительный анализ с АП, представлены в словаре ЕврАС, выявлены особенности структуры, семантики в АП «Семья» разных регионов и временных срезов, отмечены изменения, обусловленные временными различиями в языковом сознании испытуемых.

Выводы. Динамика ценностей в АП «Семья» отмечается относительно времени. В языковом сознании испытуемых 2025 г. преобладают акценты на эмоциональной, психологической и личностной сферах в семантической структуре АП, в языковом сознании испытуемых 2008–2011 гг. (ЕврАС) – на бытовой и социальной.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, психолингвистика, языковое сознание, ассоциативное поле, реакция, стимул.

Постановка проблемы. В современных психолингвистических исследованиях ключевыми являются термины: языковое сознание, ассоциативный эксперимент, ассоциативные словари, ассоциативное поле.

«Языковое сознание в отечественной психолингвистике трактуется как совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей. Главное в этой дихотомии “сознание и язык”, естественно, сознание» [Тарасов, 2000, с. 26].

Свободный ассоциативный эксперимент (САЭ) пользуется популярностью в современной психологии, психолингвистике, нейролингвистике и т.д. Он позволяет исследовать языковые процессы, связанные с мышлением. Результаты САЭ дают более глубокое понимание о языковом сознании и речевой способности

человека. Данные САЭ находят практическое применение в различных областях, таких как маркетинг, реклама и образование, для выявления объективных представлений о мышлении и сознании. В образовательной практике САЭ может использоваться для определения речевой способности обучающихся.

Ассоциативный эксперимент может проводиться в трех вариантах: 1) свободный ассоциативный эксперимент; 2) направленный ассоциативный эксперимент; 3) цепочечный ассоциативный эксперимент. В первом случае испытуемым не дается дополнительных заданий. Во втором – дается дополнительное задание отвечать определенной частью речи или грамматической формой, в третьем – нужно дать несколько реакций на стимул. Основное правило ассоциативного эксперимента заключается в фиксации первой, спонтанной реакции на стимул. В результате таких исследований ученые получают информацию о том, каким образом слова и понятия связаны в сознании людей.

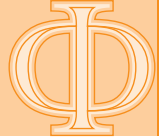
Ассоциативным полем (АП) является совокупность ассоциатов на слово-стимул. В результате массовых САЭ после обработки полученных данных создаются ассоциативные словари. «В формальном отношении ассоциативный словарь – это совокупность ассоциаций, полученных в свободном ассоциативном эксперименте в ответ на предложенные стимулы и составляющих ассоциативное поле этих стимулов, т.е. вступающих в разного рода отношения с ним. Исходя из основного посыла свободного ассоциативного эксперимента, таким способом можно получить проекцию сознания, его “овнешнение”» [Васильев, Васильева, Тимченко, 2015, с. 11].

Институт семьи является фундаментальной ценностью для любой культуры, что находит глубокое отражение в языке, а в результате САЭ может быть представлено и в языковом сознании (языковой картине мира) через слова-ассоциации, объединенные в ассоциативное поле «Семья», аккумулирующее в себе индивидуальный и социальный опыт, традиции, морально-этические нормы и стереотипы поведения социума.

Цель исследования – выявление ценностных представлений молодежи разных регионов России о главном социальном институте общества – семье – и сопоставление данных САЭ молодежи города Красноярска с результатами опроса европейской части России, представленными в ассоциативном словаре: Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. «Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕврАС».

Обзор научной литературы. В основе психолингвистических исследований лежат теория речевой деятельности А.Н. Леонтьева, теория языкового сознания А.А. Леонтьева, принципы психолингвистической школы о закономерностях формирования и функционирования языкового сознания, определенные в трудах Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, Ю.А. Сорокина, Ю.Н. Караулова.

Ассоциативный подход к значению в свое время получил высокую оценку со стороны А.А. Леонтьева, отметившего, что выделенные методом Дж. Диза факторы легко интерпретируются содержательно как семантические компоненты

слов, а это может служить одним из доказательств принципиального единства психологической природы семантических и ассоциативных характеристик слов [Леонтьев, 1969, с. 268].

Потенциал рассмотренного подхода далеко не исчерпан, а перспективы его дальнейшего применения определяются возможностью интеграции в более полную теорию специфики индивидуального знания и принципов его функционирования [Залевская, 1999, с. 106].

Основатель тверской психолингвистической школы А.А. Залевская считает слово «основным доступом к сознанию (подсознанию)» [Залевская, 1998]. САЭ позволяет оперировать ассоциативным значением, воспроизводимым из отношений стимула и реакции: $S \rightarrow R$. По мнению исследователя, в качестве основных классификационных оснований выступали законы группировки ассоциаций по смежности, контрасту и сходству, демонстрирующие типы семантических отношений между стимулом и реакцией. А.А. Леонтьев также отмечал это во введении к «Словарю ассоциативных норм русского языка» в 1977 г.

В 70-е гг. XX в. появляется представление об ассоциативной паре как акте предикации, т.е. свернутом высказывании, которое можно развернуть в соответствии с закономерностями ассоциативного процесса. Это направление получило развитие в работах И.Г. Овчинниковой¹, Ю.Н. Караулова [Караулов, 1999] и других исследователей.

«Ассоциация имеет две основные характеристики – качественную (тип ассоциативной связи) и количественную (вероятность установления связи). Установление функций ассоциативных связей в порождении и восприятии речи в зависимости от качественных и количественных характеристик ассоциации – суть исследования ассоциативного механизма в речемыслительной деятельности»².

Н.В. Уфимцева, автор статьи «Ассоциативный словарь как модель языковой картины мира», описывая значение ассоциативных словарей, характеризует методику ассоциативного эксперимента и способы использования ассоциативных словарей в описании картины мира.

Н.В. Уфимцева считает, что полученную таким способом ассоциативно-вербальную сеть можно рассматривать в качестве модели языковой картины мира носителя того или иного языка/культуры и отмечает ее важнейшие качества:

1) эта модель описывает опыт носителя языка как создателя и потребителя текстов и отражает структуру «разумно-человеческого общения», отражает предречевую готовность носителя языка, тем самым она отражает весь предыдущий речевой и неречевой опыт;

2) данная модель имеет системно-целостный характер, общий с языковой картиной мира носителя языка, поскольку организована с точки зрения значимости/ценности тех или иных элементов в общей их иерархии. Для анализа аспекта

¹ Овчинникова И.Г. Ассоциативный механизм в речемыслительной деятельности: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2002. 382 с.

² Там же. С. 11.

модели вводится понятие ядра языкового сознания, в котором выделяется центр ядра и указывается ранг каждого входящего в него элемента;

3) ассоциативно-вербальная сеть строится на материале любого языка при наличии достаточно большого количества данных, полученных в ассоциативных экспериментах;

4) для модели в целом и для каждого ее отдельного фрагмента является принцип значимости. Каждый элемент ассоциативно-вербальной сети имеет и значение, и значимость одновременно. Именно это и свидетельствует о том, что он входит в систему и его значимость/ценность определяется исходя именно из системы как целого [Уфимцева, 2014, с. 341].

Среди современных психолингвистических исследований множество работ посвящено описанию ассоциативных полей как фрагмента языкового сознания (языковой картины мира). В частности, в диссертационном исследовании Н.В. Акованцевой «Ассоциативное поле как особый вид лексической группировки (на материале экспериментального исследования ассоциативного поля «отдых/отдыхать»)» доказано, что «Ассоциативное поле (кластер) *отдых/отдыхать* имеет структуру пирамидального типа: лексемы исследуемого поля распределены по зонам по принципу пирамиды – ядро ограничено по количеству единиц, ближняя периферия более многочисленна, дальняя периферия еще многочисленнее, и наиболее многочисленной является крайняя периферия поля. Ассоциативный континуум характеризуется отсутствием резких границ между зонами периферии»³.

Методология исследования основана на достижениях психолингвистики – науки, цель которой – описание и объяснение особенностей функционирования языка как психического феномена и его взаимоотношение с сознанием и мышлением [Залевская, 1999]. Данные компоненты неразрывно связаны между собой, они образуют языковое сознание – опосредованный языком образ мира той или иной культуры. Иными словами, язык и его речевое проявление используются людьми для выражения смыслов, отражения состояния сознания, проявления психологического содержания внутреннего мира человека.

«Основным инструментом сбора материала для построения ассоциативных словарей является широко используемый в психологии и психолингвистике метод свободного ассоциативного эксперимента с регистрацией первого ответа. Материалы, собранные с помощью этой методики, позволяют судить об особенностях функционирования языкового сознания человека» [Уфимцева, 2014, с. 343].

Методами исследования в работе являются традиционно используемые в экспериментальной психолингвистике описание АП путем выделения зон поля на основе количественного фактора ассоциаций и семантический анализ лексем ассоциативного поля «Семья».

³ Акованцева Н.В. Ассоциативное поле как особый вид лексической группировки (на материале экспериментального исследования ассоциативного поля «отдых/отдыхать»): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2022. 24 с.

Под ассоциативным полем понимается функциональная психолингвистическая модель, фиксирующая ассоциативные связи слов, выявленные экспериментально, модель, представляющая реальный фрагмент языкового сознания в процессе коммуникации.

Результаты исследования. Для получения данных нами был проведен САЭ среди студентов разных специальностей города Красноярска на стимул «семья». В нем приняло участие 103 респондента. Таким образом, мы получили ассоциативное поле «семья», в котором 103 реакции, из них 20 неединичных, 13 единичных.

При интерпретации полученных в АП ассоциаций учитывается прежде всего частотность воспроизведения реакций, обуславливающая место в иерархии ценностей на данный стимул в группе респондентов.

Ядерная зона АП «Семья»: любовь (19), опора (7), тепло (7), дом (6), уют (6), большая (6), поддержка (5), счастье (5).

Околоядерная зона АП «Семья»: защита (4), родные (4), окружение (3), очаг (3), смысл жизни (3).

Ближняя периферия АП «Семья»: близкие (2), боль (2), брат (2), дети (2), мама (2), папа (2), ячейка общества (2).

Дальняя периферия АП «Семья»: вдохновение (1), вместе (1), воспитание (1), любимые (1), мечта (1), обыденность (1), отношение (1), Рай (1), семья (1), сила (1), страх (1), цель (1), Цифра 7 (1).

Ядерная зона АП «Семья» представляет собой самые важные ценности языкового сознания исследуемых, главная из которых для испытуемых красноярцев – любовь (19) – базовая ценность семейных отношений.

На втором месте по значимости – опора (7), тепло (7). Видимо, опыт молодых людей достаточен для того, чтобы оценить, что семья дает опору и тепло в жизни, среди разных людей и событий.

На третьем – дом (6), уют (6), большая (6). В группе испытуемых семья ассоциируется с домом и уютом, и она должна быть большая.

На четвертом месте – поддержка (5), счастье (5), то, в чем человек нуждается в жизни, что может дать семья.

Ассоциации околоядерной зоны АП «Семья» семантически близки к ассоциатам ядерной зоны. В чувственном восприятии – это смысл жизни (3), что усиливает ценность семьи в сознании испытуемых.

В плане опоры – это защита (4). Очаг (3) – это символ дома, тепла, уюта. Родные (4), окружение (3) – это члены семьи, без которых семья невозможна.

Ассоциации ближней периферии зоны АП «Семья» включают перечень близких членов семьи: «мама», «папа», «дети», «брат» – и слово «боль» – чувство, которое люди испытывают, когда волнуются за близких.

Ассоциации дальней периферии – это единичные реакции. Исследователи отмечают: «К периферийной зоне ассоциативного поля принято относить менее частотные ассоциации. Не следует пренебрегать единичными реакциями, так как большинство из них продолжает направления ассоциирования, которые

намечены ассоциациями центральной ассоциативной зоны. Необходим комплексный учет всех реакций, а единичные реакции свидетельствуют о специфике ассоциативных структур языка» [Бурнаева, 2011, с. 52].

Среди единичных реакций-ассоциаций, которые могли составить лексико-семантические группы с ядерными и околядерными реакциями (в скобках даны единичные из зоны дальней периферии): любовь, смысл жизни (любимые), опора, защита (сила), тепло, очаг (Рай), большая, родные, окружение (семья, Цифра 7, воспитание), счастье (мечта, цель, отношение). В основном АП «Семья» демонстрирует положительные чувства, виды деятельности и символы, связанные с семьей. Но на уровне ближней и дальней периферии наблюдаются такие чувства, как боль (2), страх (1), свидетельствующие о силе родственных переживаний за близких.

В итоге становится очевидным, что для группы испытуемых красноярцев семья – это любовь, счастье, смысл жизни, но иногда – боль и страх за близких.

Вторая часть исследования – сопоставление данных АП «Семья» молодежи города Красноярска с результатами опроса молодежи европейской части России, представленными в ассоциативном словаре: Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. «Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕврАС» [Черкасова, Уфимцева, 2014].

Участниками эксперимента «традиционно стали студенты вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Воронежа, Твери, Сыктывкара, Ростова-Дону, Владимира, Калуги, Рязани, Курска, Мурманска, Ижевска, Ульяновска и др. городов. Общее количество респондентов превысило 5500 человек, что призвано свидетельствовать о репрезентативности, достоверности и научной ценности полученных экспериментальных материалов» [Дмитрюк, 2019, с. 262].

Результаты сравнительного исследования представлены в виде таблицы.

Сравнительная таблица ассоциативного поля «Семья»

1. АП «Семья» молодежи Красноярска (2025)	2. ЕврАС (2008–2011)
1	2
Ядерная зона:	Ядерная зона:
1) любовь 19	1) дом 55
2) опора 7	2) моя 42
3) тепло 7	3) дети 33
4) дом 6	4) большая 31
5) уют 6	5) мама 22
6) большая 6	6) любовь 21
7) поддержка 5	7) родные 19
8) счастье 5	8) родители 17
Околядерная зона:	Околядерная зона:
9) защита 4	9) счастье 15
10) окружение 3	10) ячейка общества 10
11) очаг 3	11) любимая 8
12) смысл жизни 3	12) близкие 8
	13) очаг 8

Окончание табл.

1	2
Ближняя периферия:	Ближняя периферия:
13) близкие 2	14) уют 6
14) боль 2	15) родственники 5
15) брат 2	16) брак 5
16) дети 2	17) главное 5
17) единство 2	18) жизнь 5
18) жизнь 2	19) тепло 5
19) забота 2	20) крепость 3
20) мама 2	21) радость 3
21) папа 2	Дальняя периферия:
22) родина 2	22) 7-я 2
23) родные 2	23) в сборе 2
24) свет 2	24) вместе 2
25) Ячейка общества 2	25) все 2
Дальняя периферия:	26) достала 2
26) вдохновение 1	27) забота 2
27) вместе 1	28) идеал 2
28) воспитание 1	29) мама 2
29) любимые 1	30) папа 2
30) мечта 1	31) я 2
31) обыденность 1	32) муж 2
32) отношение 1	33) нет 2
33) Рай 1	34) общество 2
34) семья 1	35) основа 2
35) сила 1	36) ребенок 2
36) страх 1	37) спокойствие 2
37) цель 1	38) хорошая 2
38) Цифра7 1	

Всего неединичных ассоциаций в ассоциативном поле «Семья» по результатам свободного ассоциативного эксперимента молодежи города Красноярск насчитывается 38 (разных реакций), единичных – 13. В ЕврАС количество разных реакций-ассоциаций – 162, единичных – 115⁴.

Самые частотные реакции-ассоциации двух АП «Семья»⁵ совпадают, так как испытуемые являются носителями русского национального языкового сознания, однако ассоциаты различаются рангом (номером расположения в иерархии АП). Отличие ранга в иерархической последовательности ассоциативных полей может свидетельствовать о специфических региональных особенностях и особенностях по времени проведения эксперимента, между первым и вторым расстоянием в 14–17 лет.

В ядерной зоне АП1 и АП2 отмечаются совпадения: любовь, дом, большая, счастье – судя по всему, эти базовые ценности АП «Семья» остались незыб-

⁴ Поскольку в количественном отношении ассоциативные поля несопоставимы, сопоставление проводится в семантическом плане.

⁵ Будем называть АП молодежи Красноярск – АП1, сопоставляемое с ним АП в ЕврАС – АП2.

лемыми, несмотря на время и региональный фактор. Отличия наблюдаются: в АП1 – любовь имеет ранг 1, в АП2 – 6, дом в АП2 имеет ранг 1, в АП1 – ранг 4. Вероятно, для молодежи 2025 г. для создания семьи важнее чувства, нежели наличие жилья, а информанты 2008–2011 гг. более реалистично смотрят на создание семьи. Близки по рангу в двух АП такие ценности, как большая (семья), семья – это счастье. Отличается семантическая структура ядерной зоны АП испытуемых по следующим ценностям: ценности АП1 – опора, тепло, уют, поддержка; ценности в АП2 – дети, мама, родные, родители. Заметим, что в АП1 дети, мама, папа, родные перемещаются в ближнюю периферию, а в АП2 тепло и уют находятся в ближней периферии. Динамика структуры ядерной зоны сопоставляемых полей свидетельствует об изменении предпочтений в ценностной картине мира молодежи 2025 г. в пользу личного комфорта.

В околоядерной зоне совпадает и близко по рангу символическое обозначение семьи – очаг, синонимичны ассоциаты – окружение, близкие. Отличия наблюдаются в определении значимости семьи: в АП1 – смысл жизни (которое носит глубоко личностный характер), в АП2 – ячейка общества (определяет социальный статус).

Ближняя периферия АП2 сохраняет позитивные семантически близкие характеристики семьи: главное, жизнь, крепость, радость.

В ближней периферии АП1 также подчеркиваются позитивные аспекты: единство, жизнь, родина, свет, однако появляется чувство – боль, которое можно испытать в тревоге за близких.

В дальней периферии двух АП также отмечаются близкие по семантике определения, реалистически конкретизирующие ассоциативную структуру поля «Семья»: в АП1 – мечта, Рай, сила, с одной стороны, обыденность, страх – с другой; в АП2 – забота, идеал, спокойствие, хорошая, основа, с другой стороны – достала, нет (семьи).

Выводы. Таким образом, нами рассмотрены представления о семье в языковом сознании молодежи города Красноярска в сравнении с представлениями о семье молодежи европейской части России по данным словаря ЕврАС.

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

1. Главные ценности, выявленные в АП «Семья», относятся к сферам жизни человека: эмоциональной, психологической, бытовой, личностной и социальной.

2. Самые распространенные ассоциации совпадают у двух групп испытуемых, независимо от территории проживания и времени [ЕврАС, 2014]. Это ценности первого уровня: любовь, дом; ценности второго уровня: уют, тепло; ценности третьего уровня: опора, забота, защита, обусловленные общностью национального языкового сознания испытуемых.

3. Динамика ценностей семьи отмечается относительно времени. В языковом сознании фрагмента «Семья» испытуемых 2025 г. преобладают акценты на эмоциональной, психологической и личностной сферах в семантической структуре АП, в языковом сознании испытуемых 2008–2011 гг. – на бытовой и социальной.

Библиографический список

1. Бурнаева К.А. Ассоциативное поле как способ моделирования фрагмента языкового сознания // *Lingua mobilis*. М.: Энциклопедия, 2011. № 6 (32), С. 51–58. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/assotsiativnoe-pole-kak-sposob-modelirovaniya-fragmenta-yazykovogo-soznaniya> (дата обращения: 15.11.2025).
2. Васильев А.Д., Васильева С.П., Тимченко А.Г. Этнокультурное сознание и самосознание сибиряка, отраженное в языке: монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2015. 204 с.
3. Дмитриук Н.В. ЕВРАС: еще один «образ мира, в слове явленный» // *Вопросы психолингвистики*. 2019. № 1 (39). С. 262–265. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-262-265
4. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 1999. 196 с. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=http%3A%2F%2Fwww.rusgram.ru%2Fsites%2Fdefault%2Ffiles%2Fliter%2Fnominative%2Fzalevska-ja_vvpsling.doc&
5. Залевская А.А. Значение слова и возможности его описания // *Языковое сознание: формирование и функционирование: сб. ст.* М., 1998. URL: https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1998/articles/2_1.htm
6. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, 1999. 180 с.
7. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 214 с.
8. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1969. 307 с.
9. Тарасов Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры // *Язык как средство трансляции культуры*. М., 2000.
10. Уфимцева Н.В. Ассоциативный словарь как модель языковой картины мира. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/assotsiativnyy-slovar-kak-model-yazykovoy-kartiny-mira/viewer> (дата обращения: 15.04.2025).
11. Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус (ЕвРАС). URL: https://iling-ran.ru/library/evras/evras_1.pdf

Сведения об авторе

Гаврилкова Екатерина Антоновна – студентка 5-го курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: kagavrilkova@mail.ru

A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ASSOCIATIVE FIELD 'FAMILY' IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF YOUNG PEOPLE IN THE KRASNOYARSK REGION AND EUROPEAN RUSSIA

E.A. Gavrilkova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Psycholinguistics has a wide range of experimental research methods, the most popular of which is the free association experiment (FAE), which allows for the modeling of linguistic consciousness structures (linguistic worldviews).

The aim of this study is to identify the value perceptions of young people in different regions of Russia regarding the structure and semantics of the 'Family' fragment of linguistic consciousness.

Methodology and methods. Within the psycholinguistic field, the primary research method is the free association experiment, which results in an associative field analyzed through structural and semantic description.

Research results. This paper presents an analysis of the associative field 'Family', obtained through a systematic interview with young people in Krasnoyarsk. A comparative analysis with the associative field presented in the Eurasian Association Dictionary (EurAS) was conducted. Structural and semantic features of the associative field 'Family' across different regions and time periods were identified, and changes due to temporal differences in the linguistic consciousness of the subjects were noted.

Conclusions. The dynamics of values in the associative field 'Family' are observed over time. The linguistic consciousness of the 2025 subjects emphasizes the emotional, psychological, and personal spheres in the semantic structure of the associative field, while the linguistic consciousness of the 2008-2011 subjects (EurAS) emphasizes the everyday and social spheres.

Keywords: associative experiment, psycholinguistics, linguistic consciousness, associative field, reaction, stimulus.

References

1. Burnaeva K.A. [Associative field as a way of modeling a fragment of linguistic consciousness]. In: *Lingua mobilis [Lingua mobilis]*. Moscow, Encyclopedia. 2011, 6 (32), 51–58. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/assotsiativnoe-pole-kak-sposob-modelirovaniya-fragmenta-yazykovogo-soznaniya> (accessed: 11.15.2025).
2. Vasilyev A.D., Vasilyeva S.P., Timchenko A.G. *Ehtnokul'turnoe soznanie i samosoznanie sibiryaka, otrazhennoe v yazyke* [Ethnocultural consciousness and self-awareness of a Siberian, reflected in language: monograph]. Krasnoyarsk, 2015. 204 p.
3. Dmitryuk N.V. EVRAS: eshche odin "obraz mira, v slove yavlennyj" [EURAS: another "image of the world revealed in the word"]. *Questions of psycholinguistics*, 2019, 1, 262–265. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-262-265
4. Zalevskaya A.A. *Vvedenie v psikholingvistiku* [Introduction to Psycholinguistics]. Moscow, RSUH, 1999. 196 p. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=http%3A%2F%2Fwww.rusgram.ru%2Fsites%2Fdefault%2Ffiles%2Fliter%2Fnominative%2Fzalevskaja_vvpsling.doc& (access date: 11.15.2025).

5. Zalevskaya A.A. Znachenie slova i vozmozhnosti ego opisaniya [The Meaning of the Word and the Possibilities of Its Description] In: *Yazykovoe soznanie: formirovanie i funkcionirovanie* [Language Consciousness: Formation and Functioning]. Moscow, 1998. URL: https://ilingran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1998/articles/2_1.htm
6. Karaulov Yu.N. *Aktivnaya grammatika i asociativno-verbal'naya set'* [Active grammar and the associative-verbal network]. Moscow: Vinogradov Institute of Language Languages, Russian Academy of Sciences, 1999. 180 p.
7. Leontiev A.A. *Psikholingvisticheskie edinicy i porozhdenie rechevogo vyskazyvaniya* [Psycholinguistic units and the generation of speech utterances]. USSR Academy of Sciences. Institute of Linguistics. Moscow: Nauka, 1969. 307 p.
8. Leontiev A.A. *Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost'* [Language, speech, speech activity]. Moscow: Prosveshchenie, 1969. 214 p.
9. Tarasov E.F. Yazyk kak sredstvo translyacii kul'tury [Language as a Means of Translating Culture]. In: *Yazyk kak sredstvo translyacii kul'tury* [Language as a Means of Translating Culture]. Moscow, 2000, 45–53.
10. Ufimtseva N.V. Asociativnyj slovar' kak model' yazykovoj karti-ny mira [Associative Dictionary as a Model of the Linguistic Picture of the World]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/assotsiativnyy-slovar-kak-model-yazykovoy-kartiny-mira/viewer> (accessed: 15.04.2025).
11. Cherkasova G.A., Ufimtseva, N.V. Russian Regional Associative Dictionary-Thesaurus EurAS [Russian Regional Associative Dictionary-Thesaurus EurAS]. URL: https://iling-ran.ru/library/evras/evras_1.pdf

About the author

Gavrilkova, Ekaterina A. – BA Candidate, Philology Department, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: kagavrilkova@mail.ru

УДК 81'44

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В РЕКЛАМЕ И ВЫВЕСКАХ НОВОСИБИРСКА

Лан Жуй (Улан-Хото, КНР)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье рассматриваются прагматические функции прецедентных феноменов в текстах вывесок Новосибирска.

Цель исследования – выявление и описание прагматических функций прецедентных феноменов в текстах вывесок.

Методология исследования. Анализ проводится в рамках прагмалингвистики с опорой на концепции прецедентности, интертекстуальности и когнитивной семантики.

Материалом послужили 20 аутентичных примеров наружной рекламы, зафиксированных в различных районах города.

Обзор научной литературы включает труды Р. Барта, Серля, Г.Г. Слышкина, Ю.Н. Караулова, Т.Б. Радбиля, А.И. Помазова, С.С. Чащиной, Т.Г. Федотовских и других исследователей.

Результаты исследования. Выявлены основные типы прецедентных элементов, используемых в локальном рекламном дискурсе, и описаны их функции в условиях городской визуальной коммуникации.

Выводы. Анализ показал, что благодаря сочетанию апеллятивной, манипулятивной, экспрессивной, интертекстуальной и идентификационной функций вывески приобретают не только информативный, но и эмоционально-когнитивный потенциал.

Личный вклад автора. Работа вносит вклад в изучение форм наружной рекламы, демонстрируя специфику их прагматического воздействия в локальной среде.

Ключевые слова: прецедентные феномены, рекламные вывески, прагматические функции, интертекстуальность, апеллятивная функция, манипулятивная функция, идентификационная функция, экспрессивная функция, Новосибирск.

Постановка проблемы. Современное городское пространство можно рассматривать как сложный многослойный текст, в котором реклама занимает особое и заметное место. Наружная реклама в виде вывесок – это не только способ сообщить о товаре или услуге, но и средство формирования ассоциативного, эмоционального и культурного контекста. Особенно значимым в этом отношении является использование прецедентных феноменов – языковых единиц, отсылающих к уже закрепленным в сознании носителей языка образам, цитатам, именам, событиям и ситуациям.

Визуальная реклама в городской среде, в силу ограниченности времени восприятия и формата подачи, требует от текста максимальной семантической и прагматической насыщенности. Прецедентность в данном случае выступает как инструмент, позволяющий «свернуть» объемный культурный и смысловой пласт в компактную языковую форму, способную мгновенно активировать необходимые ассоциации.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления механизмов прагматического воздействия прецедентных феноменов в условиях локальной городской коммуникации. Если феномен прецедентности уже достаточно подробно изучен в политическом, медиатекстовом и интернет-дискурсе, то анализ кратких форм наружной рекламы остается недостаточно разработанным.

Цель исследования – выявление и описание прагматических функций прецедентных феноменов в текстах вывесок. Для достижения цели поставлены следующие задачи:

- уточнить понятие прецедентного феномена применительно к наружной рекламе;
- классифицировать используемые в вывесках типы прецедентных элементов;
- определить их основные прагматические функции;
- предложить типологию функционирования прецедентности в текстах вывесок как особых речевых действиях.

Новизна работы заключается в том, что предлагается функциональная модель анализа прецедентных феноменов, адаптированная к специфике локальной городской рекламной среды, на примере города Новосибирска.

Методология исследования. Исследование базируется на методах прагмалингвистики, интертекстуального анализа и дискурсивной типологии, а также опирается на труды в области лингвокультурологии, медиалингвистики и теории массовой коммуникации.

Материалом настоящего исследования послужили 20 вывесок, зафиксированных в различных районах Новосибирска. Они представляют широкий спектр коммерческих сфер – от предприятий общественного питания и магазинов одежды до автосалонов, агентств недвижимости и юридических фирм. Все примеры являются аутентичными элементами городской наружной рекламы, размещенными в формате стационарных фасадных конструкций, билбордов или цифровых экранов.

Обзор научной литературы. Термин «прецедентные феномены» получил широкое распространение благодаря работам Г.Г. Слышкина, который рассматривал их как элементы, обладающие устойчивым культурным статусом, высокой степенью узнаваемости и способностью актуализироваться в речевом общении [Слышкин, 2000, с. 29]. В развитии этой концепции прецедентные феномены можно определить как имена собственные, тексты, фразы или события, значимые для конкретного лингвокультурного сообщества и регулярно воспроизводимые в дискурсе – чаще всего в свернутом, имплицитном виде, требующем культурной компетенции для их интерпретации.

Особый интерес представляют прецедентные феномены, используемые в рекламе – пространстве, где языковая форма становится инструментом целенаправленного воздействия. В рекламном дискурсе прецедентные элементы не только усиливают выразительность сообщения, но и запускают сложные механизмы узнавания, культурной идентификации, доверия и скрытой манипуляции. Эта связь

с культурным кодом и эмоциональное вовлечение подчеркнуты в исследованиях. В американской рекламе прецедентность не только усиливает узнаваемость, но и запускает культурно-маркированные ассоциации [Чашина, 2008]. В социальной рекламе прецедентные объекты активируют память аудитории, провоцируя эмоциональный резонанс [Федотовских, 2015]. В интернет-мемах прецедентные феномены обеспечивают визуально-интеллектуальную аттрактивность за счет сочетания культурных и кодовых структур [Радбиль, Помазов 2020, с. 3].

Следует отметить, что в современной лингвистике отсутствует единая типология прагматических функций прецедентных феноменов. Разные исследователи [Слышкин, 2000, с. 105; Караулов, 2010, с. 73] выделяют различные аспекты их функционирования исходя из собственных исследовательских задач и материала. Это обстоятельство позволяет рассматривать прагматические функции как открытую категорию, допускающую операционализированную интерпретацию в рамках конкретного дискурса – в нашем случае рекламы и городской визуальной среды.

В данной работе предлагается для анализа рекламного текста функциональная модель, включающая следующие ключевые прагматические функции: **апеллятивную** (воздействие и побуждение к действию), **манипулятивную** (внедрение скрытого послания или идеологической установки), **экспрессивную** (выражение эмоций, оценок), **интертекстуальную** (встраивание в культурный диалог) и **идентификационную** (формирование принадлежности к сообществу, «узнавание своих»). Такая модель анализа опирается как на существующие подходы, так и на прагматические особенности рекламного дискурса.

Теоретической основой анализа выступает прагмалингвистический подход, восходящий к речевым актам Дж. Остина и Дж. Серля, в рамках которого рекламный текст трактуется как перформативный акт, направленный на достижение определенного эффекта в сознании адресата [Остин, 1986; Серль, 1986]. При этом особое внимание уделяется не только вербальной структуре текста, но и имплицитным смыслам, передаваемым через прецедентную нагрузку.

Таким образом, прецедентные феномены в рекламе представляют собой не просто культурные аллюзии, а инструмент сложной прагматической работы, в которой текст действует одновременно на уровне смысла, памяти и эмоции. Предлагаемая типология функций позволяет систематизировать этот эффект в рамках конкретного анализа, сохраняя при этом гибкость и интерпретационную чувствительность к контексту.

Результаты анализа. Материалом для анализа послужила выборка из 20 вывесок, зафиксированных в различных районах города Новосибирска. Эти вывески представляют разнообразные коммерческие сферы: от кофейни до магазинов игрушек, от ветеринарной клиники до студии красоты. Все эти примеры являются аутентичными элементами городской наружной рекламы. Такой корпус позволяет сосредоточиться на особенностях визуально-вербальной коммуникации рекламы и вывесок, функционирующих в повседневном городском пространстве

Новосибирска. Таким образом, собранный материал отражает актуальные практики городской наружной рекламы в одном из крупнейших мегаполисов Сибири.

В основе анализа собранного материала лежат принципы прагмалингвистики, включая теорию речевых актов и подходы к изучению речевых стратегий в массовой коммуникации В.Е. Чернявской [Чернявская, 2006]. Особое внимание уделяется феномену прецедентности как инструменту интертекстуального воздействия с опорой на разработки в области лингвокультурологии В.А. Масловой [Маслова, 2001], концепции интертекстуальности Р. Барта [Барт, 1989] и когнитивной семантики.

Прецедентные элементы в собранных вывесках проявляются через использование узнаваемых имен и названий, а также через игру с культурными и лингвистическими кодами. Такой подход позволяет выявить, каким образом локальная рекламная среда использует прецедентность для усиления воздействия на адресата, а также проследить специфику адаптации подобных приемов к условиям городской визуальной коммуникации Новосибирска.

В собранном корпусе текстов городских вывесок Новосибирска нами принята классификация в соответствии с функцией применяемых прецедентных феноменов в тексте вывески. В результате анализа выявлены группы вывесок в соответствии с основной прагматической функцией прецедентных феноменов, действующих как по отдельности, так и в совокупности.

Апеллятивная функция, выражающаяся в побуждении адресата к действию, заметна в названиях, которые прямо или косвенно ориентируют на обращение к услуге или товару. Так, «ПОДСТРИГУЛЯ» (семейная парикмахерская) через разговорный и шутливый неологизм стимулирует посетителя зайти и «подстричься»; «Парад сумок» (магазин сумок) вызывает ассоциацию с масштабным выбором и зрелищем, побуждая «принять участие» в «параде»; «NEWКОЛОБОК» (сеть хлебных магазинов) через аллюзию на сказочный образ и префикс NEW создает эффект новизны и приглашения попробовать.

Манипулятивная функция, направленная на создание положительного образа бренда или внушение выгоды, проявляется в таких названиях, как «СЕРЕБРЯНЫЙ СЛОНЪ» (федеральная сеть по продаже изделий из серебра) – здесь образ слона в серебре символизирует долговечность, престиж и экзотичность, усиливая ценность товара; «Эйфория» (студия красоты) транслирует обещание эмоционального подъема и удовольствия от услуг; «Большая Медведица» (торгово-выставочный центр мебели) через астрономический образ формирует ощущение надежности, масштаба и устойчивости.

Экспрессивная функция, создающая эмоциональный отклик, реализуется через выразительные, яркие или ласкательные формы. «Кофиока» (кофейня) использует уменьшительно-ласкательный суффикс и игривую фонетику, создавая атмосферу уюта; «Малышария» (магазин игрушек) вызывает теплые ассоциации с детским миром и фантазией; «Малютки» (товары для новорожденных) прямо апеллирует к заботливым чувствам родителей.

Интертекстуальная функция, связывающая текст с культурными кодами и известными образами, проявляется в названиях, которые отсылают к литературным и сказочным сюжетам. «NEWКОЛОБОК» напрямую опирается на фольклорный персонаж, добавляя современный англоязычный элемент; «ДОМ АКТЕРА» (ресторан-кабаре) активирует ассоциации с театральной средой и культурной элитой; «Астильба» (магазин женской одежды) использует название декоративного растения, что встраивается в культурный код красоты и изысканности.

Идентификационная функция, связанная с формированием чувства принадлежности к определенной группе, проявляется в названиях, отражающих ценности или стиль жизни целевой аудитории. «ВІТЭКС» (магазин белорусской косметики) маркирует продукт по стране происхождения, ориентируясь на аудиторию, ценящую «натуральность» и «проверенное качество»; «Бэст» (ветеринарная клиника) через англоязычное best позиционирует себя как лучшее место для ухода за животными; «ДОМ АКТЕРА» также формирует образ пространства «для своих» – творческих и ценящих искусство людей.

Следует подчеркнуть, что функции прецедентных феноменов часто пересекаются. Так, «NEWКОЛОБОК» одновременно выполняет апеллятивную (приглашает попробовать продукт), интертекстуальную (опирается на сказочный сюжет) и манипулятивную (создает образ новизны и оригинальности) функции.

В ходе исследования подтверждена ключевая роль прецедентных феноменов как эффективного средства прагматического воздействия в текстах вывесок города Новосибирска. Анализ показал, что именно благодаря сочетанию апеллятивной, манипулятивной, экспрессивной, интертекстуальной и идентификационной функций вывески приобретают не только информативный, но и эмоционально-когнитивный потенциал, способный мгновенно привлекать внимание и формировать локальный культурный контекст.

Отсутствие единой типологии прагматических функций прецедентных феноменов отражает сложность и многоаспектность их природы, что открывает перспективы для дальнейших исследований, направленных на уточнение и расширение функциональных моделей с учетом особенностей городской визуальной среды и современных цифровых медиа.

Практическая значимость работы заключается в том, что выявленные функции и механизмы их взаимодействия могут быть использованы маркетологами, урбанистами и лингвистами для более точного и эффективного проектирования наружной рекламы и формирования визуального облика городского пространства. Это особенно актуально в условиях информационной насыщенности и конкуренции за внимание горожан.

В дальнейшем развитие междисциплинарных исследований, включающих когнитивные и культурологические подходы, позволит глубже понять природу прецедентности в массовой коммуникации и расширить ее применение в различных формах городского дискурса за пределами традиционной рекламы.

Библиографический список

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: пер с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Когнитивно-дискурсивный анализ метафоры в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2008. № 3 (26). С. 37–48.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
5. Остин Дж.Л. Слово как действие. Избранные философские труды // Новое в зарубежной лингвистике: пер. с англ. М.: Прогресс, 1986. Вып. XVII: Теория речевых актов. С. 81–129.
6. Радбиль Т.Б., Помазов А.И. Прецедентные феномены как средство создания аттрактивности в поликодовом тексте интернета // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2020. Т. 19, № 1.
7. Серль Дж.Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 151–169.
8. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов. М.: Академия, 2000.
9. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово / Slovo, 2000. 624 с.
10. Федотовских Т.Г. Прецедентные феномены в текстах социальной рекламы // Гуманитарные аспекты современных массмедиа: проблемы, противоречия: матер. Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 9–10 апреля 2015 г. / сост. О.В. Ильина. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2015. С. 127–130.
11. Фотографии вывесок в Новосибирске [Электронный ресурс]. URL: <https://xn---btbbabqvcbog5anb7afhe8o.xn--plai/> (дата обращения: 03.08.2025).
12. Чашина С.С. Прецедентные феномены в американской рекламе автомобилей: прагматический аспект // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2008. № 56 (вып. 23). С. 186–193.
13. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. 136 с.
14. Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов / О.В. Александрова, В.И. Виноградова, Е.А. Войниканис [и др.]. М.: Академический Проект: Альма Матер, 2015.

Сведения об авторе

Лан Жуй – специалист канцелярии иностранного отдела народного правительства Аймака Хиган (Улан-Хото, КНР); e-mail: 1595974208@qq.com

PRAGMATIC FUNCTIONS OF PRECEDENT PHENOMENA IN ADVERTISING AND SIGNAGE IN NOVOSIBIRSK

Lan Rui (Ulan-Khoto, China)

Abstract

Statement of the problem. The article examines the pragmatic functions of precedent phenomena in the texts of signage in Novosibirsk.

The purpose of the study is to identify and describe the pragmatic functions of precedent phenomena in signage texts.

Research methodology. The analysis is carried out within the framework of pragmalinguistics based on the concepts of precedent, intertextuality and cognitive semantics.

The material consisted of 20 authentic examples of outdoor advertising found in various districts of the city.

The review of scientific literature includes the works of R. Barth, Searle, G.G. Slyshkin, Yu.N. Karaulov, T.B. Radbil, A.I. Pomazov, S.S. Chashchina, T.G. Fedotovskikh and other researchers.

Research results. The main types of precedent elements used in local advertising discourse are identified and their functions in urban visual communication are described.

Conclusions. The analysis showed that due to the combination of appellative, manipulative, expressive, intertextual, and identification functions, signage acquires not only informative, but also emotional and cognitive potential.

Personal contribution of the author. The work contributes to the study of outdoor advertising forms, demonstrating the specifics of their pragmatic impact in the local environment.

Keywords: *precedent phenomena, advertising signs, pragmatic functions, intertextuality, appellative function, manipulative function, identification function, expressive function, Novosibirsk.*

References

1. Austin J.L. The word as an action. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vypusk XVII. Teoriia rechevykh aktov* [New in Foreign Linguistics. Issue XVII. Theory of Speech Acts]. Moscow, Progress, 1986, 81–129.
2. Baranov A.N. *Chto nas ubezhdaet? (Rechevoe vozdествie i obshchestvennoe soznanie)* [What Convinces Us? (Speech Influence and Public Consciousness)]. Moscow, Znanie, 1990. 64 p.
3. Barth R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poëtika* [Selected works: Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress, 1989. 616 p.
4. Budaev E.V., Chudinov A.P. Kognitivno-diskursivnyĭ analiz metafory v politicheskoi kommunikatsii [Cognitive-discursive analysis of metaphor in political communication]. In: *Politicheskai lingvistika* [Political linguistics]. 2008, 3 (26), 37–48.
5. Chashchina S.S. Pretsedentnye iavleniia v amerikanskoĭ reklame avtomobilei: pragmaticheskii aspekt [Precedent phenomena in American car advertising: a pragmatic aspect]. In: *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*.

- Ser. 1: Problemy obrazovaniia, nauki i kul'tury* [Izvestia of the Ural State University. Ser. 1: Problems of Education, Science and Culture], 2008, 56 (23), 186–193.
6. Cherniavskaya V.E. *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeistviia: uchebnoe posobie* [The Discourse of Power and the Power of Discourse: Problems of Speech Influence: textbook]. Moscow, Flinta: Nauka, 2006. 136 p.
 7. Fedotovskikh T.G. Pretsedentnye iavleniia v tekstakh sotsial'noi reklamy [Precedent phenomena in social advertising texts]. In: *Gumanitarnye aspekty sovremennykh sredstv massovoi kommunikatsii: problemy, protivorechiia* [Humanitarian Aspects of Modern Mass Media: Problems, Contradictions], Yekaterinburg, Ural University Publishing House, 2015, 127–130.
 8. Fotografii vyveski v Novosibirsk [Photographs of signage in Novosibirsk]. Available at: <https://xn----btbbabqvcbog5anb7afhe8o.xn--p1ai/> (accessed: 03.08.2025).
 9. Iazyk sredstv massovoi informatsii: uchebnik dlia vuzov [The Language of Mass Media: a textbook for universities] / O.V. Alexandrova, V.I. Vinogradova, E.A. Voïnikanis [i dr.]. Moscow, Academic Project: Alma Mater, 2015. 352 p.
 10. Karaulov Yu.N. *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow, LKI, 2010. 264 p.
 11. Maslova V.A. *Lingvokul'turologiia* [Linguoculturology]. Moscow, Akademiya Publ., 2001. 208 p.
 12. Radbil T.B., Pomazov A.I. Pretsedentnye iavleniia kak sredstvo sozdaniia privlekatel'nosti v polikodovom tekste Interneta [Precedent phenomena as a means of creating attractiveness in the polycode text of the Internet]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii 2: Lingvistika* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics], 2020, 19 (1), 156–167.
 13. Serl' D.R. Chto takoe rechevoi akt? [What is a speech act?]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vypusk XVII. Teoriia rechevykh aktov* [New in Foreign Linguistics. Issue XVII. Theory of Speech Acts]. Moscow, Progress, 1986, 151–169.
 14. Slyshkin G.G. *Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov* [From Text to Symbol: Linguistic and Cultural Concepts of Precedent Texts]. Moscow, Akademiia, 2000. 128 p.
 15. Terminasova S.G. *Iazyk i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Language and Intercultural Communication]. Moscow, Slovo, 2000. 624 p.

About the author

Lan Rui – Specialist, Foreign Affairs Department, People's Government of the Xigan Aimag (Ulanhot, China); e-mail: 1595974208@qq.com

УДК 82-312.1

ИНСОМНИЧЕСКАЯ АНТИУТОПИЯ В РОМАНЕ В.С. ИВАНОВА И В.Б. ШКЛОВСКОГО «ИПРИТ» И РАССКАЗЕ А.Р. БЕЛЯЕВА «ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ СПИТ»

Ф.Е. Платонов (Москва, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье производится сравнительный анализ романа В.С. Иванова и В.Б. Шкловского «Иприт» и рассказа А.Р. Беляева «Человек, который не спит», входящего в цикл «Изобретения профессора Вагнера». Эти произведения в отечественном литературоведении ранее не сопоставлялись.

Цель статьи – проанализировать и сравнить указанные произведения как тексты, в которых присутствуют типологически схожие антиутопические мотивы.

Методология (материалы и методы). Статья опирается на многочисленные исследования, посвященные проблематике и поэтике советской литературы 1920-х гг., в частности на работы, посвященные специфике реализации жанра антиутопии в литературе первой трети прошлого века.

Обзор научной литературы по проблеме. Возможность анализа романа «Иприт» и рассказа «Человек, который не спит» в избранном ракурсе подготовлена работами Б.А. Ланина, Л.А. Морщиной, З.И. Плех, С.Г. Шишкиной и др.

Результаты исследования. В статье устанавливается сюжетное и мотивное сходство романа «Иприт» Иванова и Шкловского и рассказа «Человек, который не спит» Беляева в части создания авторами инсомнической антиутопии. Антиутопические конструкции в этих произведениях возникают из идеи улучшения человеческой природы посредством биохимического воздействия на физическое тело. Это улучшение не сопровождается нравственным совершенствованием людей, а потому обнажает пустоту жизни большинства и лишает их существование смысла. Кроме того, писатели поднимают вопрос об использовании изобретения в дурных целях бизнесом и государством и об ответственности науки.

Выводы. Разрушение антиутопической реальности в обоих произведениях оказывается связано с идеей социалистической революции. Важное отличие реализации схожего сюжета – в оптимистическом и отчасти узком взгляде Беляева на последствия онейрической «кастрации» человека и осторожном, но глубоком пессимизме Иванова и Шкловского.

Ключевые слова: В.С. Иванов, В.Б. Шкловский, А.Р. Беляев, фантастика, утопия, антиутопия, инсомния, типологические параллели, сюжет, мотив.

Постановка проблемы. Советская фантастика 1920-х гг., сама по себе чрезвычайно богатая на сюжеты и формы [Николаев, 2006], породила также широкий пласт утопических и антиутопических произведений¹.

¹ Плех З.И. Становление жанра антиутопии в русской литературе 20-х гг. XX в. (на материале произведений Е. Замятина, А. Платонова, М. Булгакова): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. Бишкек, 2008. 23 с.

Общество и страна активно менялись, создавалась новая политическая, социальная, экономическая, научная реальность, наблюдая за которой писатели прозревали впереди большие возможности и одновременно испытывали по поводу будущего серьезные опасения.

Обзор научной литературы. Жанры утопии и его зеркала – антиутопии [Солдатов, Тузовский, 2010; Долгих, 2017; Ланин², 1993; Морщихина³, 2004; Шишкина, 2009; Платонов, 2024] выразили это ощущение лучше всего. Антиутопические мотивы можно увидеть у крупных писателей, вроде М.А. Булгакова, А.Н. Толстого, Вс. Иванова, а также у тех, кто «работал в жанре», то есть, в частности, осваивал (или даже открывал) жанры фантастической литературы. Среди последних, конечно, особое место занимает известный советский фантаст А.Р. Беляев [Старцев⁴, 2021]. Беляевское литературное наследие обширно и при этом имеет множественные переключки с «большой литературой» двадцатых годов. Трудно и не вполне плодотворно устанавливать, кто именно на кого повлиял, когда обнаруживаются сюжетные и мотивные пересечения, например в булгаковской повести «Роковые яйца» и беляевском «Вечном хлебе», поскольку важнее оказываются не сходства, а отличия, смысловые и оценочные нюансы.

В представленной статье сопоставляются два произведения – роман Вс. Иванова и В.Б. Шкловского «Иприт» (1925) и рассказ Беляева «Человек, который не спит» (1926) – как тексты, в которых присутствуют антиутопические мотивы.

Цель статьи – проанализировать и сравнить указанные произведения как тексты, в которых присутствуют типологически схожие антиутопические мотивы.

Методология (материалы и методы). Статья опирается на многочисленные исследования, посвященные проблематике и поэтике советской литературы 1920-х гг., в частности на работы, посвященные специфике реализации жанра антиутопии в литературе первой трети прошлого века.

Результаты исследования. Роман «Иприт» появился на свет в том числе благодаря госзаказу: в 1922 г. Н.А. Бухарин «выдвинул тезис создания “коммунистического Пинкертона”». Он подчеркивал агитационный потенциал авантюрной структуры и учитывал потребность массы в развлекательном, “легком” чтении» [Николаев, 2006, с. 309]. Как следствие, в 1920-е гг. появилось значительное количество произведений, которые в увлекательной форме помогали утверждать «красную идею». Среди них Д.Д. Николаев называет произведения В.П. Катаева, М.С. Шагинян, В.А. Гончарова, А.Д. Иркутова и В.В. Веревкина, Л.В. Никулина, Л. Рубуса (Л.А. Рубинова и Л.В. Успенского) и др. К сожалению, талантливо и

² Ланин Б.А. Русская литературная антиутопия XX века: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.02. М., 1993. 344 с.

³ Морщихина Л.А. Классические и неклассические утопии в контексте социально-философских исследований: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Архангельск, 2004. 195 с.

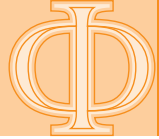
⁴ Старцев Д.И. Творчество А.Р. Беляева и традиции научно-фантастической прозы в русской литературе второй половины XX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Саранск, 2021. 21 с.

весело написанный роман В.С. Иванова и Шкловского не произвел большого впечатления на современников и оказался надолго забыт. Вместе с тем «Иприт» при внимательном чтении оказывается сложнее, чем обычная массовая авантюрная литература, и обладает высоким прогностическим потенциалом.

Так, «Иприт» в своем фантазмагорическом, пародийном сюжете содержит описание ряда возможных технических антиутопий, которые приводят человечество к цепи локальных апокалипсисов (об антиутопиях в творчестве В.С. Иванова см. статьи Е.А. Папковой [Папкова, 2022; 2025]). Техническое развитие мира в романе происходит прежде всего за счет ускоренного развития газо- и биохимии. И если газохимия в «Иприте» порождает непредвиденные проблемы с экологией, а с другой стороны, способствует реализации планов нападения Запада на Советский Союз (создание бомб, убивающих все живое), то биохимия открывает иную возможность – создание нового общества, состоящего из тех, кто не испытывает физическую потребность во сне.

Роман начинается с описания Лондона как антипода Москвы. Жизнь этого западного, капиталистического города показана пребывающей в социальных оппозициях: есть богатые и есть бедные. Бедные – это те, у кого по причине безработицы нет денег и нет дома. Писатели заостряют противоречия, сталкивая этих людей с репрессивным государственным аппаратом, организующим порядок, который превыше людей. Бедные «тяжелой походкой, полуспя, идут без ночлега», «Спать им нельзя, им нужно идти», «Полицейский стоит и смотрит. Он не хочет зла этим людям, он хочет только, чтобы они шли, – на улице спать нельзя» (Иванов, Шкловский, 2005, с. 23). Но они и сами не могут полноценно спать, потому что им мешает усталость.

И если в этом пассаже можно увидеть только лишь сатиру на западное общество, то по ходу развития сюжета Иванов и Шкловский обозначают новый вид антиутопии: наука Европы создает человека бессонного. Профессор Монд, узнав в стране пипикуасов о бессонном газе, исходящем из земли, производит этот газ синтетическим путем. Он называет его «сусанит» (интересно, что имя Сусанна, в честь которой был назван этот газ, означает «лотос», образ которого, в свою очередь, вызывает ассоциацию с лотософагами – теми, кто ищет забвения). Профессор Монд сразу понимает, что сусанит «может стать могучим и решающим оружием» (Иванов, Шкловский, 2005, с. 159), и одновременно, не смущаясь, он видит, что этот газ поработает людей: «рабочие должны были работать 48 часов подряд, после чего получали право на шестичасовой сон в своих пещерах, затем опять 48 часов работы и 6 часов сна. И так это продолжалось уже на протяжении пяти лет» (Иванов, Шкловский, 2005, с. 156). (Нужно также заметить, что в этом фрагменте писатели соотносят два коннотативных значения слова «дьявол» – дикий человек и дурной человек: для надсмотрщика Делинга его рабочие – это «черные дьяволы», для профессора Шульца сам Делинг – «старый дьявол» (Иванов, Шкловский, 2005, с. 157), безжалостно эксплуатирующий поработанных людей. И профессор Монд впоследствии стано-

вится таким же гордым «дьяволом», соединяющим в себе оба значения этого слова и не сомневающимся в своем расовом и социальном превосходстве: «Мы не негры и не чернорабочие» (Иванов, Шкловский, 2005, с. 166).)

Профессор Монд считает сон болезнью, при которой тело выбрасывает сонный токсин. Газ сусанит уничтожает железы, производящие этот токсин. Кровью, в которой скапливается антитоксин, можно прививать других. (При этом профессор Монд, рассказывая коллегам о своем открытии, о сусаните, использует глагол «отравлять».) Ученый приводит слушателям множество положительных сторон такой «прививки», но все они связаны с представлением о государственной мощи: высокие, пафосные слова содержат внутри себя милитаристскую прагматику: «Сусанит дает возможность принести свой сон в жертву на алтарь отечества. // Сусанит даст возможность Англии вырабатывать военное снаряжение в утроенном количестве» (Иванов, Шкловский, 2005, с. 166).

Глава 24 романа «Иприт» называется «О городе, который не спит». После этой ключевой мысли Иванов и Шкловский добавляют: «но много танцует» (Иванов, Шкловский, 2005, с. 180). Противопоставление сна как бездействия и счастливого времяпрепровождения, однако, мнимое: танцы потерявших сон лондонцев болезненны, истеричны. Электрический свет, не оставивший места тени, гром и вой джаз-бандов, широкая сексуализация жизни и увеличение случаев суицида – следствие добровольной бессонницы, обнажившей пустоту бытия: «Люди влюблялись, чтобы заполнить пустоты двадцати четырех часов» и, с другой стороны, «бросались в Темзу, травились светильным газом» (Иванов, Шкловский, 2005, с. 181) и проч. Само слово «сон» оказалось запрещено цензурой. Эту инсомническую антиутопию писатели завершают горькой иронией: тех, кто пытался уснуть при помощи дурманных средств, полиция «приводила в сознание, пропуская через них ток, и отправляла на фабрики хлоропикрина, фабрики, рабочие которых скоро получали право легально и вечно спать на любом английском кладбище» (Иванов, Шкловский, 2005, с. 183).

Сон в «Иприте» оказывается метафорой подлинно счастливой жизни, жизни, в которой есть место справедливости, осмысленности и отдыху. Каждая из этих составляющих связана с возможностью и необходимостью совершения социалистической революции: «О, когда же пробудится Англия, у которой украли сон!» (Иванов, Шкловский, 2005, с. 207) – восклицает «нулевой» пациент негр Хольтен, который не сон, но бессонницу осознал как болезнь, принуждающую человека либо работать на трех работах по 8 часов на каждой, либо опускаться до базовых биологических инстинктов, либо накладывать на себя руки.

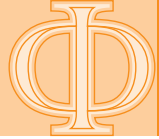
Рассказ «Человек, который не спит», входящий в цикл «Изобретения профессора Вагнера», опубликован А.Р. Беляевым в 1926 г., то есть спустя около года после романа «Иприт». Указанный цикл отстраивается от фигуры главного героя – гениального ученого, совершающего великие открытия в духе революционного времени. В этом беляевском образе соединяются фаустианские и сервантесовские мотивы: герой серьезен и порой даже инфернален и при этом

в некоторых ситуациях, напротив, комичен, как Дон Кихот [Иваньшина, 2016; Пономарева, 2023]. В массовом советском сознании 1920-х гг. и в научно-фантастической литературе, к нему апеллирующей, наука и ученые, дерзающие проводить поражающие воображение эксперименты, чаще всего предстают именно в такой психологической сложности. Заметим, что схожие с беляевским образы можно увидеть также в произведениях Вс. Иванова, В. Орловского, М.А. Булгакова, А.Н. Толстого и других писателей.

Профессор Вагнер, как и профессор Монд, исходит из того, что сон – это болезнь, возникающая у человека в результате отравления, как он это называет, гипнотоксинами. Но его способ преодоления болезни несколько отличается от того, что предложен в романе «Иприт»: если герой Иванова и Шкловского нацеливается на уничтожение железы, производящей токсина сна, то герой Беляева – на компенсацию работы этого токсина. Корреспондент Горев задается вопросом о том, как подействует это изобретение на людей, высказывает обоснованное сомнение, но профессор Вагнер убежден, что проблема скуки существует «лишь на низших ступенях культуры» (Беляев, 1964, с. 260), имея в виду прежде всего интеллектуальное развитие людей, оставляя духовную сторону жизни человечества за скобками.

Как и профессор Монд, профессор Вагнер – человек науки, «Дон Кихот» [Пономарева, 2023, с. 109] или «Фауст» [Иваньшина, 2016, с. 29], находящийся вне этики. Один подводит своих коллег к мысли о том, что «на одной чаше весов жизнь и здоровье всего лишь нескольких миллионов рабочих, на другой – вся колониальная политика Великобритании. Для “истинного” англичанина не было выбора и колебаний» (Иванов, Шкловский, 2005, с. 163), другой – считает, что перспективы его изобретений не стоят жизни нескольких «обывательских» (Беляев, 1964, с. 261) собак. Люди, пришедшие на суд над последним, после мягкого приговора задаются вопросом: «Значит, можно безнаказанно красть и убивать?» (Беляев, 1964, с. 254). Ни рассказ, ни цикл в целом не дают ответа на этот вопрос, в отличие от романа «Иприт», в котором профессор Монд закономерно погибает.

Изобретение профессора Вагнера, как и в случае с сусанитом, используется не для добрых целей. Герой Иванова и Шкловского – обманывающий ученый, герой Беляева – ученый обманутый, обманываемый. Но в обоих случаях счастья их открытия не принесли никому. В «Иприте» бессонница стала уделом бедняков, которым пришлось больше работать, в «Человеке, который не спит» она, напротив, в большей степени оказалась возможностью для богатых, которые покупали чудодейственные пилюли против сна и усталости. Беляев «окрашивает» «прибавочное» рабочее время профессоров, юристов, врачей в темные тона: это не умножившаяся польза, но выросший доход. И отдельно обрисовывает жизнь тогдашней «золотой молодежи», которая «прибавочное» время конвертировала в «прибавочную сумму наслаждений» (Беляев, 1964, с. 280). Бедные же рабочие, как сказано, получали пилюли «бесплатно» (Беляев, 1964, с. 281). Это завышенное наречие означает, что на две трети сокращенный рабочий состав оказался вы-

нужден трудиться в два раза больше, дольше. Причем восемь часов работникам оставляли, чтобы они могли потратить свои деньги и чтобы потом им пришлось работать еще.

Схож и финал обеих антиутопий. Лондонцы и берлинцы засыпают. Одни – потому что против них применили сонный газ, другие – потому что профессор Вагнер изменил состав препарата. Превращение западных городов в «сонное царство» в «Иприте» и «Человеке, который не спит» рассматривается писателями как возможность совершения революции. В Лондоне революцию делает Пашка Словохотов, в Берлине же люмпен-пролетариат теряется, но двое рабочих Карл и Адольф летят за помощью в Москву.

Выводы. Итак, роман Вс. Иванова и В.Б. Шкловского «Иприт» и рассказ А.Р. Беляева «Человек, который не спит» предлагают два варианта типологически схожей инсомнической антиутопии. На основе сведений о развитии биохимической науки писатели размышляют о возможностях и опасностях нового, бессонного мира. В обоих случаях открытия науки оказываются в безответственных и хищных руках деловых людей или государства, одинаково стремящихся к абсолютной власти – с помощью денег или с помощью насилия. И сами представители науки у писателей являются людьми вне этики и вне понимания закона причин и следствий [Гуларян, Першуков, Третьяков, 2016, с. 352] (авторы романа «Иприт» в этом отношении оказываются, впрочем, более дальновидными, представляя гибельные перспективы подобных изобретений). Иванов/Шкловский и Беляев хотя и представляют в своих произведениях сон в качестве болезни и предлагают схожие способы борьбы с ней, тем менее видят бессонное будущее по-разному: сон сохраняют для себя богатые в «Иприте» – с ним останутся бедные в «Человеке, который не спит». Сон окажется ценностью или проблемой не сам по себе, а в зависимости от необходимости трудиться и зарабатывать деньги. Лишение сна у Иванова/Шкловского и Беляева обозначит одну из проблем будущего: свободное время обнажит душевную пустоту человека – потребителя развлечений и удовольствий.

Список источников

1. Беляев А.Р. Человек, который не спит (Изобретения профессора Вагнера) // Беляев А.Р. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Молодая гвардия, 1964. Т. 8: Рассказы. 528 с.
2. Иванов Вс., Шкловский В.Б. Иприт. М.: Ред Фиш, Амфора, 2005. 399 с.

Библиографический список

1. Гуларян А.Б., Першуков В.Н., Третьяков О.В. Трансгуманизм через призму фантастики: от скальпеля хирурга к информационным технологиям // Третьи Лемовские чтения: сб. матер. Всероссийской научной конференции с международным участием памяти Станислава Лема, Самара, 24–26 марта 2016 г. Самара: Самар. национ. исследов. ун-т им. акад. С.П. Королева, 2016. С. 352–376.

2. Долгих А.Ю. Утопия и антиутопия: научная фантастика и действительность. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2017. 176 с.
3. Иваньшина Е.А. Жизнь или смерть? Фаустианские мотивы в творчестве А.Р. Беляева // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2016. Т. 26, № 3. С. 29–37.
4. Николаев Д.Д. Русская проза 1920–1930-х годов: авантюрная, фантастическая и историческая проза. М.: Наука, 2006. 688 с.
5. Папкова Е.А. «Видения грядущего» в прозе В. Итина и В.С. Иванова 1920-х гг. («Страна Гонгури» и «Происшествие на реке Тун») // Соловьевские исследования. 2025. Вып. 1(85). С. 180–193.
6. Папкова Е.А. Фантастическое в прозе Всеволода Иванова 1910–1930-х годов // Литература в школе. 2022. № 4. С. 27–39.
7. Платонов Ф.Е. Утопические и антиутопические модели в послереволюционной России и их отражение в литературе 1920-х годов // Казанская наука. 2024. № 11. С. 324–327.
8. Пономарева Д.В. «Человек, который не спит»: о специфике интерпретации русского мифа о Дон Кихоте в серии рассказов А. Беляева «Изобретения профессора Вагнера» // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2023. Т. 27, № 3. С. 109–120.
9. Солдатов В.Е., Тузовский И.Д. Социокультурное пространство в антиутопиях: основные черты моделируемого социума // Вестник ЧГАКИ. 2010. № 3 (23). С. 40–49.
10. Шишкина С.Г. Истоки и трансформации жанра литературной антиутопии в XX веке / Иван. гос. хим.-технол. ун-т. Иваново, 2009. 230 с.

Сведения об авторе

Платонов Федор Евгеньевич – аспирант, Московский университет им. А.С. Грибоедова; ORCID ID: 0009-0005-5904-343X; e-mail: fedor.platonoff@yandex.ru

INSOMNIC ANTI-UTOPIA IN THE NOVEL *YPERITE* BY VS. IVANOV AND V.B. SHKLOVSKY AND THE STORY *THE MAN WHO DOESN'T SLEEP* BY A.R. BELYAEV

F.E. Platonov (Moscow, Russia)

Abstract

Statement of the problem. This article provides a comparative analysis of Vs. Ivanov and V.B. Shklovsky's novel *Yperite* and A.R. Belyaev's short story *The Man Who Doesn't Sleep*, part of the *Inventions of Professor Wagner* cycle. These works have not previously been compared in Russian literary studies.

The purpose of the article is to analyze and compare these works as texts that contain typologically similar anti-utopian motifs.

Review of the scientific literature on the problem. Analysis of the novel *Yperite* and the short story "The Man Who Doesn't Sleep" from a selected perspective has been supported by the works of B.A. Lanin, L.A. Morshchikhina, Z.I. Plekh, S.G. Shishkina, etc.

Methodology (materials and methods). This article is based on numerous studies devoted to the problems and poetics of Soviet literature of the 1920s, in particular, works devoted to the specific implementation of the anti-utopian genre in literature of the first third of the last century.

Research results. The article establishes plot and motif similarities between Ivanov and Shklovsky's novel *Yperite* and Belyaev's short story *The Man Who Doesn't Sleep* in terms of the authors' creation of an insomniac anti-utopia. The anti-utopian constructs in these works arise from the idea of improving human nature through biochemical influence on the physical body. This improvement is not accompanied by moral improvement, and therefore reveals the emptiness of life for the majority and deprives their existence of meaning. Furthermore, the writers raise questions about the misuse of invention by business and the state, as well as the social responsibility of science.

Conclusions. The destruction of the anti-utopian reality in both works is linked to the idea of socialist revolution. An important difference in the realization of a similar plot is Belyaev's optimistic and partly narrow view of the consequences of the oneiric 'castration' of a man and the cautious but deep Ivanov and Shklovsky's pessimism.

Keywords: Vs. Ivanov, V.B. Shklovsky, A.R. Belyaev, fantasy, utopia, anti-utopia, insomnia, typological parallels, plot, motif.

Abstracts and sources

1. Belyaev A.R. Chelovek, kotoryi ne spit (Izobreteniiia professora Vagnera) [The Man Who Does Not Sleep (Inventions of Professor Wagner)]. In: *Sobranie sochinenii. V 8 tomakh*. T. 8. (Rasskazy) [Collected Works. In 8 Volumes. Vol. 8 (Stories)]. Moscow: Molodaia gvardiia, 1964. 528 p.
2. Ivanov Vs., Shklovskii V.B. Iprit [Mustard Gas]. Moscow, Red Fish, Amfora, 2005. 399 p.

References

1. Gularyan A.B., Pershukov V.N., Tret'iakov O.V. Transgumanizm cherez prizmu fantastiki: ot skalpel'ia khirurga k informatsionnym tekhnologiiam [Transhumanism through the Prism of Science Fiction: from the Surgeon's Scalpel to Information

- Technologies]. In: *Treti Lemovskie chteniia: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem pamiati Stanislava Lema, Samara, 24–26 marta 2016 goda* [Third Lem Readings: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation in Memory of Stanisław Lem, Samara, March 24–26, 2016]. Samara, Samarskii natsional'nyi issledovatel'skii universitet imeni akademika S.P. Koroleva, 2016, 352–376.
2. Dolgikh A.Yu. *Utopiia i antiutopiia: nauchnaia fantastika i deistvitel'nost'* [Utopia and Dystopia: Science Fiction and Reality]. Kirov, Raduga-PRESS, 2017. 176 p.
 3. Ivan'shina E.A. *Zhizn' ili smert'?* Faustianskie motivy v tvorchestve A.R. Beliaeva [Life or Death? Faustian Motifs in the Works of A.R. Belyaev]. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriia i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], 2016, 26, 3, 29–37.
 4. Nikolaev D.D. *Russkaia proza 1920–1930-kh godov: avantiurnaia, fantasticheskaia i istoricheskaia proza* [Russian Prose of the 1920s–1930s: Adventure, Fantastic and Historical Prose]. Moscow, Nauka Publ., 2006. 688 p.
 5. Papkova E.A. “Videniia griadushchego” v proze V. Itina i Vs. Ivanova 1920-kh gg. (“Strana Gonguri” i “Proisshestvie na reke Tun”) [“Visions of the Future” in the Prose of V. Itin and Vs. Ivanov of the 1920s (“The Land of Gonguri” and “Incident on the River Tun”)]. In: *Solov'evskie issledovaniia* [Solovyov Studies], 2025, issue 1 (85), 180–193.
 6. Papkova E.A. Fantasticheskoe v proze Vsevoloda Ivanova 1910–1930-kh godov [The Fantastic in the Prose of Vsevolod Ivanov of the 1910s–1930s]. In: *Literatura v shkole* [Literature at School], 2022, 4, 27–39.
 7. Platonov F.E. Utopicheskie i antiutopicheskie modeli v poslerevoliutsionnoi Rossii i ikh otrazhenie v literature 1920-kh godov [Utopian and Dystopian Models in Post-revolutionary Russia and Their Reflection in the Literature of the 1920s]. In: *Kazanskaia nauka* [Kazan Science], 2024, 11, 324–327.
 8. Ponomareva D.V. “Chelovek, kotoryi ne spit”: o spetsifike interpretatsii russkogo mifa o Don Kikhote v serii rasskazov A. Beliaeva “Izobretenia professora Vagnera” [“The Man Who Does Not Sleep”: On the Specifics of Interpreting the Russian Myth of Don Quixote in A. Belyaev's Story Cycle “Inventions of Professor Wagner”]. In: *Izvestiia Iuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Proceedings of Southern Federal University. Philology], 2023, 27, 3, 109–120.
 9. Soldatov V.E., Tuzovskii I.D. Sotsiokul'turnoe prostranstvo v antiutopiakh: osnovnye cherty modeliruемого sotsiuma [Sociocultural Space in Dystopias: Main Features of the Modeled Society]. In: *Vestnik ChGAKI* [Bulletin of ChGAKI], 2010, 3 (23), 40–49.
 10. Shishkina S.G. *Istoki i transformatsii zhanra literaturnoi antiutopii v XX veke* [Origins and Transformations of the Literary Dystopia Genre in the 20th Century]. Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Ivanovo, 2009, 230 p.

About the author

Platonov, Fyodor E. – PhD Candidate, A.S. Griboyedov Moscow University (Moscow, Russia); fedor.platonoff@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0005-5904-343X

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила оформления и требования к рукописям статей

К рассмотрению (рецензированию) допускаются рукописи, соответствующие приведенным ниже требованиям.

1. Рукописи статей необходимо оформлять в соответствии с международными профессиональными требованиями к научной статье: объемом не менее 0,5 печатного листа (от 20 000 до 40 000 знаков), шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.
2. Текст рукописи статьи должен иметь следующую структуру: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, заключение (выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад).
3. При цитировании обязательно указание ссылок на все источники из библиографического списка: «...» [Иванов, 2017, с. 119].
4. Таблицы, рисунки и графики оформляются в тексте статьи и отдельным файлом. Просьба в названии файлов указывать свою фамилию («Иванов_статья», «Иванов_таблица»). Названия таблиц, рисунков обязательно сопровождаются переводом на английский язык, что позволяет повысить читаемость статей для зарубежных авторов.
5. Библиографический список (References) содержит только научные труды (статьи, монографии). *Ссылки на архивные и художественные источники, диссертации и авторефераты оформляются в подстрочнике.*
6. К рукописи статьи (в том же файле) прилагаются публикуемые сведения на русском и английском языках:

заглавие _____ – содержит название статьи, инициалы и фамилию автора/авторов, УДК;

адресные сведения об авторе – указываются место работы, занимаемая должность, ученая степень, почтовый рабочий адрес с индексом города, страна, адрес электронной почты (все сведения предоставляются полностью без сокращений);

аннотация статьи – краткое изложение основного содержания статьи и ее обобщающих результатов (не более 200 слов / 1500 знаков).

Требования к содержанию и структуре аннотации

В аннотации сохраняется структура статьи очень кратко: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад. Соответственно на английском языке: problem statement, purpose of the article, review of scientific literature on the problem, methodology (materials and methods), research results, conclusions in accordance with the purpose of the article, author's contribution;

ключевые слова (10–15);

пристатейный список литературы – научные статьи, монографии, из них желательно статьи из зарубежных (Scopus, Web Of Science) журналов за последние 3–5 лет с указанием DOI для всех источников при его наличии – оформляется в алфавитном порядке в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 и международными стандартами, принятыми редакцией (перевод на английский язык);

данные по каждому источнику предоставляются в соответствии с оригинальным переводом названия статьи, названием журнала, в т.ч. и транслитерацией фамилий авторов;

ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, содержат фамилию (фамилии) автора, год издания и страницы цитируемой работы.

Ссылки на другие виды источников (архивную, нормативную, публицистическую, справочную, учебно-методическую литературу, словари, авторефераты диссертаций...) оформляются внутри текста статьи подстрочными ссылками.

Сопроводительные сведения к статье (в одном файле со статьей)

1. Библиографический список на русском языке и на английском (References).
2. На английском языке также: И.О.Ф. автора. Название статьи. Аннотация. Ключевые слова.
3. Сведения об авторе и контактная информация на русском и английском языках.

ОБРАЗЕЦ

УДК 378

НОВЫЕ СТАНДАРТЫ – НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ

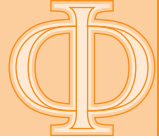
А.Г. Сидорова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Ключевые слова

Текст

.....

Библиографический список

1. Зимняя И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (Теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня. 2006. № 8. С. 20–26. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21594618> (дата обращения: 20.10.2019).
2. Романов Р.В. Методология и теория инновационного развития высшего образования в России: монография. М.: ИНФРА-М, 2016. 302 с. DOI: 10.12737/17756
3. Трансформация высшего образования: кейсы российской магистратуры: монография / отв. ред. А.В. Гармонова, Е.А. Савеленок. М.: МАКС Пресс, 2020. 244 с. DOI: 10.29003/m1378.978-5-317-06396-2
4. Shershneva V.A., Shkerina L.V., Sidorov V.N., Sidorova T.V., Safonov K.V. Contemporary Didactics in Higher Education in Russia. In: European Journal of Contemporary Education. 2016. Vol. 17. Pp. 357–367. DOI: 10.13187/ejced.2016.17.357 www.ejournal1.com

И так далее... не менее 15–20 единиц.

Сведения об авторе на русском языке

.....

На английском языке

NEW STANDARDS – NEW CONTENT AND TECHNOLOGY EDUCATION

G.S. Sidorova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract (английский перевод аннотации)

Keywords (английский перевод ключевых слов)

References (см. правила ниже)

About the author

Sidorova, Galina S. – PhD Candidate (Philology), associate professor of the Russian Language and Teaching Methodology Department, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: ...

Правила оформления References

Общая структура англоязычной библиографической ссылки на статью в журнале должна быть следующей:

Author A.A., Author B.B., & Author C.C. Title of article. In: *Title of Journal*, 2005, 10 (2), 49–53.

Название статьи набирается прямым шрифтом. После названия ставится точка: Jonson, K.S., Smit, F.O. Corporate Subcultur of the Modern Society.

Перед названием журнала пишется предлог In: Название журнала выделяется *курсивом*:

Jonson K.S., Smit F.O. Corporate Subcultur of the Modern Society. In: *Bulletin of KSU*,

Номер тома (выпуска) журнала указывается арабской цифрой после **запятой**. Номер журнала (при наличии) приводится в круглых скобках. Обозначения No., Vol., № недопустимы. Номера страниц указываются после запятой без обозначений p. или Pp., цифрами через тире. При наличии далее после точки приводят DOI или EDN.

Jonson K.S., Smit F.O. Corporate Subcultur of the Modern Society. In: *Bulletin of KSU*, 2015, 45 (6), 55–60. DOI: и/или EDN:

Если дается ссылка на русскоязычный источник, обязательны транслитерация (по системе Библиотеки Конгресса США) и перевод (текст заключается в **квадратные скобки**):

Iakovlev I.I., Khasan P.H. Keramika vostochnykh slavian [Ceramics of the Eastern Slavs]. In: *Sovetskaia arkheologiya [Soviet archeology]*, 2015, 1, 5–10. DOI: и/или EDN:

При ссылке на книгу/монографию на английском языке название выделяется *курсивом*. После названия ставится **точка**, затем указывается город и через запятую – издательство и год издания. В конце после **точки** приводится общее количество страниц.

Chomsky N. *Aspects of the Theory of Syntax*. Cambridge, Massachusetts, MIT Press, 1965. 495 p.

Ссылка на книгу или монографию на русском языке приводится в транслитерации с переводом, название выделяется *курсивом* в обоих случаях. Перевод – в квадратных скобках. После скобок ставится точка. Город, место издания и год – через запятую. Название издательства дается в транслитерации. После года издания – точка и общее количество страниц с обозначением **p.**:

Krupnov V.N. *V tvorcheskoi laboratorii perevodchika [In a creative lab of a translator]*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia, 1976. 192 p.

При ссылке на статью из сборника или главу из книги на русском языке после транслитерации названия статьи/главы и перевода (в квадратных скобках) ставится точка, потом предлог In:, далее дается название источника в транслитерации и его перевод (в квадратных скобках) *курсивом*, потом через

запятую следуют год, том и номер выпуска (если они есть), затем указываются номера страниц (после названия источника курсив убирается):

Zharenkova G.I. Deistviia detei s zaderzhkoi psikhicheskogo razvitiia po obraztsu i slovesnoi instruktsii [The actions of mentally retarded children on an illustrative example and a verbal instruction]. In: *Defektologiya* [*Defectology*], 1975, 4, 29–35.

Ссылка на материалы конференций делается следующим образом с соблюдением общих правил. Название конференции указывается после названия статьи *курсивом* сначала в транслитерации, затем в переводе в квадратных скобках.

Usmanov T.S., Gusmanov A.A., Mullagalin I.Z., Mukhametshina R.Iu., Chervyakova A.N., Sveshnikov A.V. The features of the design of field development with the use of hydraulic fracturing [Osobennosti proektirovaniya razrabotki mestorozhdeniy s primeneniem gidrorazryva plasta]. *Trudy 6 Mezhdunarodnogo Simpoziuma "Novye resursosberegayishchie tekhnologii nedropol'zovaniya i povysheniia neftegazootdachi"* [Proc. 6th Int. Technol. Symp. "New energy saving subsoil technologies and the increasing of the oil and gas impact"]. Moscow, 2007, 267–272.

Ссылка на интернет-ресурс оформляется следующим образом:

APA Style. 2011. Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (access date: 05.02.2011).

Научное периодическое электронное сетевое издание

**СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ
КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. В.П. АСТАФЬЕВА**

2025. № 4 (33)

Журнал

Редактор М.А. Исакова
Корректор Ж.В. Козупица
Редактор английского текста Т.М. Софронова
Технический редактор В.В. Ингул
Верстка Н.С. Хасаншина

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Отдел научных исследований и грантовой деятельности КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 8(391) 217-17-82

Подготовлено к изданию 28.11.25.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 19,6